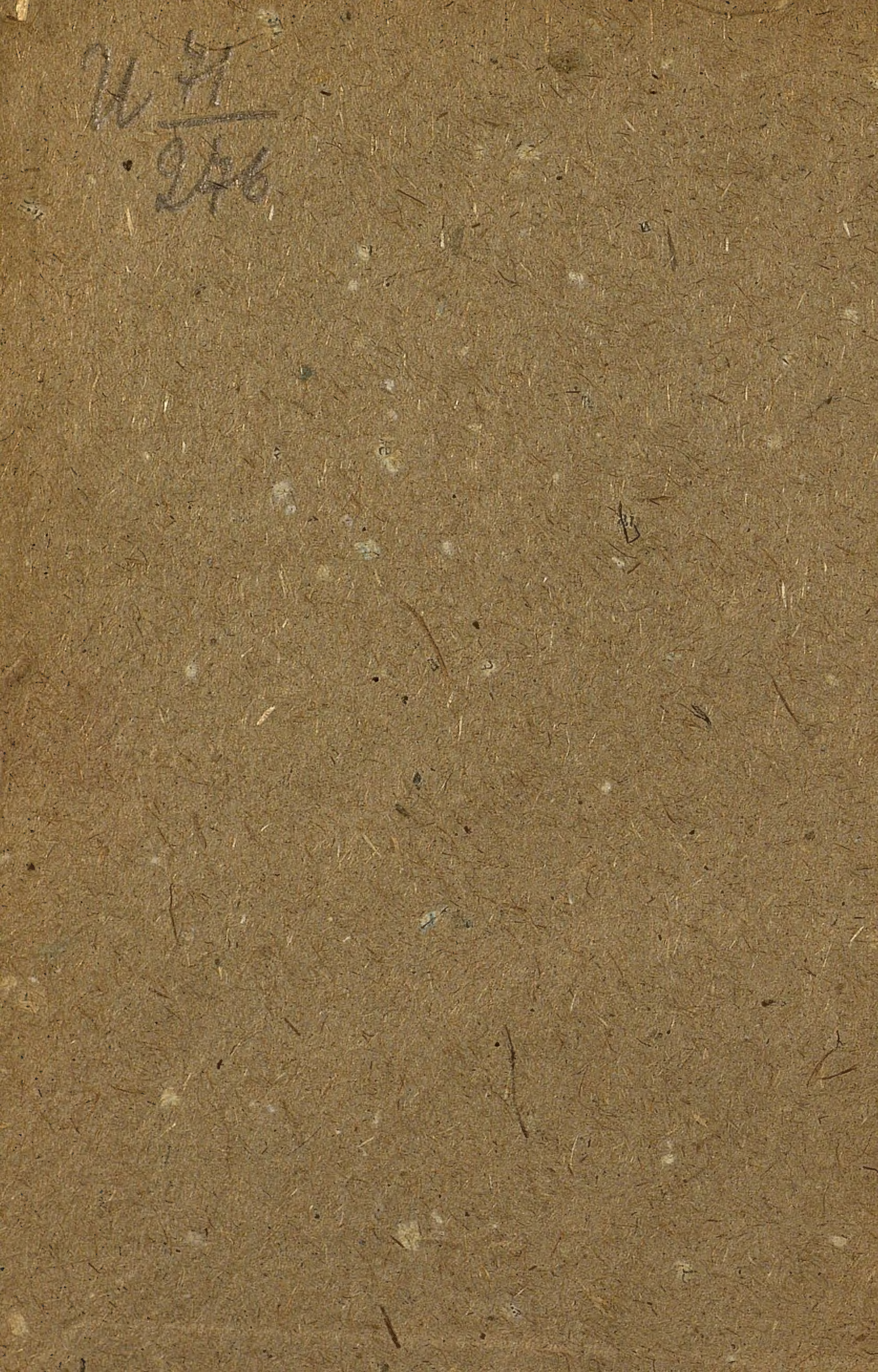

Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени Графа С. А. Строганова.

Лейтенантъ И. И. Ренгартенъ.

Воспоминанія Портъ-Артурца.

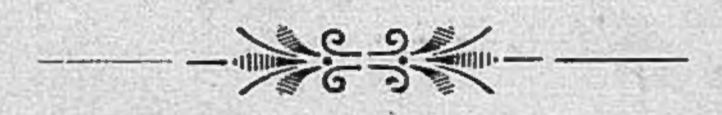
Удостоено преміи имени Графа С. А. Строганова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1910.

Изданіе Комиссіи по завѣдыванію капиталомъ имени Графа С. А. Строганова.

Лейтенантъ И. И. Ренгартенъ.

Воспоминанія Портъ-Артурца.

Удостоено преміи имени Графа С. А. Строганова.

С.-Петербургъ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1910.

Вице-Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ.

„Смѣлымъ Богъ владѣетъ"

„Смѣлымъ Богъ владѣетъ“.

2011121512

На войну.

1904 годъ не предвѣщалъ ничего добраго.

Еще съ осени 1903 г. зловѣщій призракъ войны поднимался на Востокѣ; гдѣ-то, далеко отъ родины, въ водахъ Тихаго океана занималась гроза.

И вотъ—обрушилось!

Телеграфъ принесъ страшную вѣсть: война началась.—«Варягъ» и «Кореецъ» погибли въ неравномъ бою, «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ», лучшіе богатыри нашего флота того времени, тяжко ранены, «Паллада» взорвана одновременно съ ними...

Создалось неописуемое настроенiе: воодушевленiе, ликованiе, надежда—и, на ряду съ ними,—отчаянiе и сѣтованiя. Но поздно было спрашивать—почему?

Надо было дѣйствовать; нападенiе совершилось, слѣдовало отвѣтить на него по слову Царскаго манифеста вооруженною силой.

28-го Января война была объявлена.

Это былъ удивительный день.

Едва ли не больше другихъ, мы, юные гардемарины Морского Корпуса, были взбудоражены этими событiями.

Насъ это коснулось такъ близко—буря разразилась надъ флотомъ, въ ряды котораго намъ предстояло вступить спустя 3 мѣсяца; наши отцы и братья были тамъ въ памятные отнынѣ дни 26-го и 27-го Января.

И мы рвались туда, въ многострадальный Артуръ, всей нашей душой.

Мечтѣ суждено было осуществиться.

Въ тотъ же день, день объявленiя войны, Государь Императоръ посѣтилъ насъ и сказалъ намъ слѣдующiя незабвенныя слова:

«Вамъ извѣстно, господа, что третьяго дня намъ объявлена война.

Дерзкiй врагъ въ темную ночь осмѣлился напасть на нашу твердыню, нашъ флотъ безъ всякаго вызова съ нашей стороны.

Въ настоящее время отечество нуждается въ своихъ военныхъ силахъ какъ флота, такъ и армiи; и Я самъ прiѣхалъ сюда къ вамъ нарочно, чтобы видѣть васъ и сказать вамъ, что Я произвожу васъ

въ мичманы, чтобы пополнить нашъ флотъ; производя васъ теперь, на три съ половиной мѣсяца ранѣе срока и безъ экзамена, Я увѣренъ, что вы приложите всю свою ревность и свое усердіе для пополненія вашихъ знаній и будете служить, какъ служили ваши прадѣды, дѣды и отцы, въ лицѣ адмираловъ—Чичагова, Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина на пользу и славу нашего дорогого отечества.

Я увѣренъ, что вы посвятите всѣ ваши силы нашему флоту, осѣненному флагомъ съ Андреевскимъ крестомъ».

Старыя стѣны Корпуса задрожали отъ могучаго «ура» и семьсотъ молодыхъ голосовъ запѣли хоромъ гимнъ.

Мы, произведенные—128 человѣкъ, обезумѣли отъ счастія. Восторженной толпой окружая Царя съ Царицей, мы умоляли Его послать насъ на врага и Царь молвилъ:

— «Хорошо! Нѣкоторые изъ васъ пойдутъ...».

Въ однихъ мундирахъ, вмѣстѣ съ младшими товарищами бѣжали мы по морозу, провожая до дворца Государеву карету, на козлахъ и на запяткахъ которой примащивались гардемарины, падали, снова вскакивали, цѣпляясь за что попало.

Дѣйствительно, нѣкоторымъ посчастливилось попасть на войну—я былъ изъ ихъ числа.

Насъ было тринадцать.

Провожаемые прощальными криками многотысячной толпы, наводнившей дебаркадеръ Николаевскаго вок-

зала, напутствуемые пожеланіями побѣды и славы, мы 6-го Февраля скорымъ вечернимъ поѣздомъ покинули столицу.

Чѣмъ дальше на востокъ уносилъ насъ поѣздъ, тѣмъ сильнѣе становилось нетерпѣніе скорѣе самимъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; мы боялись опоздать на войну.

Промелькнули — Уралъ, Байкальское озеро; послѣ Иркутска пошли воинскіе поѣзда; перевалили границу— поѣздъ пошелъ по Манчжуріи. На станціяхъ были расклеены Высочайшіе манифесты объ объявленіи войны на русскомъ и китайскомъ языкахъ.

Послѣ Хайлара и Хинганскаго перевала охрана дороги становилась строже; подъѣзжая къ Харбину, мы видѣли пылающія деревни—поджоги монголовъ.

Навстрѣчу шли поѣзда переполненные Артурскими жителями; разсказы ихъ были полны страховъ.

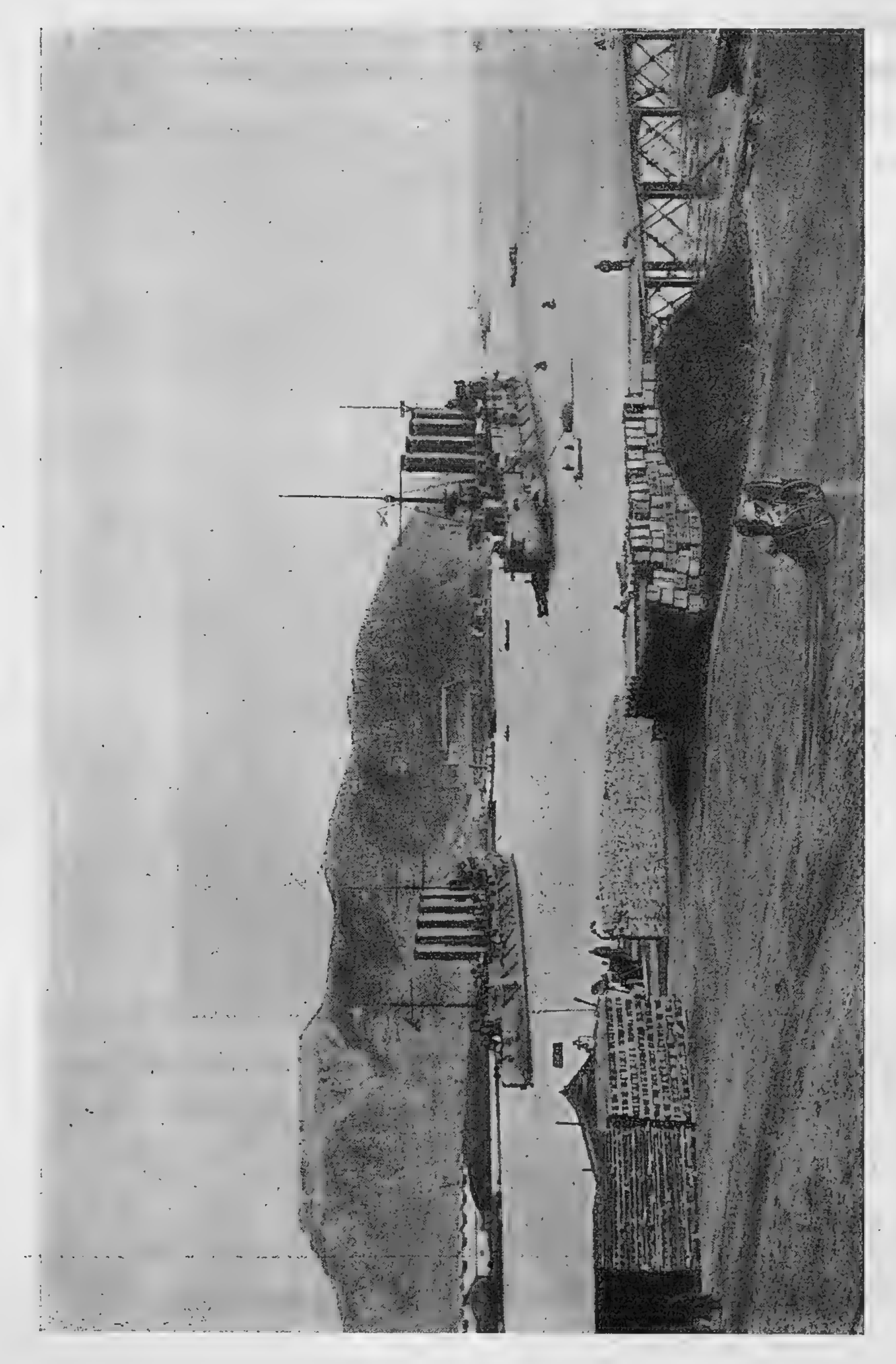
Мукденъ и Ляоянъ уже замѣтно наполнялись войсками.

А поѣздъ все шелъ на югъ. Проѣхали Кинь-Чжоу; справа и слѣва открылись широкія бухты, мы съ любопытствомъ смотрѣли въ окна какъ мелькали по горамъ и лощинамъ фигуры солдатъ, работавшихъ надъ созданіемъ укрѣпленій Кинь-Чжоуской позиціи.

Въ поѣздѣ говорили, что въ Артурѣ—сильнѣйшая бомбардировка. Скорѣй, скорѣй!.. воинскіе поѣзда идутъ такъ медленно...

Наконецъ, на 20-ый день путешествія, поздно ночью 26-го февраля, мы прибыли въ Артуръ.

Грозное и непонятное впечатлѣніе произвела на насъ крѣпость въ эту темную ночь.

Внутренній рейдъ.

Слѣва—крейсеръ „Аскольдъ“, справа крейсеръ „Баянъ“. За ними Золотая Гора.

За неясными очертаніями береговыхъ скалъ, усѣянныхъ батареями, даль пронизывали мутные лучи прожекторовъ *); черные силуэты судовъ эскадры еле вырисовывались въ глубинѣ внутренняго рейда.

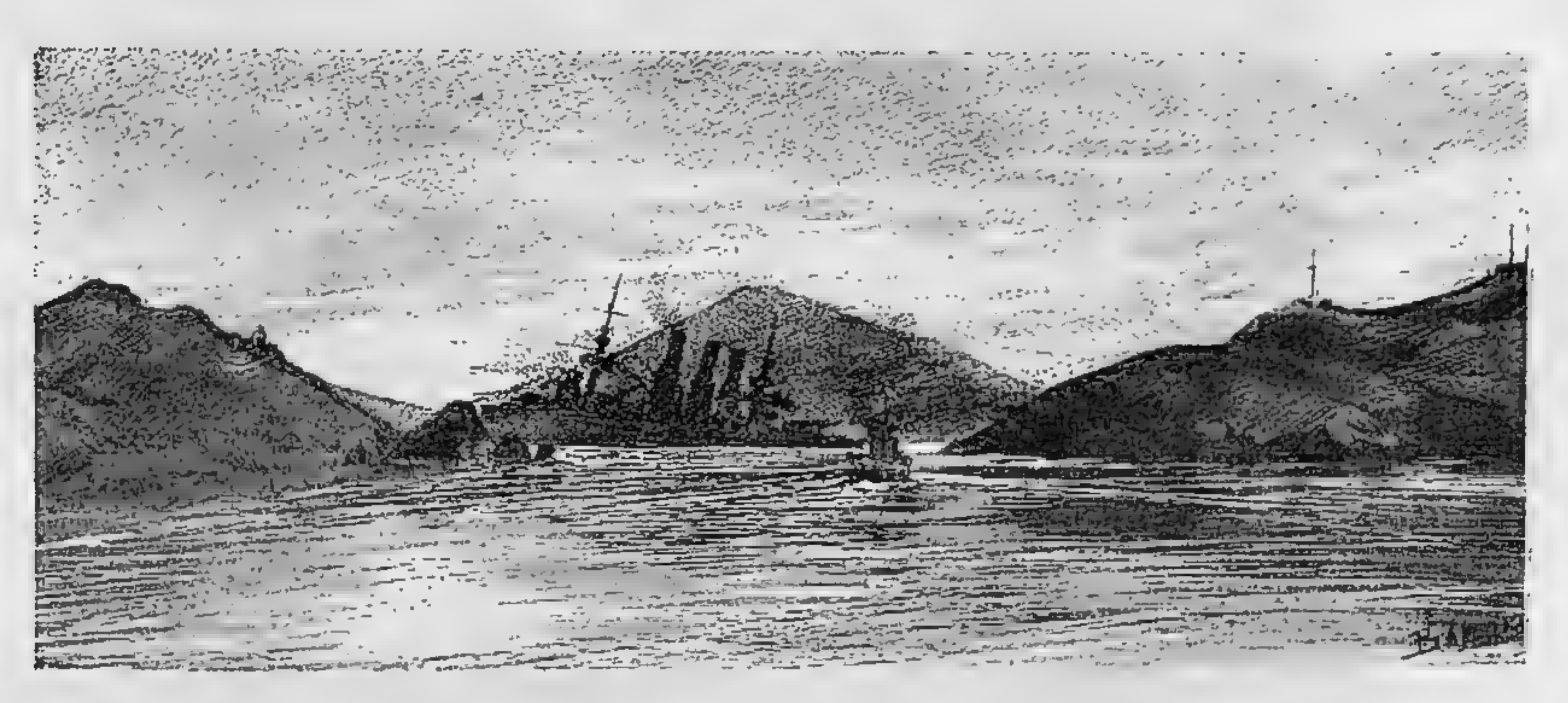
Надводная пробоина, полученная броненосцемъ „Побѣда“ въ бою 27 января.

Было тревожное предчувствіе, что здѣсь многому во вѣки незабвенному суждено случиться.

*) Электрическихъ фонарей.

Первые дни моего пребыванія въ этой новой удивительной обстановкѣ прошли среди безчисленныхъ разсказовъ о происшедшемъ.

Еще только наканунѣ эскадра и городъ подверглись жесточайшей бомбардировкѣ съ моря, на «Ретвизанѣ» были убитые и раненые, въ городѣ было убито три человѣка, мирно обѣдавшихъ въ своей квартирѣ.

Броненосецъ „Ретвизанъ" въ проходѣ.

Наши потери были уже значительны: крейсеръ «Варягъ» и канонерская лодка «Кореецъ» уничтожены на рейдѣ Чемульпо, чтобы не отдаваться японцамъ послѣ неравнаго боя съ 6-ю непріятельскими кораблями; минный транспортъ «Енисей» и крейсеръ «Бояринъ» взорвались и погибли на нашемъ собственномъ минномъ загражденіи въ Таліенванской бухтѣ; доблестный командиръ «Енисея», капитанъ 2-го ранга Степановъ, не хотѣлъ спасаться и раздѣлилъ несчастную судьбу своего корабля; съ нимъ погибли мичмана Хрущовъ и Дриженко и инженеръ-механикъ Яновскій.

Въ ночь на 26-ое Февраля миноносецъ «Стерегущій» геройски погибъ въ бою съ японскими минонос-

Бой миноносца „Стерегущій“, 26 февраля 1904 г.

цами; командиръ его, лейтенантъ Сергѣевъ, смертельно раненый, завѣщалъ матросамъ—умирать, но не сдаваться. Погибли всѣ, кромѣ четырехъ человѣкъ: машиннаго квартирмейстера Юрьева, кочегара Хиринскаго, трюмнаго Новикова и кочегара Осинина; офицеры же погибли всѣ до одного (лейтенантъ Сергѣевъ, Лейтенантъ Головизнинъ, мичманъ Кудревичъ и инженеръ-механикъ Анастасовъ).

Когда всѣ орудія на «Стерегущемъ» замолкли и почти всѣ его защитники были ранены и убиты отъ японскаго миноносца «Сазанами» отвалила шлюпка, чтобы взять миноносецъ.

Въ это время смертельно-раненный машинный квартирмейстеръ Букаревъ, очнувшись отъ забытья, подозвалъ къ себѣ бывшихъ вблизи трюмнаго Новикова и кочегара Осинина, послѣднихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ «Стерегущаго», и, узнавъ отъ нихъ, что кингстоны еще не открыты, напомнилъ имъ о послѣднемъ завѣтѣ командира и приказалъ немедленно открыть кингстоны, что сейчасъ же и было выполнено Новиковымъ. Возвратившись на палубу Новиковъ задраилъ за собой двери и люки. Вода стала быстро прибывать. Къ подходу шлюпки съ японскаго миноносца «Стерегущій» былъ уже наполовину погруженъ въ воду и минуту спустя скрылся подъ водой унося съ собой тѣла своихъ героевъ защитниковъ.

Миноносецъ «Внушительный» отрѣзанный отъ Портъ-Артура непріятельскими крейсерами затонулъ въ Голубиной бухтѣ послѣ ночной развѣдки 11-го Февраля;

наконецъ, броненосцы «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ» и крейсеръ «Паллада» оставались еще выведенными изъ строя на болѣе или менѣе продолжительное время.

Такимъ образомъ, къ Марту мѣсяцу въ Артурѣ находились слѣдующія суда:

Миноносецъ „Внушительный", затонувшій послѣ боя 11 февраля въ Голубиной бухтѣ.

Эскадренные броненосцы: «Цесаревичъ», «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Побѣда», «Петропавловскъ», «Севастополь», «Полтава».

Крейсеры I ранга: «Баянъ», «Аскольдъ», «Паллада», «Діана».

Крейсеръ II ранга: «Новикъ».

Канонерскія лодки: «Отважный», «Гремящій», «Бобръ», «Гилякъ». Минный транспортъ «Амуръ».

Минные крейсеры: «Всадникъ», «Гайдамакъ».

Внутренній рейдъ Портъ-Артура.

Бѣлое судно—„Баянъ“, слѣва—„Аскольдъ“ и броненосцы, впереди—миноносцы.

Эскадренные миноносцы: «Лейтенантъ Бураковъ», «Властный», «Выносливый», «Внимательный», «Безшумный», «Безстрашный», «Бдительный», «Безпощадный», «Боевой», «Грозовой», «Бойкій», «Бурный», «Разящій», «Расторопный», «Рѣшительный», «Сильный», «Скорый», «Смѣлый», «Сердитый», «Стройный», «Сторожевой», «Страшный», «Статный».

Крейсеры III ранга: «Джигитъ», «Разбойникъ», «Забіяка».

Транспорты: «Ангара» и «Ермакъ».

Портовое судно: «Силачъ».

Вице-Адмиралъ Макаровъ.

Не увѣнчавшаяся успѣхомъ, попытка японцевъ заградить проходъ во внутренній рейдъ Артура пароходами-брандерами *) не могла разогнать общаго тревожнаго настроенія и нуженъ былъ такой мощный богатырь, какимъ былъ вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ, чтобы всѣ разомъ воспрянули духомъ.

Никогда не забуду моей первой встрѣчи съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ; это было 27-го Февраля.

Съ моря возвращалась, послѣ маневрированія, эскадра; на мостикѣ «Петропавловска» я издали увидѣлъ замѣтную фигуру адмирала съ его большой бородой. Чудилось—будто онъ рожденъ стоять такъ на

*) Суда, которыми непріятель закупориваетъ выходъ изъ гавани, затопляя ихъ на фарватерѣ.

мостикѣ, чтобы властному мановенію его руки повиновались цѣлыя эскадры, вѣрилось, что съ нимъ—нѣтъ выбора между вѣчностію и безславіемъ.

Надо было попасть подъ его команду во что бы то ни стало; мы, вновь прибывшіе, больше всего боялись оказаться на береговыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ экипажѣ, и были внѣ себя отъ радости, когда 29-го Февраля приказомъ Командующаго флотомъ были назначены на суда эскадры.

Военныя событія не заставили себя ждать.

Въ ночь съ 8-го на 9-ое Марта отрядъ японскихъ миноносцевъ дважды атаковалъ наши сторожевыя суда «Бобръ» и «Отважный»; Командующій флотомъ самъ на минномъ катерѣ отправился въ сторожевую цѣпь, какъ только узналъ о нападеніи.

Огненнымъ дождемъ обрушились на японцевъ наши батареи съ берега и съ судовъ; японцы ушли ни съ чѣмъ, быть можетъ, съ потерями, оставивъ намъ двѣ невзорвавшіяся самодвижущіяся мины Уайтхеда; двѣ другихъ взорвались на камняхъ на разсвѣтѣ, принесенныя прибоемъ къ берегу.

Въ 6 часовъ утра 9-го Марта флагъ командующаго взвился на крейсерѣ «Аскольдъ» и адмиралъ, никого не дожидаясь, смѣло вышелъ на рейдъ, неся сигналъ: «Отряду броненосцевъ слѣдовать за мною».

На горизонтѣ виднѣлась японская эскадра.

Это было мое первое боевое крещеніе.

Едва вышелъ «Аскольдъ», что то далеко въ морѣ ухнуло, загудѣло и съ воемъ пронеслось надъ нашими

головами, разорвавшись съ ужаснымъ грохотомъ на тысячу кусковъ гдѣ то на улицѣ города. Вотъ уже гудитъ другой, этотъ хлопнулъ въ воду поднявъ высокій бѣлый всплескъ;—началось!

Было любопытно и жутко.

И съ нашей стороны начали стрѣлять; пока одни броненосцы выходили на рейдъ, другіе, стоя за высокими горами въ бассейнѣ, бросали 20-ти пудовыя бомбы черезъ Ляотишанскія высоты по японскимъ кораблямъ.

Японцы особенно старались бить по проходу, видя, какъ мы вытягиваемся на рейдъ.

Осколокъ разорвавшагося объ воду у борта снаряда, звякнулъ о крышу орудійной башни, на которой я сидѣлъ.

Какъ только наша эскадра вышла на рейдъ, бомбардировка тотчасъ же прекратилась (японцами было выпущено около 270 снарядовъ); мы пошли на непріятеля—7 кораблей противъ 16-ти, но японцы не хотѣли драться; послѣ первыхъ же двухъ выстрѣловъ «Петропавловска», съ разстоянія около 5 миль, они стали удаляться и скоро скрылись за горизонтомъ.

Нашъ адмиралъ прогналъ японцевъ.

Мы были полны надеждъ; если съ неравными силами Командующій флотомъ не задумывался открытымъ наступленіемъ защищать крѣпость отъ бомбардировокъ, то, когда оправятся отъ поврежденій «Ретвизанъ», «Цесаревичъ» и «Паллада», онъ поведетъ насъ на врага и сумѣетъ его опрокинуть.

Свѣтлое и бодрое настроеніе не покидало насъ; оно поддерживалось постоянными выходами въ море.

13-го Марта вся эскадра вышла на развѣдку; мы были еще недалеко отъ Артура, когда чуть не случилось страшнаго несчастія: при перестроеніяхъ столкнулись два нашихъ броненосца «Пересвѣтъ» и «Севастополь».

Страшно было смотрѣть какъ уменьшалось между ними разстояніе; не смотря на то, что «Севастополь»

Крейсеръ II ранга „Новикъ".

далъ самый полный ходъ впередъ, а «Пересвѣтъ» полный назадъ—уже было поздно; раздался глухой трескъ, «Севастополь» вздрогнулъ, накренился и тревожные частые удары гонга *) возвѣстили о «водяной тре-

*) Металлическая доска.

вогѣ»;—броненосецъ вышелъ изъ строя. Вскорѣ однако онъ оправился, выравнилъ кренъ и, поднявъ сигналъ «могу остаться въ строю», сталъ концевымъ. Эскадра пошла дальше.

Когда Артуръ уже скрылся за горизонтомъ, лихой «Новикъ» помчался искать японцевъ между островами Мяо-Тао; корабли застопорили машины и мы видѣли, какъ «Новикъ» нѣсколькими выстрѣлами утопилъ какой то пароходъ; одновременно, по безпроволочному телеграфу съ «Новика» было сообщено, что на пароходѣ нашли переодѣтыхъ китайцами японцевъ и нѣсколько минъ Уайтхеда. Все было взято, а пароходъ былъ слишкомъ ветхъ, чтобы съ нимъ возиться; его и утопили тутъ же.

Еще подъ вечеръ мы возвращались домой со спокойною увѣренностью въ своихъ силахъ.

Наступила памятная для меня ночь.

Я былъ въ сторожевой цѣпи на паровомъ катерѣ, вооруженномъ метательной миной и двумя 37 м/м пушченками.

Вышелъ на рейдъ: тьма, только гигантскіе снопы пяти прожекторовъ медленно двигались высоко надъ головою, точно ощупывая горизонтъ. Мелькнетъ что нибудь въ морѣ—лучъ остановится, разсмотритъ и идетъ дальше бродить по морю. Кромѣ этихъ пяти блистающихъ глазъ на берегу—ни огонька, было строго приказано тщательно завѣшивать всѣ окна въ домахъ.

Свѣжій вѣтеръ развелъ порядочную волну, катеръ качался стоя на дрекѣ *) недалеко отъ берега подъ батареей на Тигровомъ полуостровѣ.

Минеръ Моисеевъ налаживалъ минный аппаратъ, боцманматъ Скорикъ, старшина, вмѣстѣ со мною силился разсмотрѣть густую тьму.

Море рокотало. Оно чуяло добычу.

Пожаръ брандера „Хохоку-мару“, утопленнаго снарядами „Ретвизана“ во время 1 попытки заградить входъ 11 февраля 1904 г.

Около 2-хъ часовъ ночи, вдругъ неожиданно ахнулъ рѣзкій, сухой звукъ выстрѣла и высоко черезъ насъ. съ воемъ пролетѣлъ снарядъ. Лучъ прожектора ярко

*) Небольшой якорь.

освѣтилъ всплескъ воды въ мѣстѣ паденія бомбы, за нимъ мелькнули четыре свѣтлыхъ точки.

Сразу, точно сговорившись, грянули пушки; съ трехъ сторонъ зазвенѣли снаряды, весь берегъ зловѣще вспыхивалъ при каждомъ выстрѣлѣ, какой то безумный стонъ стоялъ въ воздухѣ.

Четыре точки увеличивались, быстро приближаясь; наконецъ, стало ясно, что это пароходы—брандеры.

Скоро и брандеры открыли огонь по прожекторамъ и по проходу; нашъ маленькій катеръ терялся въ этомъ хаосѣ подъ сѣтью снарядовъ свистѣвшихъ по всѣмъ направленіямъ.

Страшное и красивое зрѣлище: четыре парохода подъ жесточайшимъ градомъ огня и стáли упрямо шли на вѣрную гибель, ярко освѣщенные лучами прожекторовъ, ежесекундно вспыхивая огнями своихъ выстрѣловъ и отъ разрывовъ нашихъ снарядовъ;—вотъ уже они совсѣмъ близко! Всѣ пять лучей прожекторовъ впились въ пароходы. Вода кипѣла вокругъ нихъ отъ всплесковъ. Воздухъ дрожалъ отъ грома орудій.

Вотъ нашъ миноносецъ «Сильный» ринулся изъ прохода въ море,—долгій свистокъ вдругъ раздался и потонулъ въ общемъ грохотѣ. Потомъ—высокій столбъ воды и дыма, раскатистый звукъ взрыва, и миноносецъ исчезъ во мракѣ.

Нашъ катерокъ, едва поспѣвая, шелъ бортъ о бортъ съ послѣднимъ пароходомъ и, когда наша летательная мина, пущенная въ него, разорвалась у его борта, этотъ взрывъ казался дѣтской хлопушкой въ сравненіи съ тѣмъ адомъ, что творилось вокругъ.

*

Японскіе пароходы-заградители, пытавшіеся 14 марта закупорить входъ въ гавань, выскочившіе подъ Золотой горой.

Пароходы тонули; три—вправо отъ прохода подъ Золотой горой, четвертый—уткнувшись носомъ въ утопленный еще 11-го Февраля брандеръ «Хококу-мару». Этотъ четвертый назывался «Тамеяма-мару» и былъ приведенъ храбрымъ капитанъ-лейтенантомъ японскаго флота Такео-Хирозе, который поплатился жизнью за свою смѣлую попытку, тѣмъ болѣе смѣлую, что Хококу-мару былъ тоже приведенъ тѣмъ-же Хирозе, но тогда ему удалось спастись на шлюпкѣ.

Но этого было еще мало; отъ тонувшихъ пароходовъ отвалили шлюпки; храбрецы, ровно взмахивая веслами, изо всѣхъ силъ гребли, уходя отъ снарядовъ... Много погибло ихъ въ этой неравной борьбѣ...

Между тѣмъ на рейдѣ кипѣлъ бой; были лишь видны яркія вспышки—это миноносецъ «Сильный» сцѣпился съ 6-ью непріятельскими миноносцами, сопровождавшими брандеры.

Онъ бился съ ними, пока снарядомъ не перебило паровую трубу; подъ одной машиной, весь въ облакѣ пара онъ едва дошелъ до берега и выбросился близъ того мѣста, гдѣ приткнулись непріятельскіе брандеры.

Уже забрезжилъ разсвѣтъ когда послѣдняя пушка, точно прощальный привѣтъ, гулко бросила въ море снарядъ.

Мгла таяла, яснѣе вырисовывались очертанія батарей, сторожевыхъ судовъ и злосчастныхъ брандеровъ; печально торчали изъ воды ихъ мачты, трубы и часть корпусовъ.

На «Тамеяма» болтался какой то четырехфлажный сигналъ.

Командиръ, офицеры и команда миноносца „Сильный“ послѣ ночного боя 14 марта 1904 г.
Въ серединѣ—командиръ Лейтенантъ Криницкій, слѣва Лейтенантъ Пелль, справа Мичманъ Дмитріевъ.

Ночная драма кончилась.

Я подошелъ на своемъ катерѣ къ «Сильному»,—на немъ считали жертвъ смѣлаго боя: въ машинномъ отдѣленіи лежало семь обожженныхъ труповъ — инженеръ-механика Звѣрева и шесть машинистовъ сварило паромъ. Осколками снарядовъ ранило командира Лейтенанта Криницкаго и нѣсколькихъ матросовъ. Нѣкоторые сильно страдали; я слышалъ ихъ стоны, когда завернутыхъ въ одѣяла, на носилкахъ, ихъ осторожно укладывали въ мой катеръ, чтобы отправить въ госпиталь.

На югѣ не бываетъ долгихъ сумерокъ; очень скоро съ востока ярко брызнули лучи восходящаго солнца.

На большомъ пространствѣ рейда плавали обломки дерева, койки, буйки, пояса, весла и пр.

Всю ночь Командующій флотомъ находился на канонерской лодкѣ «Бобръ» и лично руководилъ отраженіемъ атаки.

Тѣмъ временемъ на горизонтѣ собралась вся японская эскадра, точно желая убѣдиться, удалась ли попытка запереть насъ въ крѣпости.

Но—проходъ былъ чистъ и наши броненосцы, во главѣ съ «Петропавловскомъ», свободно вышли въ море и пошли на японцевъ.

Пробили боевую тревогу; я снова былъ въ своей башнѣ. Комендоры весело наводили заряженныя орудія и только ждали приказанія, чтобы открыть огонь.

Но японцы опять не захотѣли драться и, постепенно уходя отъ насъ, скрылись за горизонтомъ.

Весь день эскадра сторожила крѣпость, мы стояли на якорѣ далеко отъ берега; подъ вечеръ всѣ втянулись въ гавань.

До конца марта непріятель не тревожилъ насъ.

Эти дни прошли въ работѣ и постоянной готовности къ нападенію непріятеля.

Пароходъ „Эдуардъ Бари“,
затопленный для прегражденія непріятелю входа на рейдъ.

На утопленныхъ брандерахъ минеры срывали мачты и трубы, сотни матросовъ тесали и связывали бревна для устройства цѣлой сѣти боновъ *); передъ проходомъ для его защиты отъ будущихъ брандеровъ затопили два большихъ парохода «Шилку» и «Эдуардъ-Бари»; саперы заграждали рейдъ передъ проходомъ

*) Бревна связанныя цѣпями, преграждающія путь кораблямъ.

рядомъ линій подводныхъ минъ; портъ и эскадра работали не покладая рукъ надъ исправленіемъ «Ретвизана», «Цесаревича» и «Паллады».

Наступилъ канунъ Свѣтлаго Праздника.

Заброшенные за тысячи верстъ отъ родной земли, въ далекой крѣпости, ежеминутно ожидая незваннаго гостя, чтобы встрѣтить его честью — смертельнымъ огнемъ, мы собирались встрѣчать Пасху.

Чтобы врагъ не засталъ насъ въ Торжественную полночь, «Христосъ Воскресе» было пропѣто еще въ 10 часовъ вечера.

Я былъ у заутрени въ судовой походной церкви, собранной въ батарейной палубѣ, среди орудій; странно звучали слова любви и всепрощенія въ этомъ мѣстѣ, которому суждено было въ пороховомъ дыму обагриться кровью.

Я разсматривалъ лица матросовъ; не одна пара глазъ затуманилась; точно вспомнили родное село, бѣлую церковь сіяющую въ темнотѣ, окруженную народомъ — всѣ съ зажженными свѣчами въ рукахъ, крестный ходъ идетъ, священникъ кропитъ святой водой куличи и пасхи, хоругви, блестя крестами, колышатся надъ обнаженными головами...

Первые три дня праздника прошли спокойно только съ вечера, когда крѣпость, погружалась во мракъ и зажигались пять ея глазъ, что то тревожное, не мирное, чуялось въ воздухѣ, днемъ же не было видно войны— команда гуляла на берегу, близъ дока были устроены различныя увеселенія, кто то лѣзъ на высокій шестъ, одобряемый шумной толпой матросовъ; на «этажеркѣ»,

мѣстномъ скверѣ, гремѣла музыка, толпа была нарядна и безпечна.

Не подозрѣвали, что не будетъ больше никогда такихъ дней въ Артурѣ.

Послѣдній праздничный день, 29-ое Марта, ярче другихъ остался въ памяти.

Въ этотъ ясный, солнечный день мы совершили морскую прогулку; вся эскадра, съ «Петропавловскомъ» подъ флагомъ Вице-Адмирала Макарова во главѣ, бороздила спокойную воду огромнаго Артурскаго рейда; миноносцы легко рыскали между колоссами линейнаго флота. Было свѣтло, ярко, весело отъ сознанія своихъ силъ: жалѣли, что на горизонтѣ не было ни одного непріятельскаго корабля.

Днемъ 30-го отрядъ нашихъ миноносцевъ ушелъ на рекогносцировку къ о-вамъ Элліотъ.

Подъ вечеръ по безпроволочному телеграфу была перехвачена японская телеграмма; удалось разобрать и перевести лишь три слова: «...скрытно... зажечь... прорваться...».

Эскадра насторожилась.

Когда стемнѣло гдѣ-то далеко въ морѣ глухо и раскатисто прогремѣли выстрѣлы.

Тревожно бѣгали по рейду лучи прожекторовъ, какія то тѣни бродили въ темнотѣ ночи; кто то видѣлъ миноносцы; увидѣли, что японцы бросаютъ съ нихъ мины.

Подъ утро 31-го, съ разсвѣтомъ, снова орудійный гулъ раздался въ морѣ.

Наши миноносцы возвращались въ Артуръ, но «Страшнаго» среди нихъ не было. Отбившись въ темнотѣ и туманѣ отъ своихъ, «Страшный» принялъ встрѣченный имъ отрядъ японскихъ миноносцевъ за свой, присоединился и шелъ почти всю ночь съ ними, когда же разсвѣло и «Страшный» увидалъ свою ошибку, то не задумываясь вступилъ съ ними, съ четырьмя, въ жестокій бой.

И когда взошло солнце «Страшный» окруженный бился отчаянно; однимъ изъ первыхъ снарядовъ былъ убитъ командиръ, капитанъ 2-го ранга Юрасовскій, и командованіе принялъ храбрый лейтенантъ Маллѣевъ.

Гибель миноносца „Страшный", 31 марта 1904 года.

Но вотъ съ моря подошло еще два японскихъ крейсера и «Страшный» застоналъ подъ ударами; но не умолкали его пушки. Едва успѣлъ мичманъ Акинфіевъ отдать приказаніе объ уничтоженіи сигнальныхъ книгъ, какъ самъ былъ разорванъ въ куски, взорвавшейся въ аппаратѣ, миной Уайтхеда, въ которую попалъ японскій снарядъ.

Миноносецъ началъ тонуть.

Команда не думала о спасеніи—стрѣляли изъ ружей; палуба уже заливалась водою, когда лейтенантъ Маллѣевъ раненый въ обѣ ноги, не переставая ни на секунду стрѣлялъ изъ пулемета. Инженеръ-механикъ Дмитріевъ такъ и погибъ съ миноносцемъ оставаясь до конца на своемъ посту.

При такихъ обстоятельствахъ лихой командиръ «Баяна», капитанъ 1-го ранга Виренъ, спѣшилъ изъ Артура на выручку и уже гремѣли его пушки, когда «Страшный» скрывался подъ водой.

Съ японской стороны приблизились еще четырэ крейсера, но это не устрашило «Баяна».

Разогнавъ непріятельскіе миноносцы, онъ, прикрывая мѣсто гибели «Страшнаго», вступилъ въ бой съ вшестеро сильнѣйшимъ врагомъ, мгновенно спустивъ шлюпки для спасанія людей. Однако, удалось поднять изъ воды лишь 5 матросовъ; всѣ остальные погибли жертвами своего долга.

Когда Командующему флотомъ доложили о происходящемъ, онъ тотчасъ-же приказалъ всей эскадрѣ выходить на рейдъ.

«Баянъ» сообщалъ по безпроволочному телеграфу: «вижу японскую эскадру»; и едва мы вышли, около 8 часовъ утра, «Петропавловскъ» подъ флагомъ Вице-Адмирала Макарова, «Полтава», «Аскольдъ» и «Новикъ», на горизонтѣ уже было 12 большихъ японскихъ судовъ.

Командующій, по своему обыкновенію, не дожидаясь остальныхъ, пошелъ на японцевъ, поставивъ головнымъ «Баяна».

Гибель броненосца „Петропавловскъ“.
(Снято въ моментъ гибели съ Золотой горы).

Разстояніе быстро сокращалось.

Послѣ этой ночи хотѣлось подраться, море было неспокойно, чувствовалась, что такъ—ничѣмъ—это не кончится.

Мы первые открыли огонь.

Завязался бой на разстояніи около 3 миль.

Больше всего снарядовъ падало близъ «Баяна»; непрерывно надъ нами съ воемъ и шипѣніемъ проносились снаряды, и падая въ воду, взрывались, поднимая густые клубы бѣлаго и чернаго дыма и высокіе столбы воды.

Тѣмъ временемъ изъ гавани выходили броненосцы «Пересвѣтъ», «Побѣда» и «Севастополь».

Разстояніе между противниками стало постепенно увеличиваться, перестрѣлка стихла, наконецъ, прекратилась.

Наша эскадра повернула, чтобы соединиться съ остальными тремя броненосцами, и затѣмъ снова направилась на непріятеля.

Японцы шли на востокъ, мы держали тотъ же курсъ, почти не сближаясь съ ними.

Казалось уже, что непріятель скроется за горизонтомъ и намъ больше нечего дѣлать на рейдѣ.

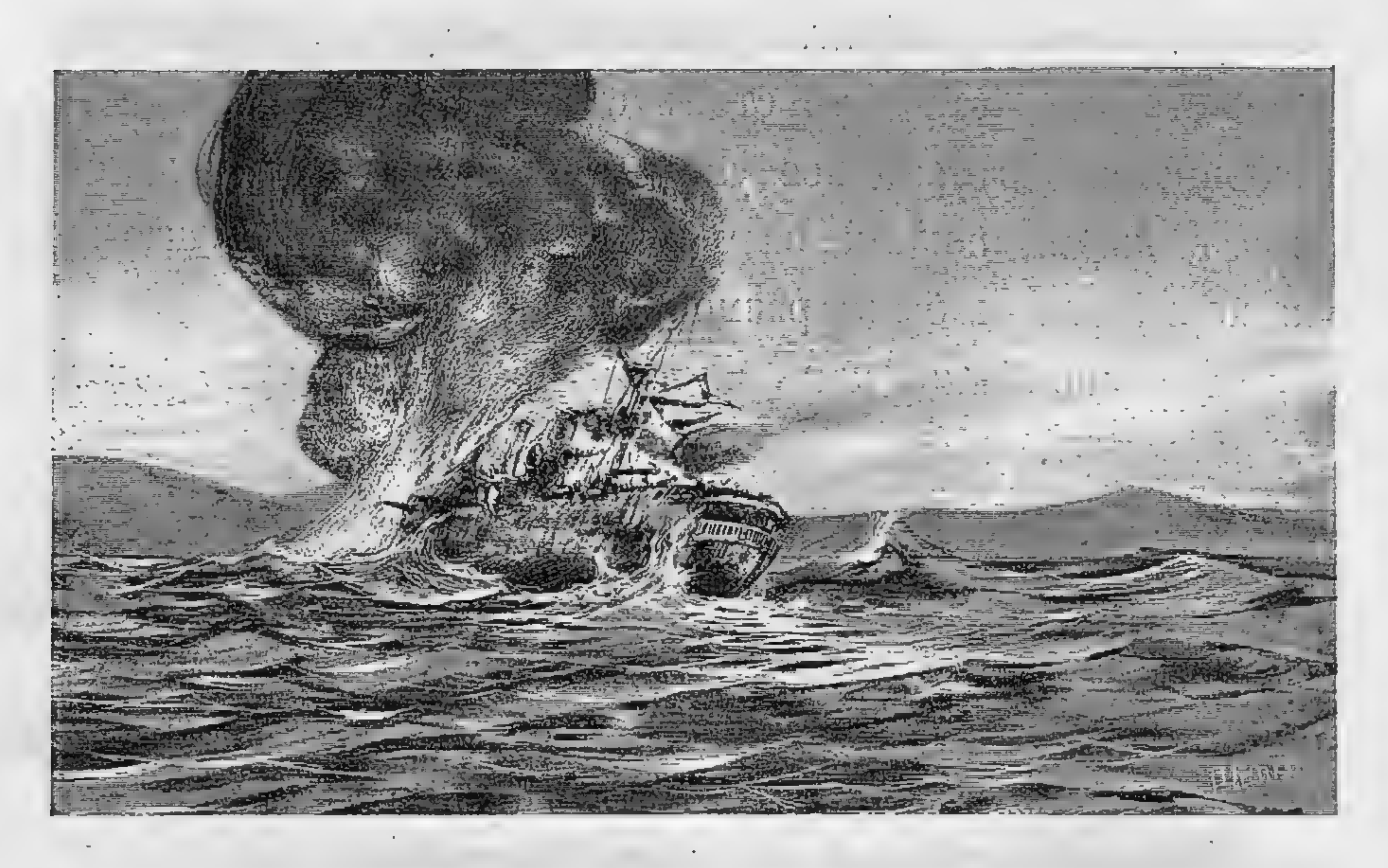
Дѣйствительно, на «Петропавловскѣ» подняли сигналъ: «...миноносцамъ идти въ гавань», но тутъ-же, точно въ противорѣчіе, взвился боевой флагъ.

Я стоялъ въ этотъ моментъ на крышѣ своей башни на броненосцѣ «Полтава», шедшей непосредственно за «Петропавловскомъ».

Вдругъ весь нашъ корабль вздрогнулъ и одновременно я увидѣлъ передъ собою что то неслыханно страшное; кровь застыла въ жилахъ.....

«Петропавловскъ» взорвался.

Воздухъ задрожалъ отъ громового, раскатистаго звука взрыва. Необъятная масса дыма и воды на мигъ закрыла всю переднюю половину броненосца; трубы,

Гибель броненосца „Петропавловскъ" 31 марта 1904 г.

мачты исчезли куда-то. Съ неумолимой, потрясающей быстротой погибалъ огромный корабль, уходя носомъ въ воду.

На нашихъ глазахъ, тутъ же, въ разстояніи какихъ нибудь нѣсколькихъ десятковъ саженъ тонулъ корабль и съ нимъ 700 человѣкъ, и было дико, мучительно страшно, что уже никакая сила не удержитъ его...

Съ лихорадочной поспѣшностью бросились къ шлюпкамъ, въ воду кидали для тонувшихъ буйки, пояса...

Прошло не больше одной минуты, а уже надъ водой была лишь корма «Петропавловска»; кучка людей виднѣлась на все уменьшавшемся пространствѣ,—несчастные цѣплялись другъ за друга, корма опускалась, опрокидываясь впередъ и на правый бокъ—люди падали въ море. Лѣвый гребной винтъ, наконецъ, выскочилъ изъ воды и продолжалъ работать разсѣкая воздухъ громадными лопастями... Какой то стонъ стоялъ надъ кучкой спасающихся, которая все уменьшалась; нѣсколько человѣкъ, падая, попали на гребной валъ между винтами и корпусомъ и были размолоты въ куски...

Слышно было, какъ внутри броненосца глухо лопались котлы.

Вотъ уже винтъ подъ водою и—вдругъ, сразу, весь броненосецъ исчезъ.

Только бурое облако дыма кольцомъ стояло надъ мѣстомъ гибели, медленно расползаясь клочьями и тая въ воздухѣ.

Шлюпки спѣшили къ мѣсту несчастія.

На это пустое мѣсто впереди себя, гдѣ только что, полторы минуты назадъ, шелъ большой сильный броненосецъ, было страшно смотрѣть—глазамъ не вѣрилось...

Уже «Петропавловска» не было, когда нашъ броненосецъ, едва успѣвъ дать полный заднiй ходъ, остановился.

Свѣжая погода погубила многихъ; спасать было трудно, нашъ паровой катеръ заливало водой, вель-

ботъ съ трудомъ выгребалъ; шлюпки шедшія отъ берега и отъ кораблей стоявшихъ дальше нашего такъ и не успѣли дойти до мѣста гибели.

Крикъ утопавшихъ, молящихъ о спасеніи былъ такъ ужасенъ, количество ихъ было такъ велико, что при одномъ воспоминаніи морозъ пробираетъ по кожѣ.

Бурое облако растаяло.

На водѣ оставалось пятно отъ водоворота; минный крейсеръ «Гайдамакъ», миноносецъ «Безшумный» и нѣсколько шлюпокъ подбирали людей.

А на горизонтѣ побѣдно и радостно стояла въ полномъ составѣ японская эскадра.

На «Пересвѣтѣ» подняли сигналъ: «Вступить въ строй кильватера».

Онъ сталъ головнымъ. Контръ-Адмиралъ Ухтомскій принялъ командованіе и направился на югъ, на японцевъ, остальные корабли спѣшили построиться.

Нашъ броненосецъ только еще началъ отходить отъ мѣста гибели «Петропавловска», когда вдругъ съ нашихъ кораблей открыли убійственный огонь и не по непріятелю, который былъ далеко, а почти въ упоръ въ воду.

Порядокъ нарушился; казалось, всѣ потеряли головы; я бросился на мостикъ и узналъ, что взрывъ «Петропавловска» приписывается атакѣ японскихъ подводныхъ лодокъ.

Предполагая этого страшнаго, невидимаго врага, всѣ напряженно вглядывались въ воду; чья то рука

протягивалась къ морю, слышался крикъ «подводная лодка!» и—весь бортъ броненосца разряжался залпомъ изъ всѣхъ орудій по какой нибудь бочкѣ или доскѣ, всплывшихъ послѣ гибели «Петропавловска».

Никто не зналъ навѣрное, что насъ атаковали подводныя лодки, но достаточно было кому нибудь первому предположить ихъ, чтобы поднялась безумная канонада, остановить которую было очень трудно.

Вся команда была наверху, она волновалась; завидѣвъ что нибудь въ водѣ, толпой бросались къ противоположному борту, а сотни рукъ тянулись къ водѣ и люди кричали «...вотъ она!.. вотъ она!»...

Отчетливо выдѣляясь въ хаосѣ звуковъ, раскатистый, мягкій взрывъ, точно плетью, вдругъ ударилъ насъ по борту, передавшись по водѣ.

Новое несчастье! Взорвалась «Побѣда» и, сильно накренившись, полнымъ ходомъ, пошла прямо въ гавань.

За нею пошли другіе. Мы оставались послѣдними.

Съ большимъ трудомъ удалось остановить стрѣльбу и успокоить людей.

Нашъ броненосецъ самымъ малымъ ходомъ двигался по рейду, пока всѣ суда не вошли въ гавань.

Всѣ были потрясены этимъ ужаснымъ несчастіемъ; всѣхъ терзалъ вопросъ—спасенъ ли Макаровъ?—Это было самымъ важнымъ. Наши шлюпки спасли около 40 человѣкъ; паровой катеръ захлестнуло волной и онъ пошелъ ко дну; «Безшумный» едва успѣлъ снять

съ него команду и спасенныхъ. Среди нихъ былъ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ.

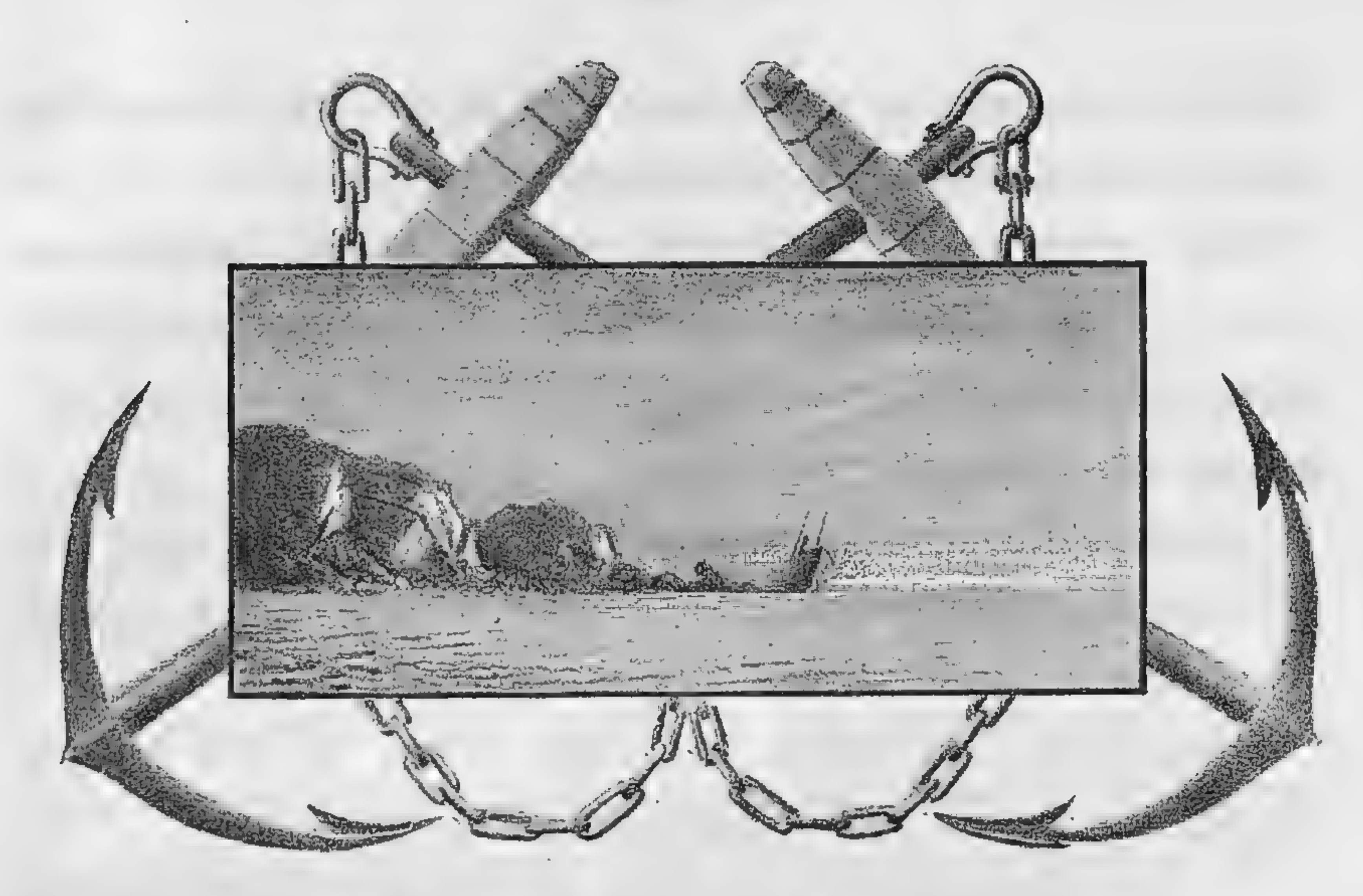
На горизонтѣ виднѣлись лишь дымки японскихъ судовъ—они спѣшили оповѣстить міръ новымъ успѣхомъ: русскимъ нанесенъ ударъ, отъ котораго не суждено было оправиться.

Вернувшись въ Артуръ, мы съ тяжелой грустью убѣдились, что Командующаго флотомъ нѣтъ среди спасенныхъ.

Эта страшная вѣсть облетѣла всѣхъ и всѣ почувствовали—какая это невознаградимая утрата...

А на широкомъ Артурскомъ рейдѣ попрежнему равнодушно катились волны; не оставалось и слѣдовъ драмы злосчастнаго 31-го Марта...

Послѣ гибели Макарова.

Наступили безотрадные дни.

Не стало нашего любимаго богатыря, съ нимъ погибло бодрое живое настроеніе.

Апрѣлемъ начались страдные мѣсяцы крѣпости.

Изъ 78 человѣкъ вытащенныхъ изъ воды послѣ гибели «Петропавловска» 5 офицеровъ и 20 матросовъ были уже частью мертвы, частью умерли отъ ранъ полученныхъ при взрывѣ; 1-го Апрѣля на восьми простыхъ телѣгахъ везли ихъ останки на кладбище. Съ чувствомъ безпросвѣтнаго горя провожали мы погибшихъ товарищей; тревожный, навязчивый вопросъ волновалъ всѣхъ и каждаго: кто намъ замѣнитъ Макарова? Откуда явятся такіе даровитые и энергичные люди, какъ тѣ, что погибли съ нимъ въ составѣ штаба Командующаго флотомъ?

Между тѣмъ японцы не дремали; уже 2-го утромъ за «Голубиной» бухтой появились два новыхъ япон-

скихъ броненосныхъ крейсера «Ниссинъ» и «Кассуга», позади нихъ вытянулись по горизонту еще 6 крейсеровъ и 6 броненосцевъ. Торжествуя, увѣренные въ слабости противника, японцы приближались съ явнымъ намѣреніемъ разбивать насъ внутри крѣпости.

Въ теченіе трехъ часовъ эти два крейсера, появившіеся въ виду Артура впервые, бомбардировали насъ.

Но на этотъ разъ не безнаказанно.

Съ нашей стороны открыли огонь изъ 12-ти дюймовыхъ башенныхъ орудій броненосцы «Пересвѣтъ», «Ретвизанъ», «Полтава» и «Севастополь».

Странный былъ этотъ бой на якорѣ съ невидимымъ врагомъ, такъ какъ обѣ стороны раздѣлялись высокими горами Ляотишана.

Японцы корректировали *) свою стрѣльбу съ легкихъ крейсеровъ, сновавшихъ по морю прямо противъ прохода, такъ что имъ были видны мѣста паденія ихъ снарядовъ; съ нашей стороны перекидная стрѣльба по невидимой цѣли была налажена помощью цѣлой системы сигналовъ флагами и передачи по телефону;— непосредственно же за японцами слѣдили съ Ляотишана.

Во время бомбардировки японскіе снаряды падали среди нашей эскадры, не попавъ ни въ одинъ изъ кораблей; лишь на «Тигровомъ хвосту» разнесли въ щепы большой сарай, да въ городѣ было убито 2 китайца и ранено 2 солдата, одна женщина и 2 китайца.

Когда два снаряда съ «Полтавы» влѣпили въ незваныхъ гостей,—они отошли прочь.

---

*) Провѣряли.

Впрочемъ и мы не обошлись безъ поврежденій; во время стрѣльбы изъ башни броненосца «Севастополь» перековеркало установку одного изъ 12-ти дюймовыхъ орудій—поврежденіе настолько серьезное, что исправить его въ Артурѣ невозможно; такимъ образомъ, на броненосцѣ сдѣлалось одной крупной пушкой меньше.

На другой день Намѣстникъ генералъ-адъютантъ Алексѣевъ поднялъ свой флагъ Главнокомандующаго на броненосцѣ «Севастополь».

Между тѣмъ «Палладу» вывели изъ дока послѣ двухъ мѣсяцевъ исправленія; починка «Побѣды» обѣщала идти быстро, такъ какъ опытъ съ «Ретвизаномъ» и «Цесаревичемъ» научилъ справляться безъ дока. Черезъ двѣ недѣли уже былъ готовъ кессонъ; родъ

Буксированіе крана съ кессономъ броненосца „Ретвизанъ“ для установки на мѣсто.

ящика съ тремя стѣнками, который будучи подведенъ къ корпусу судна, послѣ выкачиванія изъ него воды, присасывался, дѣлая доступной съ обоихъ сторонъ пробоину.

Бдительность еще усилилась; мнѣніе, что «Петропавловскъ» погибъ отъ подводной лодки, настолько утвердилось, что не только передъ проходомъ и днемъ и ночью дежурила цѣлая флотилія катеровъ и шлюпокъ, но и внутри, при входѣ въ бассейнъ, передъ темнотою растягивали сѣти.

Не разъ и съ батарей замѣчали въ морѣ что то напоминающее подводную лодку; такъ 7-го Апрѣля былъ открытъ сильный огонь по предполагаемой лодкѣ, которая по осмотрѣ нашими катерами оказалась разбитымъ барказомъ съ «Петропавловска», плававшимъ вверхъ килемъ.

Чтобы впредь избавить себя отъ бомбардированій, по приказанію Намѣстника, было приступлено къ постановкѣ миннаго загражденія въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда до того японцы имѣли обыкновеніе стрѣлять.

Нѣсколько паровыхъ катеровъ и минныхъ плотиковъ 8-го Апрѣля было вооружено и послано на постановку минъ.

Была свѣжая погода затруднявшая постановку;— нѣсколько разъ уже сахаръ въ разъединителѣ минъ, дѣлающій ихъ безопасными до постановки, таялъ отъ брызгъ волнъ. На катерѣ, бывшемъ подъ командой Лейтенанта Пелля, произошло четыре такихъ случая, однако, все сходило благополучно: поставили 8 минъ.

Постановка миннаго загражденія съ плотиковъ на Артурскомъ рейдѣ.

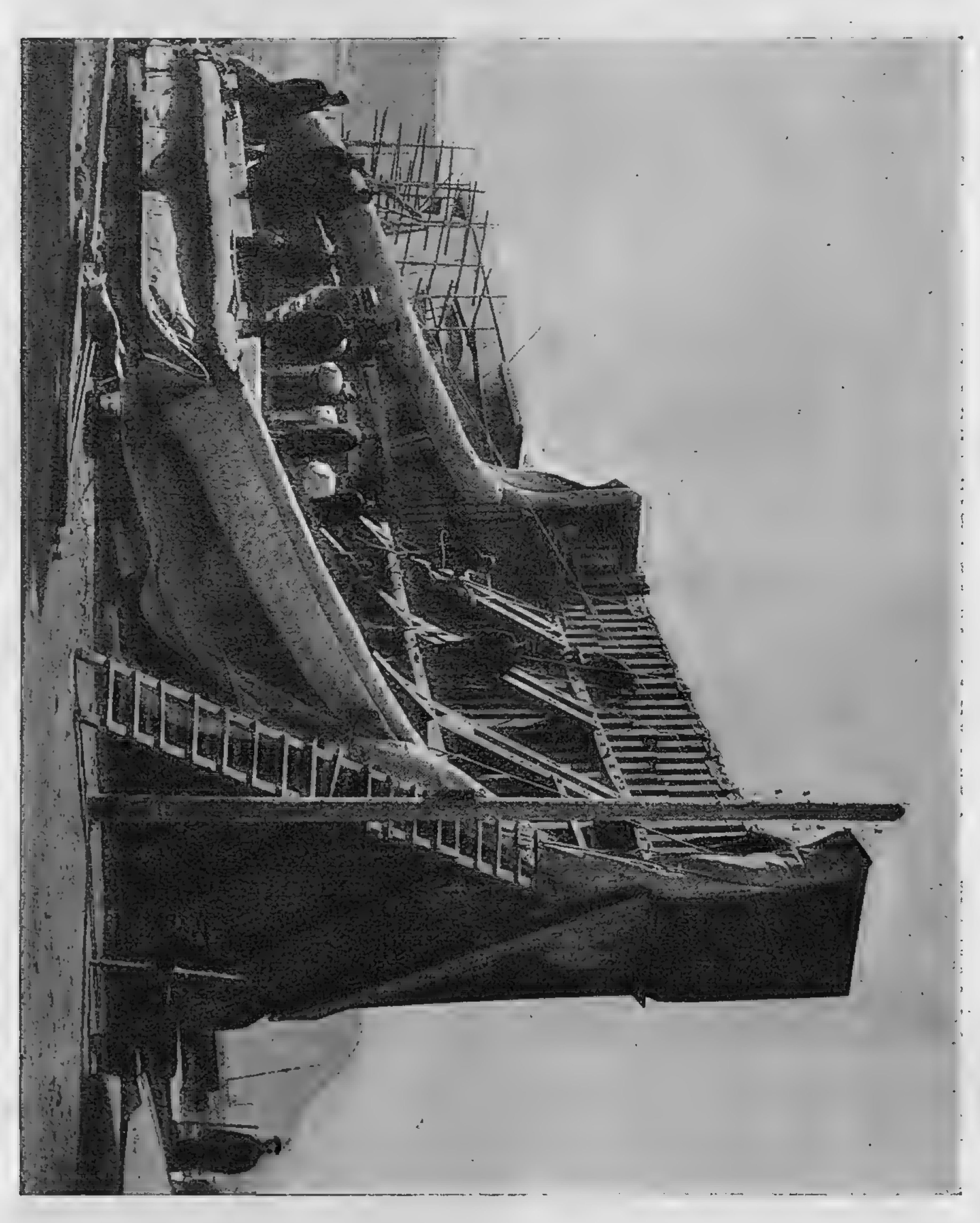
На 9-й минѣ случилось несчастье: мина, падая въ воду, задѣла колпачкомъ за бортъ катера и взорвалась. Катеръ тотчасъ пошелъ ко дну и, хотя многихъ удалось спасти подоспѣвшимъ товарищамъ, однако—Лейтенантъ Пелль и восемь матросовъ погибли.

Постановка минъ загражденія съ плотика на Артурскомъ рейдѣ.

Въ Артурѣ царило безотрадное настроеніе. Въ порту и на судахъ шелъ несмолкаемый стукъ и лязгъ—что то клепали, сверлили, конопатили. Эти починки

казались безконечны; въ докѣ стояло одновременно шесть миноносцевъ и всѣ они тоже чинились. У «Севастополя» было разбито въ носовой башнѣ 12 дюймовое орудіе, его замѣнили деревянной болванкой.

Кессонъ броненосца „Цесаревичъ".

«Ретвизанъ», «Побѣда» и «Цесаревичъ»—съ кессонами: воевать некому!

На рейдѣ тралили; 14-го выловили 3 японскихъ мины на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ «Петропавловскъ». Стало ясно, что онъ погибъ не отъ подводныхъ лодокъ, а отъ набросанныхъ ночью наканунѣ 31-го Марта минъ на пути, по которому выходили наши корабли.

Выловленныя мины тутъ же взорвали и съ того дня началось знаменитое траленіе минъ, тянувшееся въ теченіи всей осады.

Въ городѣ носились смутные слухи; говорили о предполагаемой высадкѣ японскихъ армій, о томъ, что старый «Чиніенъ», броненосецъ отнятый японцами въ войну съ китайцами 1894 года, съ 25-ью пароходами—тучей пройдутъ по Артурскому рейду и закупорятъ собою проходъ изъ гавани.

Всѣ были въ ожиданіи чего то.

И, правда, насъ ожидало новое крупное событіе.

Въ ночь на 20-ое Апрѣля непріятель произвелъ третью попытку закупорить Портъ-Артуръ брандерами.

Къ сожалѣнію, я, находясь въ серединѣ внутренняго рейда, не могъ видѣть происходившаго, такъ какъ спалъ такимъ безмятежнымъ сномъ, что меня не могли разбудить полторы тысячи выстрѣловъ, сдѣланныхъ въ эту ночь нашими пушками съ судовъ и батарей.

Однако, по многочисленнымъ разсказамъ я живо представляю себѣ, какъ въ теченіе ночи съ разныхъ сторонъ, какъ призраки, при лунномъ свѣтѣ шли по направленію къ крѣпости 12 пароходовъ-брандеровъ; какъ сотни жерлъ сыпали въ нихъ огненнымъ градомъ, какъ взлетала къ небу съ «Отважнаго» ракета, по

которой стрѣльба умолкала, и какъ тогда навстрѣчу брандерамъ, жужжавшимъ дюймовыми ядрами изъ своихъ 4 ствольныхъ митральезъ, бросались минные катера и взрывали ихъ; другіе изъ брандеровъ тѣмъ временемъ напарывались на саперное минное загражденіе и, взорванные, шли ко дну.

Особенно свирѣпъ былъ «Гилякъ»; онъ стрѣлялъ бѣшенно; утверждаютъ, что одинъ изъ двухъ японскихъ миноносцевъ погибшихъ въ эту ночь былъ утопленъ именно огнемъ «Гиляка». Изъ 12 брандеровъ—восемь было утоплено, четыре же послѣднихъ не выдержали нашего огня, повернули и скрылись.

Едва проснувшись утромъ 21-го я узналъ о случившемся, какъ тотчасъ же на катерѣ съ другими офицерами отправился на рейдъ.

Брандеръ № 3 выскочившій на камни у Электрическаго Утеса въ ночь съ 20 на 21 апрѣля.

Нашимъ глазамъ представилось необыкновенное зрѣлище: тамъ и сямъ изъ воды торчали мачты и трубы восьми пароходовъ; одинъ изъ нихъ кормой ушелъ въ воду, одинъ бокъ открылся и на немъ видна была издали большая цифра «3», онъ выскочилъ на камни подъ «Электрическимъ утесомъ».

Однако попытка японцевъ не удалась: проходъ былъ попрежнему чистъ.

Мы вошли на бортъ брандера № «3» и осмотрѣли его; онъ былъ такъ мало поврежденъ, что двѣ изъ его шлюпокъ вполнѣ сохранились и мы, нагрузивъ ихъ до верху взятыми съ брандера навигаціонными инструментами, буйками, одѣялами, митральезами *), ящиками съ дюймовыми ядрами, тросомъ и пр., привели ихъ на буксирѣ своего катера къ борту броненосца.

На этотъ разъ врядъ ли кому либо изъ смѣльчаковъ, шедшихъ на брандерахъ, удалось спастись: съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ, затруднявшій шлюпкамъ выгребать; наши катера догоняли и забирали ихъ. Пулеметнымъ огнемъ косило японцевъ еще на палубѣ ихъ пароходовъ, а потомъ они тонули массами вмѣстѣ съ ними. Еще на разсвѣтѣ съ одной изъ трубъ торчавшихъ изъ воды былъ снятъ японецъ; онъ не желалъ сдаваться и стрѣлялъ изъ револьвера пока не выпустилъ всѣ патроны.

Изъ числа 49 плѣнныхъ японцевъ—13 умерло отъ ранъ и 21-го Апрѣля ихъ похоронили близъ «Перепелиной» горы съ военными почестями.

---

*) Четырехствольныя пушки, могущія выпускать до 300 снарядовъ въ минуту.

На слѣдующій день, съ утра, весь горизонтъ покрылся цѣлой цѣпью непріятельскихъ кораблей — миляхъ въ 10 отъ крѣпости, вытянувшись въ линію бродило 4 броненосца и 10 большихъ крейсеровъ, между судами сновало несчетное число миноносцевъ.

У насъ пробили боевую тревогу; всѣ орудія подняли вверхъ свои дула, все было готово къ перекидной стрѣльбѣ; мы слѣдили у себя на броненосцѣ по картѣ за всѣми движеніями японской эскадры.

Однако бомбардировки не послѣдовало.

Было ясно: японцы прикрываютъ высадку своихъ войскъ съ транспортовъ.

Дѣйствительно, днемъ была получена телеграмма, извѣщавшая, что японская армія перешла рѣку Ялу; въ бухтѣ Кинчанъ, близъ Бидзыво, была произведена высадка и надо было ожидать, что Артуръ будетъ отрѣзанъ.

Не успѣло это извѣстіе облетѣть городъ, какъ стало извѣстнымъ, что Намѣстникъ по Высочайшему повелѣнію выѣзжаетъ въ Мукденъ и командованіе эскадрой поручается Контръ-Адмиралу Витгефту.

Артуръ оживился и заволновался;—извѣстія ожидались съ особеннымъ нетерпѣніемъ—ходили слухи, что поѣздъ съ ранеными отправленный на сѣверъ, едва ушелъ отъ японскихъ выстрѣловъ, что японцы уже начинаютъ походъ на Артуръ и разрушаютъ желѣзную дорогу.

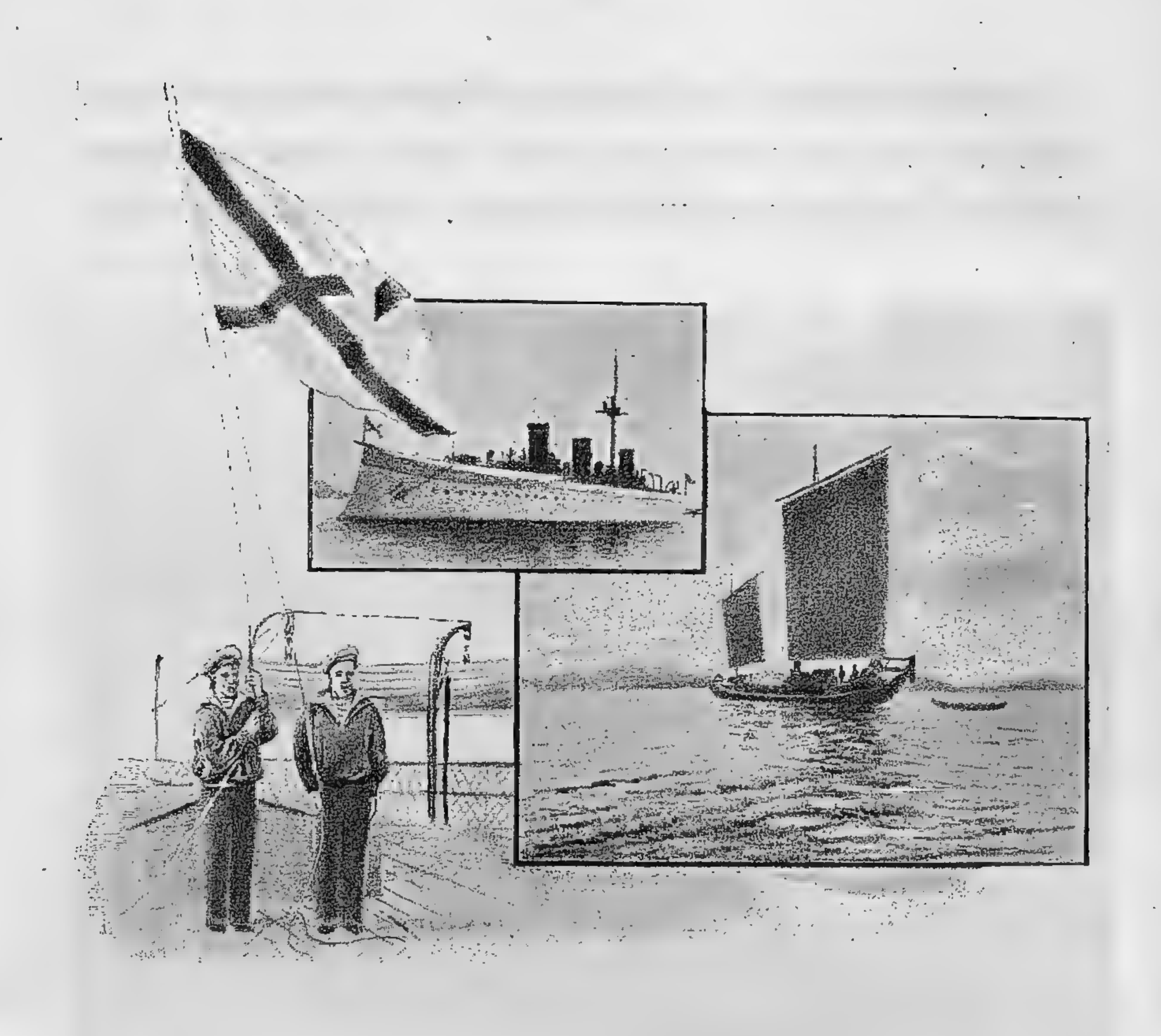
Послѣдній поѣздъ, который успѣлъ придти къ намъ, привезъ снаряды для пушекъ.

Съ 22-го по 25-ое апрѣля сообщеніе урывками еще поддерживалось, но 26-го утромъ все было кончено: весь перешеекъ между Кинь-чжоуской бухтой и Тальенванской былъ занятъ японскими войсками.

И дни и ночи крѣпость была непрерывнымъ кольцомъ окружена непріятелемъ: флотъ сторожилъ съ востока, юга и запада, армія подвигалась съ сѣвера.

Намъ суждено было испытать, какъ это кольцо будетъ стягиваться и задушитъ насъ.

Портъ-Артуръ отрѣзанъ.

Небольшой полуостровъ Ліаодунъ, на которомъ находится Портъ-Артуръ, соединяется съ материкомъ узкой полосой земли, гдѣ проходитъ единственный путь сообщавшій крѣпость съ сѣверной арміей, но вотъ пришли японцы, разрушили этотъ путь, заняли перешеекъ и двинулись на насъ быстрыми шагами.

Маленькій, чуждый намъ желтолицый народецъ, смѣлый и быстрый, надѣялся, что окруженная со всѣхъ сторонъ, уже испытавшая жестокія потери, почти не укрѣпленная съ суши, крѣпость падетъ обезсиленная при первомъ натискѣ свѣжаго сильнаго войска.

Однако вскорѣ они должны были разочароваться. Чуть ли не въ тотъ же день, какъ былъ отрѣзанъ Артуръ, собрался военный совѣтъ. Онъ призналъ крѣ-

Доставка морскими командами на баттарeи орудiйнаго станка.

ность въ опасности и постановилъ—снять пушки съ поврежденныхъ кораблей и поставить ихъ на укрѣпленія, къ возведенію которыхъ было тотчасъ же приступлено.

Доставка морскими командами орудій съ судовъ на баттареи.

*

На стѣнкѣ Восточнаго бассейна царило оживленіе; нѣсколько сотъ матросовъ тащили орудія, станки, бревна и т. п.; адмиралъ тутъ же отдавалъ различныя приказанія, одна команда уходила, унося мѣшки съ установочнымъ матеріаломъ, кирками, лопатами, другая, съ дружной «дубинушкой» волокла тяжелую платформу съ орудійнымъ станкомъ.

Другъ другу передавали вѣсти и слухи; сообщали, что если Кинь-чжоуская позиція не удержитъ японцевъ, то не пройдетъ и нѣсколькихъ дней, какъ тѣмъ самымъ пушкамъ, которыя мы теперь тащимъ, придется открыть огонь по штурмующей колоннѣ.

По скалистымъ артурскимъ горамъ, цѣпью тянувшимся на протяженіи трехъ десятковъ верстъ оборонительной линіи крѣпости, длинной вереницей шли матросы шумно и бодро, съ пѣснями вздымая накрутые бока фортовъ и укрѣпленій пушки раненныхъ кораблей.

Работа кипѣла.

Вспоминаю теперь одну ночь на 5-омъ форту.

На высотѣ свирѣпо задувалъ вѣтеръ, вихремъ крутя мелкій песокъ;—черныя тѣни взмахивали кирками; при скудномъ свѣтѣ фонарей, склонившись надъ бревнами, тесали ихъ плотники, собирая основаніе для орудійнаго станка; гдѣ то внизу во Мракѣ едва можно было различить силуэты судовъ, впереди неясно вздымалась «Высокая» гора; глубоко подъ нами изъ ущелья шелъ гулъ: сотня людей впрягшись въ лямки, поднимали къ намъ пушку—изъ подъ колесъ сыпались камни, то и дѣло гремѣла «дубинушка» и вѣтеръ разносилъ: «...сама-а пойд-етъ!...».

Между тѣмъ, какъ мы готовились къ защитѣ съ суши, наши суда подвижной обороны—канонерскія лодки, миноносцы и крейсера несли отвѣтственную и тяжелую сторожевую службу. Имъ частенько приходилось отваживать мѣткимъ огнемъ японцевъ, чуть не каждую ночь приходившихъ на рейдъ и бросавшихъ мины.

Въ то-же время и японскій флотъ не пропускалъ ни одного дня и зорко сторожилъ насъ съ моря; мы

Выходъ „Амура" 1 мая 1904 г. на постановку минной банки на которой взорвались „Хатсусе" и „Яшима".

видѣли ихъ корабли съ укрѣпленій, на которыхъ работали.

Такъ какъ эти корабли всегда ходили по тѣмъ же мѣстамъ, то, по приказанію адмирала, минный заградитель «Амуръ» вышелъ 1-го Мая, въ слегка туманный день, на рейдъ съ цѣлью поставить мины именно тамъ, гдѣ шелъ обычный курсъ непріятеля.

Обстоятельства сложились для «Амура» очень удачно: въ тотъ моментъ, когда онъ началъ бросать мины, въ

морѣ, южнѣе его, совсѣмъ близко, за толщей легкаго тумана, находилась вся главная японская эскадра, и, разсѣйся туманъ, «Амуръ» былъ бы вмигъ уничтоженъ огнемъ 16-ти кораблей, быть можетъ, взлетѣлъ бы на воздухъ со всѣми своими минами.

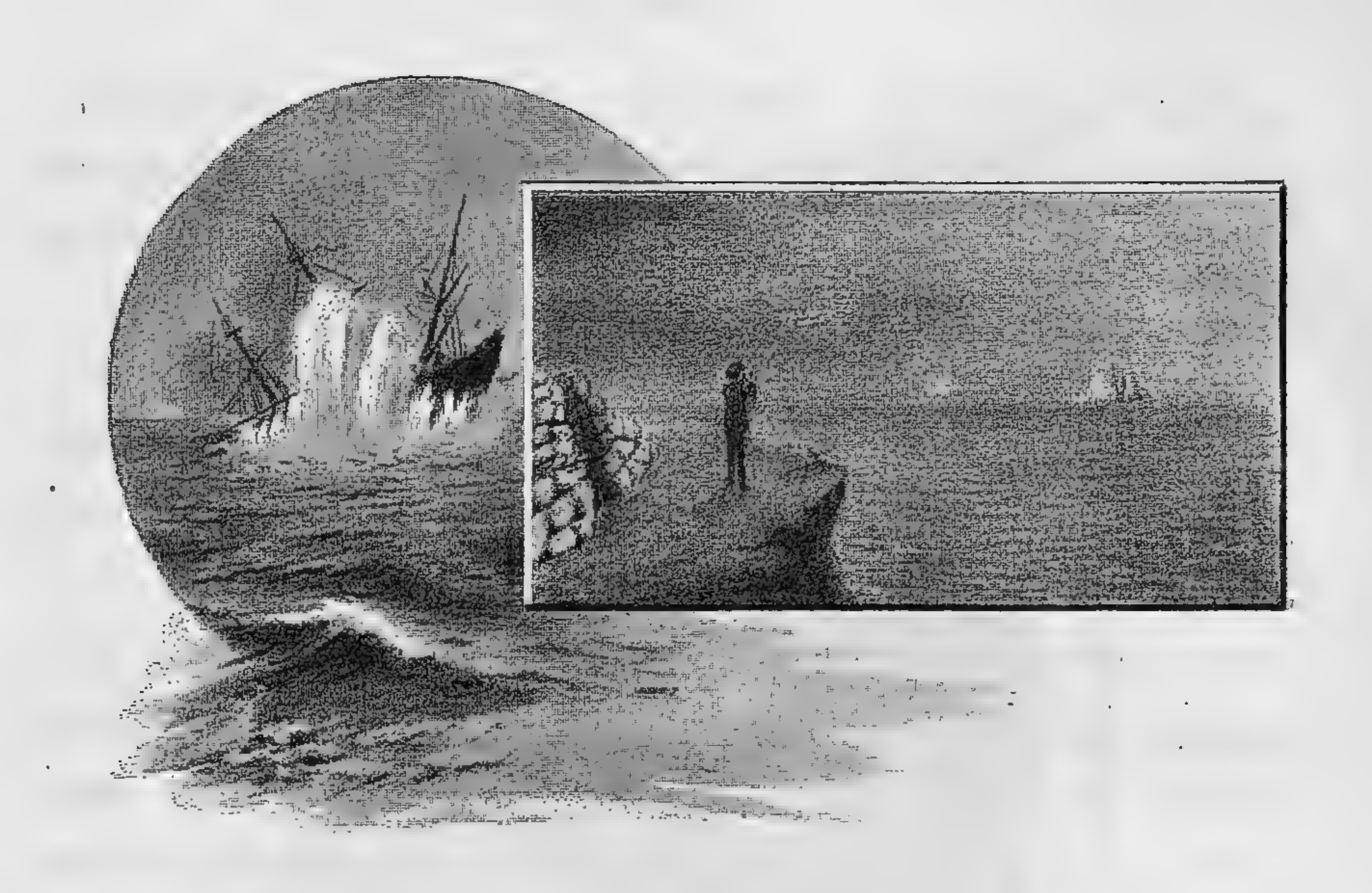
Это видѣли отъ насъ съ Ляотишана.

Но туманъ не разсѣялся.

Это была постановка миннаго загражденія совершенно исключительная. Матросы и офицеры «Амура», сбрасывая въ море мины одну за другой, вспоминали нашего дѣдушку Макарова, «Петропавловскъ», погибшихъ товарищей, и мѣломъ писали на корпусахъ минъ имена не отмщенныхъ еще жертвъ 31-го Марта, а когда мины съ именемъ бухались въ воду, напутствовали ее пожеланіемъ намять бока какой нибудь «Миказѣ» *).

*) «Миказа»—броненосецъ японскаго флота, бывшій подъ флагомъ японскаго адмирала Того.

Гибель японскихъ броненосцевъ „Хатсусе" и „Яшима".

Назначенный въ концѣ Апрѣля на прибрежный наблюдательный пунктъ, я съ охотой поселился въ темномъ казематѣ одной прибрежной батареи; пятерымъ бывшимъ со мною матросамъ и мнѣ предстояло въ теченіи всего мая житье на лонѣ природы, на скалѣ прямо обрывающейся въ море, откуда открывался широкій видъ во всѣ стороны.

Утро 2-го Мая было бы превосходно, если бы временами легкія облака тумана не бродили по морю; я хорошо помню это утро. Прогуливаясь по широкой лужайкѣ впереди бруствера батареи, я, по привычкѣ, считалъ японскіе корабли, одинъ за другимъ выплывавшіе изъ за горизонта.

Всматриваясь въ бинокль, можно было, несмотря на полосы тумана, различить силуэты этихъ судовъ.

Гибель японскаго броненосца „Хатсусе“ 2 мая 1904 г. на минной банкѣ, поставленной наканунѣ „Амуромъ“.

Вскорѣ, я замѣтилъ, что тамъ творилось что то неладное: подъ носомъ броненосца типа «Яшима» поднялся столбъ воды и онъ сильно накренился.

Однако звукъ взрыва не дошелъ до насъ.

Съ батареи тоже смотрѣли и толковали объ этомъ; поручикъ, командиръ батареи, убѣждалъ, что непріятельскій броненосецъ взорвался на нашемъ загражденіи.

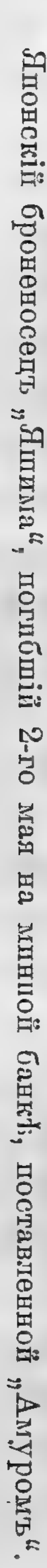
Я разглядѣлъ въ бинокль, что «Яшима» (впослѣдствіи мы убѣдились, что это былъ онъ) выравнялъ кренъ, но не двигался; на горизонтѣ происходила какая то сумятица; издали казалось, что какъ будто другія суда толпятся въ безпорядкѣ, не рѣшаясь подойти къ «Яшимѣ».

Около часа наблюдали мы это зрѣлище.

Наконецъ, точно рѣшившись подойти на помощь, большой 3-хъ трубный броненосецъ направился къ «Яшимѣ» и вдругъ—на его мѣстѣ выросъ высокій, бѣлый куполъ, закрывшій его цѣликомъ, черезъ нѣсколько секундъ до насъ донесся тяжелый и глухой раскатъ взрыва.

Мы впились въ горизонтъ; куполъ вытягивался къ небу, расползался и таялъ; только половина корабля была еще надъ водою; на нашихъ глазахъ онъ исчезъ подъ водою, напомнивъ страшной быстротой своего погруженія гибель «Петропавловска».

Я невольно вздрогнулъ, подумавъ о тѣхъ сотняхъ жизней, что въ эту минуту боролись со смертью; никто не радовался гибели людей, но, что погибъ одинъ, а, можетъ быть, и два броненосца, это было хорошо,—это была месть за «Петропавловскъ».

Японскій броненосецъ „Яшима“, погибшій 2-го мая на минной банкѣ, поставленной „Амуромъ“.

Замыселъ «Амура» удался блестяще *).

Артуръ ликовалъ, и въ крѣпости и на эскадрѣ слышалось громкое «ура!».

Немедленно же послѣ взрыва «Хатсусе» (таково было названіе взорваннаго 3-хъ-трубнаго броненосца), мы замѣтили на непріятельскихъ судахъ знакомое поблескиваніе—они открыли огонь. Гулъ стрѣльбы глухо перекатывался по морю.

Глядя въ бинокль можно было убѣ-

---

*) Гибель «Яшимы» скрывалась японцами въ теченіи многихъ мѣсяцевъ и лишь послѣ окончанія военныхъ дѣйствій я самъ прочелъ въ японской газетѣ, будучи въ плѣну что взорванный 2-го Мая вмѣстѣ съ «Хатсусе», «Яшима», не дойдя до берега, затонулъ въ морѣ.

Японскій броненосецъ „Хатсусе“, погибшій 2 мая 1904 года на минномъ загражденіи, поставленномъ наканунѣ миннымъ транспортомъ „Амуръ“.

диться, что они стрѣляли въ воду по воображаемымъ подводнымъ лодкамъ.

Легкій туманъ скороскрылъ ихъ изъ нашихъ глазъ и до насъ только доносился громъ канонады.

Изъ Артура вышли 16 нашихъ миноносцевъ и полнымъ ходомъ мчались на японцевъ, скрываясь одинъ за другимъ въ туманѣ.

Сейчасъ же въ морѣ поднялась такая бѣшенная стрѣльба, что стало ясно, что наши миноносцы замѣчены и атака въ туманѣ не удалась.

И вотъ мы смотрѣли, какъ раздѣлившись на двѣ колонны миноносцы спѣшили обратно; туманъ началъ разсѣиваться; было видно, какъ часто и высоко всплескивала вода отъ паденія снарядовъ между миноносцами, впереди и позади ихъ, какъ японскіе крейсеры, вспыхивая выстрѣлами, преслѣдовали ихъ, гремя частымъ огнемъ.

Мы радовались, что миноносцы остались цѣлы и невредимы.

Въ довершеніе японскихъ бѣдъ пришло извѣстіе, что посыльное судно «Міако» взорвалось на нашемъ минномъ загражденіи въ бухтѣ Керъ; мало того, тогда же погибъ отъ столкновенія съ броненоснымъ крейсеромъ «Кассуга» крейсеръ «Іошино».

Съ тѣхъ поръ началась безпощадная минная война; не перечесть теперь—сколько людей и судовъ погибло въ этой борьбѣ съ обѣихъ сторонъ.

Взятіе Кинь-чжоу.

Артуръ пріободрился.

На сушѣ дѣла обстояли недурно; 3-го Мая японцы предприняли усиленную рекогносцировку въ направленіи къ Кинь-чжоуской позиціи; въ 14-ти верстахъ къ сѣверу произошла стычка съ нашими передовыми частями, которая заставила непріятеля отступить.

Въ бухтѣ «Керъ» одна рота охотниковъ съ полевыми орудіями отбросила въ море японцевъ, пытавшихся высадиться.

Въ бухтѣ «Инчензы» броненосецъ и нѣсколько канонерскихъ лодокъ безуспѣшно бомбардировали нашъ поѣздъ, поддерживавшій сношеніе Артура съ Кинь-чжоу.

На Кинь-чжоуской позиціи готовились къ штурму.

Послѣ горестныхъ для японцевъ событій 2-го Мая, они перестали раздражать насъ своею близостью и хотя продолжали поддерживать блокаду крѣпости, но уже только издали.

Зато по ночамъ съ ними не было сладу.

Не проходило, кажется, ни одной ночи, чтобы на рейдѣ не появлялась крадучись цѣлая флотилія небольшихъ пароходовъ-заградителей и миноносцевъ непріятельскихъ, настойчиво превращавшихъ артурскія воды въ какое то минное болото.

Неспокойны были эти ночи на береговыхъ батареяхъ; особенно на сторожѣ должна была быть батарея № 22 — крайняя фланговая, впереди которой, на крутой скалѣ, помѣщался сильный электрическій прожекторъ, лучъ котораго былъ виденъ больше чѣмъ за 20 миль.

Судовой прожекторъ, установленный на баттареѣ.

Не одну ночь провелъ я въ дежурствѣ у этого самаго прожектора и нѣкоторыя до сихъ поръ остались въ памяти; такъ въ ночь съ 6-го на 7-ое Мая

произошло столкновеніе, печально окончившееся для нашихъ непріятелей.

Раскидавъ по всему громадному пространству рейда десятокъ миноносцевъ, японцы пытались выстрѣлами разбить прожекторы и тѣмъ самымъ привлечь на себя огонь, чтобы дать возможность пароходу-заградителю поставить мины въ ближайшемъ сосѣдствѣ и на востокъ отъ батареи № 22.

Вначалѣ они, было, достигли цѣли, такъ какъ, дѣйствительно, всѣ наши пушки яростно на нихъ набросились; когда лучъ прожектора вдругъ освѣтилъ заградитель, то онъ оказался въ разстояніи меньшемъ 2-хъ верстъ и былъ виденъ такъ ясно, что даже можно было замѣтить какъ съ кормы сбрасывали въ море мины.

Тутъ всѣ пять пушекъ батареи № 22 съ бѣшенствомъ засыпали несчастный заградитель градомъ снарядовъ;—весь въ огнѣ и въ дыму онъ окутался паромъ и исчезъ. Какой то миноносецъ подлѣ него пронзительно свистѣлъ и ярко поблескивалъ выстрѣлами; черезъ наши головы по всѣмъ направленіямъ жужжали снаряды.

Прожекторъ и люди на батареяхъ остались невредимы; шальными снарядами японскихъ миноносцевъ было убито въ разныхъ мѣстахъ 2 и ранено 2 стрѣлка.

На разсвѣтѣ японцы уходили за горизонтъ и оттуда уже временами выглядывали, не выпуская крѣпость изъ-подъ надзора.

Рано утромъ на рейдъ выходили наши катера и принимались за траленіе минъ; это была египетская

работа; минъ было безконечно много и, сколько бы не удавалось выловить и уничтожить за день, японцы въ слѣдующую же ночь ставили еще большее количество новыхъ.

Безнадежной тоской вѣяло съ моря: каждый день глядѣли мы съ берега, какъ скучно и настойчиво бороздитъ рейдъ тралящій караванъ — грязнухи*) и катера, какъ время отъ времени среди нихъ взлетаетъ столбъ воды и дыма отъ разорвавшейся мины, или какъ неразорвавшіяся буксируются къ берегу, гдѣ ихъ вытаскиваютъ и разряжаютъ.

И, казалось, временами, что этому не будетъ конца; тревожная, темная ночь съ бѣгающими по морю лучами прожекторовъ и гулко отдающіеся въ горахъ звуки пушечныхъ выстрѣловъ и длинный томительный день возни съ траленіемъ минъ.

Тѣмъ временемъ надъ нашими головами собиралась гроза.

Съ сѣвера было слышно, что японцы приближаются, аттаковали уже было гору «Сампсонъ», но неудачно— были отбиты.

Но вотъ наступило роковое 12-ое Мая.

Въ Артурѣ стало извѣстно, что японскія войска пошли несмѣтной массой на штурмъ Кинь-чжоускихъ позицій.

16 часовъ кипѣлъ ожесточеннѣйшій бой; японцы несли страшныя потери, такъ какъ шли густыми колоннами, массами гибли на сѣтевыхъ загражденіяхъ, но

---

*) Паровыя баржи для вывоза грязи и земли.

все продолжали наступать, пока наши пушки не истощили весь свой запасъ снарядовъ.

5-ый Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ одинъ на своихъ плечахъ вынесъ жестокій штурмъ; Кинь-чжоу былъ аттакованъ не только съ фронта, но и съ тыла, ибо когда часть позицій была разгромлена огнемъ японскихъ канонерскихъ лодокъ, стрѣлявшихъ изъ бухты Кинь-чжоу, то непріятельскія войска перебѣгали въ бродъ прибрежныя отмели и заходили въ тылъ.

И хотя громадныя, неслыханныя потери японцевъ въ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ были еще усугублены неожиданнымъ появленіемъ нашей канонерской лодки «Бобръ» на флангѣ японскихъ штурмующихъ колоннъ со стороны Таліенванской бухты, однако Кинь-чжоуская позиція пала.

Одинъ бравый канониръ пришелъ въ ярость отъ нашей неудачи; поздно ночью, когда жалкіе остатки 5-го полка, по приказанію начальства, оставляли разбитыя укрѣпленія, канониръ дострѣливалъ изъ послѣдней уцѣлѣвшей пушки послѣдніе снаряды; ни приказанія, ни просьбы не могли заставить его бросить свою пушку. Уже одинъ, онъ продолжалъ палить до послѣдней бомбы, затѣмъ вынулъ замокъ и, исковеркавъ его, залегъ за брустверомъ *), и ухватившись за брошенное ружье, стрѣлялъ, пока не истребилъ всѣ патроны, валявшіеся на землѣ подлѣ...

И не мало было на Кинь-чжоуской позиціи такихъ героевъ—многіе сложили тамъ свои буйныя головы.

---

*) Большой валъ, окружающій укрѣпленіе.

Немногіе вернулись невредимыми; ихъ разсказы не поддаются описанію: это была страшная ночь, само небо не осталось равнодушнымъ свидѣтелемъ жестокой бойни; разразилась сильнѣйшая гроза; гигантскія молніи разсѣкали тьму ослѣпительными зигзагами, громъ небесный покрывалъ громъ орудійной канонады.

Когда, можно сказать, на позиціяхъ уже некому было защищаться, все что было въ тылу Кинь-чжоу ринулось къ Артуру: поѣзда съ ранеными, солдаты, матросы, полевыя орудія, остатки защитниковъ первой нашей позиціи; къ отступающимъ присоединились жители Дальняго, который съ паденіемъ Кинь-чжоу остался беззащитнымъ.

Въ виду приближавшагося непріятеля, разрушались немногочисленныя укрѣпленія Дальняго; городъ пылалъ, въ порту взлетали на воздухъ всѣ сооруженія, которыя должны были черезъ нѣсколько часовъ попасть въ руки японцевъ. Зарево пожара было видно изъ Артура...

Точно бурный потокъ, прорвавшій плотину, ринулась орда желтолицыхъ, страшнымъ огнемъ прокладывая себѣ дорогу.

Но одолѣвъ Кинь-чжоу, врагъ обезсилѣлъ, не стало силъ преслѣдовать насъ по пятамъ.

Наши войска отошли къ Нангалину.

Въ это время японцы находились отъ Артура верстахъ въ 40—50 и медленно подвигались впередъ, занимая постепенно всю сѣверную часть Ліаодунскаго полуострова.

Теперь уже сотни верстъ, занятыхъ непріятелемъ отдѣляли насъ отъ Россіи, отъ главной нашей арміи; было ясно, что начинается борьба не на жизнь, а на смерть.

Въ ночь на 14-ое несчастный случай лишилъ насъ еще одного миноносца: «Внимательный», будучи въ числѣ другихъ на развѣдкѣ, наскочилъ на камни у о-ва Мурчисонъ и затонулъ.

Съ каждымъ днемъ приходили извѣстія о приближеніи непріятеля.

Уже съ батареи № 22 можно было постоянно видѣть, какъ въ направленіи Дальняго расхаживали по морю японскіе корабли, какъ у себя дома; въ бинокль я ясно различалъ, какъ они вытраливаютъ во множествѣ набросанныя нами мины.

Занявъ Дальній, они двинулись къ Инчензы и къ Сяо-биндао.

На позиціяхъ крѣпости кипѣла работа.

По холмамъ и горамъ, по крутымъ тропинкамъ шли длинныя вереницы осликовъ, каждый былъ навьюченъ корзинами съ землею; грязный, старый китаецъ съ блестѣвшимъ на солнцѣ бронзовымъ лицомъ и черной косой погонялъ свою терпѣливую команду; придя на строящуюся батарею, съ осликовъ сбрасывали землю и солдаты съ матросами насыпали на каменистомъ гребнѣ какой нибудь, напримѣръ, «Драконовой спины» *), брустверъ передъ орудіями или блиндажъ.

*) Названіе одной изъ морскихъ батарей, вооруженныхъ орудіями съ судовъ эскадры.

Форты сухопутнаго фронта крѣпости Портъ-Артуръ. (Доставка земли для баттарей на осликахъ).

Работы моряковъ по укрѣпленію оборонительной стѣнки.

Укрѣплялась оборонительная стѣнка; сотни кирокъ и лопатъ рыли, разбивали камни; углублялись рвы, насыпались прикрытія, скалы, не поддававшіяся усиліямъ рукъ, взрывались, возводился цѣлый рядъ новыхъ батарей, нѣсколько старыхъ китайскихъ фортовъ *), составлявшихъ собственно крѣпость до начала осады, теперь соединялись непрерывно цѣпью земляныхъ, наскоро созданныхъ укрѣпленій, которымъ однако потомъ предстояло вынести нечеловѣческую борьбу.

Гарнизонъ крѣпости доходилъ тогда до 35,000 человѣкъ; на случай, если извнѣ помощи не будетъ, всѣмъ немногочисленнымъ жителямъ Артура, не успѣвшимъ выѣхать до 22-го Апрѣля, способнымъ носить оружіе, оно было выдано—образовался баталіонъ дружинниковъ, другой такой же баталіонъ образовали изъ портовыхъ рабочихъ; такимъ образомъ, все мужское населеніе приняло участіе въ оборонѣ крѣпости.

Починка нашихъ поврежденныхъ судовъ приходила къ концу, что вызывало у всѣхъ особое оживленіе.

23-го Мая съ «Ретвизана» и «Цесаревича» сняли кессоны, «Побѣда» уже задѣлала свою пробоину, хотя только деревомъ, однако вполнѣ надежно.

Со дня на день ожидали выхода эскадры въ море; флотъ воспрянулъ духомъ—мы были готовы къ бою и ожидали лишь приказаній.

---

*) До японо-китайской войны 1894 года, Артуръ принадлежалъ китайцамъ и былъ взятъ у нихъ японцами однимъ штурмомъ.

Не могу не вспомнить здѣсь одну изъ послѣднихъ ночей, проведенныхъ на наблюдательномъ посту надъ батареей № 22.

Это началось въ полночь 25-го Мая; мы были съ однимъ поручикомъ въ казематѣ батареи № 21, когда свистокъ раздавшійся изъ бухты Тахе (обозначавшій, что нашъ миноносецъ идетъ въ аттаку) заставилъ

Кессонъ, изготовленный для броненосца „Цесаревичъ".

насъ выскочить наверхъ. Въ ту же минуту грянулъ выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ началась обычная ночная канонада. Какое то судно, освѣщенное лучами прожекторовъ двигалось по рейду отъ Ліаотишана на востокъ. Находясь далеко, оно было видно очень неясно. Стрѣльба была не мѣткая и начинала постепенно стихать, какъ вдругъ батарея № 22 отвела свой лучъ

на востокъ и всѣ мы ясно замѣтили два судна шедшихъ прямо къ батареѣ и казавшихся миноносцами.

Немедленно по этимъ судамъ открыли огонь; вдругъ на одномъ изъ нихъ сверкнула вспышка огня. Батарея повидимому приняла вспышку за сигналъ, а суда—за наши миноносцы, такъ какъ прекратила стрѣльбу и отвела лучъ влѣво, вглубь Тахе, но тотчасъ краешкомъ луча задѣла дѣйствительно два нашихъ миноносца.

Видя свою оплошность, на батареѣ немедленно закричали: «лучъ вправо!.. вправо!..»—и лучъ отошелъ. Онъ освѣтилъ теперь весь бортъ большого судна, стоявшаго прямо передъ батареей до такой степени близко, что даже страшно было подумать, что сейчасъ произойдетъ. Но думать уже было некогда, и батарея № 22 съ яростью набросилась на незванаго гостя.

По виду это было очень странное судно—большой пароходъ, неуклюжій, грязный, будто склеенный на скорую руку, съ двумя мачтами, изъ которыхъ одна казалась сломанной, нѣсколько трубъ, точно сдвинутыхъ въ кучу; на палубѣ было замѣтно что то сколоченное изъ досокъ или листового желѣза.

Освѣщенный лучемъ пароходъ тотчасъ-же повернулъ къ батареѣ кормой и я увидѣлъ, что онъ кидаетъ за собою мины—это былъ заградитель.

Второй или третій снарядъ батареи уже угодилъ въ него. Послышался тяжелый, раскатистый звукъ, не похожій на выстрѣлъ, это, повидимому, одинъ изъ снарядовъ произвелъ взрывъ, тѣмъ болѣе, что на заградителѣ поднялось облако пара и дыма, на палубѣ замелькали огоньки и онъ вдругъ снова повернулся бор-

томъ къ батареѣ и уже не двигался больше. Множество рвавшихся на немъ снарядовъ поднимало снопы искръ.

Почти весь онъ окутался огнемъ и дымомъ.

Только на время показался его бокъ, вспыхнулъ яркій огонь, грянулъ выстрѣлъ и въ воздухѣ просвистѣлъ снарядъ.

Это было точно сигналомъ; гдѣ то изъ подъ берега между батареями № 21 и 22, изъ темноты, посыпались снаряды, частью летѣли черезъ насъ, частью рвались, не долетая;—очевидно, они были предназначены для уничтоженія прожектора, но цѣли своей не достигли, такъ какъ онъ ослѣплялъ ихъ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько выстрѣловъ, пароходъ-заградитель, весь въ дыму, пылая отъ взрывовъ, исчезъ подъ водою.

При стрѣльбѣ съ батареи № 22 произошло несчастіе: у одного изъ орудій случилась осѣчка; желая выбросить гильзу *), начали открывать замокъ и въ этотъ моментъ произошелъ выстрѣлъ. Замокъ съ силою отбросило въ сторону и снесло имъ голову у одного изъ орудійной прислуги, другой былъ смертельно раненъ разорвавшейся гильзой и, наконецъ, третій былъ сильно обожженъ взрывомъ.

Вскорѣ я узналъ, что несчастный заградитель не только былъ изрѣшетенъ снарядами, но одна изъ двухъ минъ выпущенныхъ нашими миноносцами взорвала его окончательно.

---

*) Мѣдная оболочка, заключающая въ себѣ зарядъ пороха для выстрѣла.

На другое утро на рейдѣ было вытралено множество минъ; я пытался разстрѣлять одну изъ нихъ, всплывшую на мѣстѣ гибели заградителя, изъ винтовки и, хотя стрѣлялъ съ разстоянія какихъ нибудь 200 шаговъ (съ миннаго катера) и почти безъ промаха, мина продолжала плавать; открыли огонь тогда изъ катерной пушченки и лишь на 13-мъ выстрѣлѣ комендору удалось ее утопить, при чемъ она все таки не взорвалась.

Какъ добрая сторожевая собака огрызалась батарея № 22;—не было ей покоя отъ назойливыхъ японцевъ; сильный прожекторъ сталъ имъ поперекъ горла и рѣдкую ночь батарея не обстрѣливала появлявшагося непріятеля.

Еще одно послѣднее воспоминаніе о ней.

Такъ какъ лишніе люди были бы обузой для осажденной и отрѣзанной крѣпости, то всѣмъ желающимъ частнымъ жителямъ и китайцамъ было предложено на имѣвшихся въ Артурѣ джонкахъ *) уйти изъ крѣпости, куда глаза глядятъ.

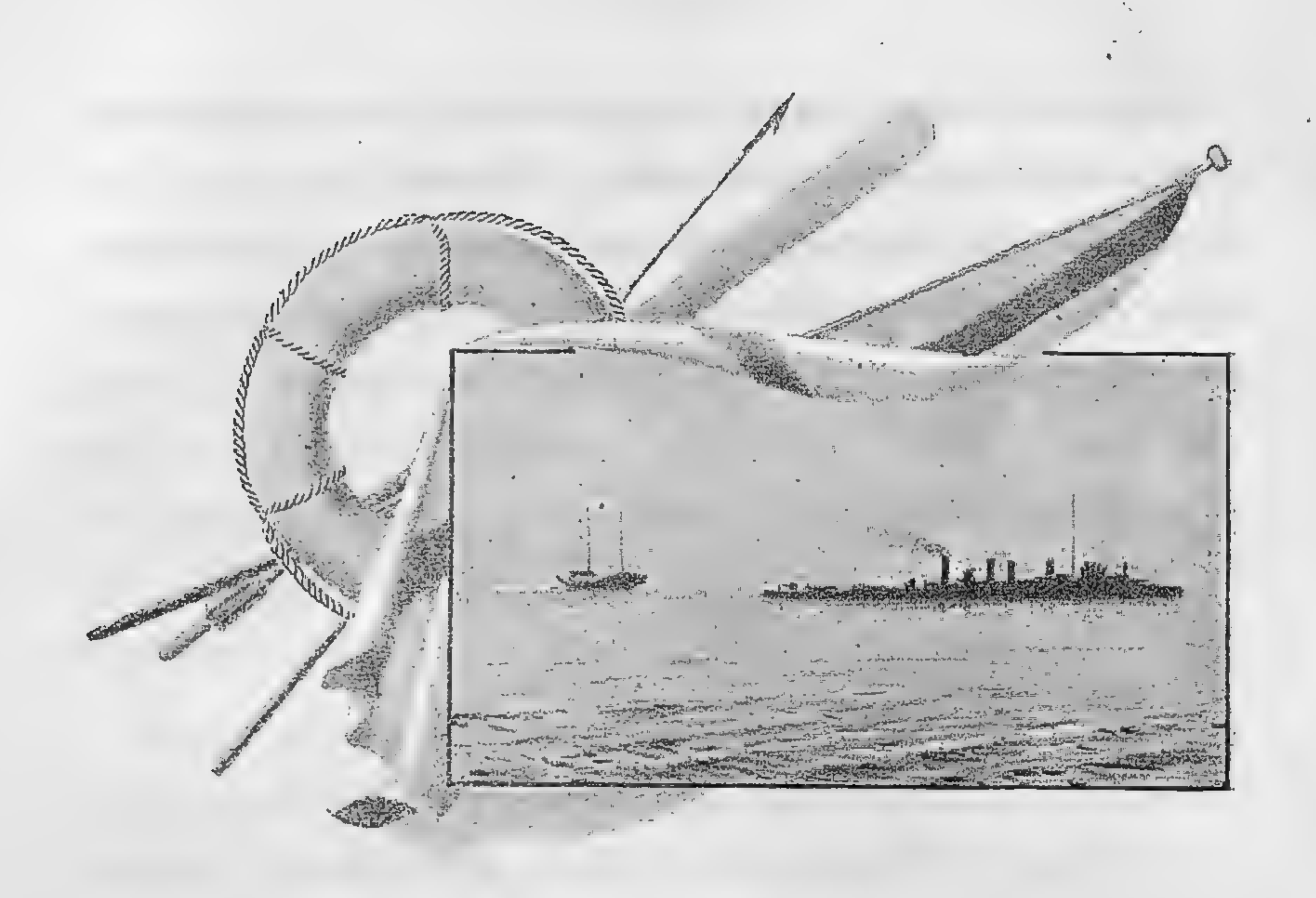
Я видѣлъ, однажды, съ батареи № 22, какъ двѣнадцать большихъ джонокъ наполнились пестрой и шумливой китайской толпой — мужчины, женщины, дѣти, всякій домашній скарбъ, свыше 1000 человѣкъ; распустили паруса и живописно разошлись по морю унося, должно быть, не мало воспоминаній объ отрѣзанной крѣпости.

*) Парусное судно.

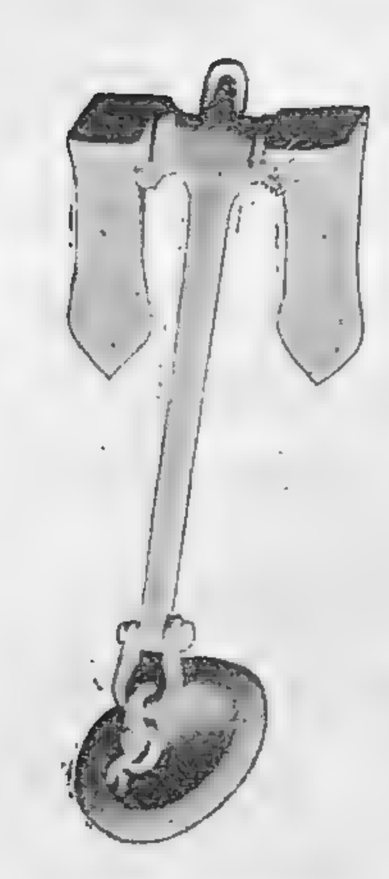
Бывало, что японскіе крейсеры или миноносцы, останавливали джонки и даже забирали ихъ.

Въ концѣ концовъ, они исчезали за горизонтомъ, а мы опять оставались со своими минами, прожекторами и пушками.

Приключенія на минномъ катерѣ.

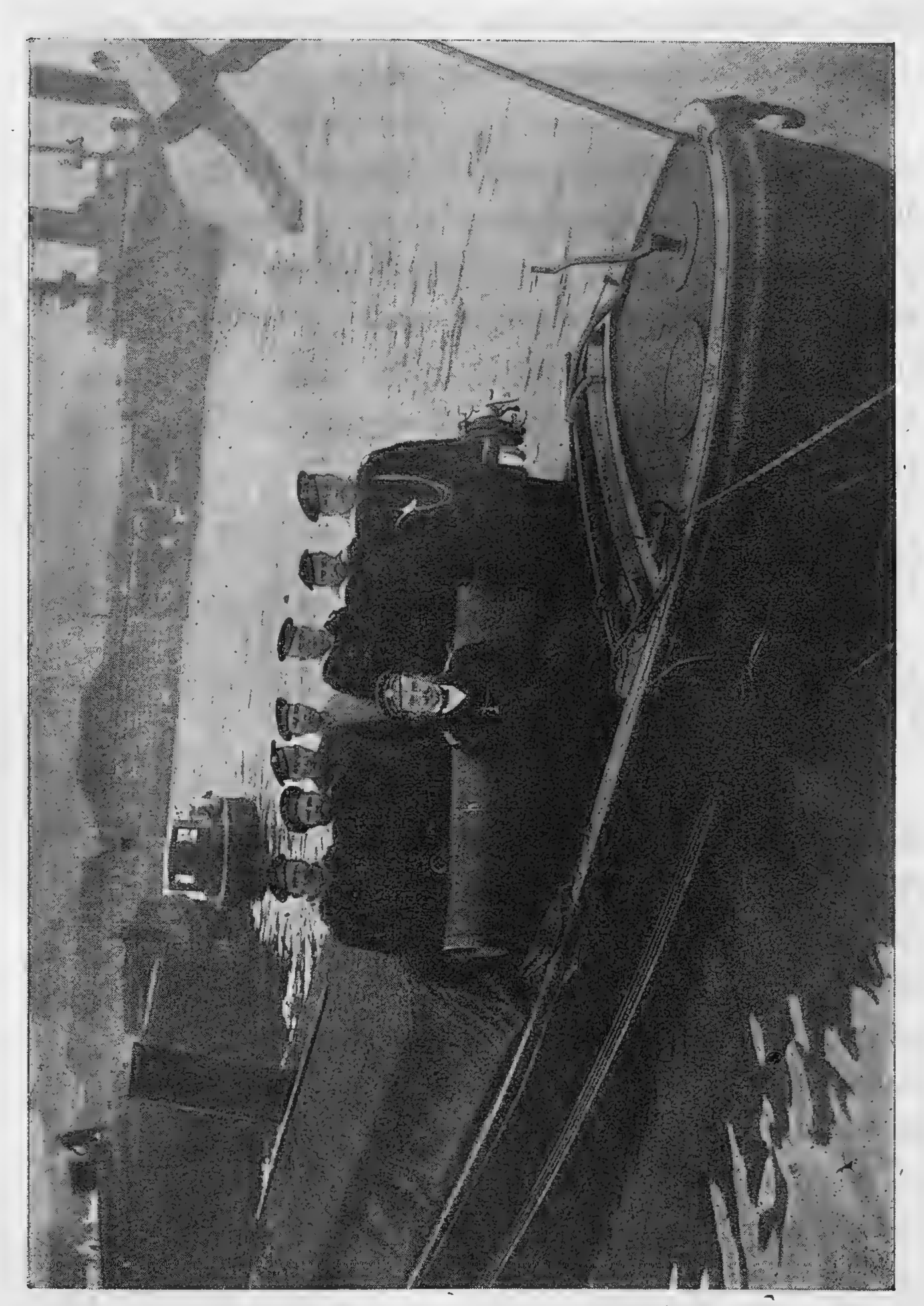

яжело было дожидаться въ бездѣйствіи окончанія исправленій на эскадрѣ; миноносцы, канонерскія лодки, крейсеры чуть не ежедневно перестрѣливались съ японцами, главныя же силы, броненосцы, все еще не были готовы къ выходу.

Мнѣ сильно хотѣлось хоть какой нибудь дѣятельности на морѣ;—единственно, что было доступно — идти на развѣдку на минномъ катерѣ.

Вызвали охотниковъ; но ихъ откликнулось столько, что невозможно было всѣхъ удовлетворить, — взяли восьмерыхъ: молодцы на подборъ, готовые и въ огонь

и въ воду. Вызвался идти съ нами и прапорщикъ флота Дейчманъ, человѣкъ видавшій виды (онъ служилъ до призыва изъ запаса лоцманомъ въ Дальнемъ).

Минный катеръ съ броненосца „Полтава" ходившій 2 іюня на развѣдку подъ командой мичмана Ренгартена.

2-го Іюня передъ наступленіемъ темноты мы вышли изъ Артура и направились вдоль берега на востокъ.

Катеръ небольшой, но быстроходный, вооруженный одной самодвижущейся, одной метательной миной и двумя маленькими пушками.

Мы не торопились такъ какъ уже за Лунвантаномъ берегъ былъ занятъ японцами и туда можно было пройти лишь въ темнотѣ.

Съ батареи № 22 намъ махали платками и кричали что то; на горизонтѣ были японскіе миноносцы.

Когда прошли всю бухту Тахэ, ночь чернымъ крыломъ покрыла все вокругъ и только ослѣпительный лучъ прожектора брызнулъ намъ изъ Артура вдогонку.

Но вотъ за нами скалистый мысокъ,—мы укрылись въ тѣнь, дали полный ходъ и понеслись.

Было жутко и весело—наша немногочисленная, но лихая команда везла съ собою изрядный запасъ шутокъ и прибаутокъ по адресу непріятеля.

Когда вскорѣ очертанія берега заставили насъ уклониться къ югу и снова подставить свои спины прожектору, его лучъ уже былъ далеко не такой яркій.

Интереснѣйшая картина была позади насъ: Артурскіе берега совсѣмъ не были видны, въ черномъ мракѣ море сливалось съ небомъ, только пять яркихъ точекъ, огромными блѣдными снопами свѣта лизали воду. Впереди-же и сбоковъ была глубокая безпросвѣтная тьма и лишь чудились неясныя тѣни.

Всѣ, кромѣ машиниста и кочегара, напряженно глядѣли, силясь проникнуть во тьму; катеръ быстро

шелъ впередъ оставляя, за кормой свѣтящуюся фосфорическимъ свѣтомъ струю.

Минеръ на бакѣ припалъ къ минному аппарату, точно обнялъ его и не сводя глазъ смотрѣлъ передъ собою; вдругъ онъ протянулъ руку и произнесъ шепотомъ: «..судно..!».

Мы всѣ тотчасъ повернули головы—и точно: изъ темноты вырисовывался корпусъ судна.

— «Ну! братцы!—идемъ въ аттаку!... у аппарата приготовиться!..».

Люди одѣли пояса (пробковые), чтобы не идти сразу ко дну, если катеръ дорогой споткнется...

— «Чеку вынуть!..».

— «Есть! чека вынута!» шепотомъ отвѣтилъ минеръ. Остановили вентиляторную машинку, чтобы не шумѣла, присѣли къ палубѣ съ ружьями «на изготовку», притаились и идемъ.

Катеръ летитъ полнымъ ходомъ.

Черный силуэтъ все ближе и ближе, неподвижный и безмолвный.

Вотъ—совсѣмъ близко—и едва не сорвалось у меня «пли!», когда кто то громко выругался: передъ нами былъ маленькій скалистый островокъ «Кэпъ», который прямо на серединѣ пути между Артуромъ и Дальнимъ торчитъ изъ воды и представляетъ собою большой, ровный и голый камень.

Проклятый островишко ввелъ насъ въ досадную ошибку, тѣмъ болѣе досадную, что удалось такъ счастливо проскочить между берегомъ и первой линіей сторожевой цѣпи японскихъ миноносцевъ.

Не останавливаясь, мы обогнули «Кэпъ» и скоро онъ скрылся за нами.

Изъ предосторожности мы держались теперь подальше отъ берега, тѣмъ болѣе, что тамъ и сямъ мелькали какіе то огоньки, разъ даже что то ярко вспыхнуло на вершинѣ какой то скалы.

Зажглись звѣзды; тьма была попрежнему—кромѣшная.

Все шло отлично; лучъ прожектора батареи № 22 еще хваталъ до насъ, слабо освѣщая, однако настолько, что удалось разглядѣть на часахъ, что было 2 часа ночи.

Мы находились въ разстояніи болѣе 20 миль отъ Артура. Слѣва уже можно было разглядѣть мысъ, пройдя который и свернувъ къ сѣверу, можно было, черезъ какой нибудь часъ, если не меньше, войти въ Таліенванскую бухту, гдѣ несомнѣнно стояли японскіе корабли.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное.

Въ сторонѣ отъ насъ вдругъ появилось что то похожее на катеръ съ трубою,—мы не нуждались въ свидѣтеляхъ, круто завернувъ, бросились на него. Но это былъ не катеръ, а простая китайская шампунька *); трубу замѣнялъ китаецъ, въ то время, какъ другой сидѣлъ рядомъ; когда мы, проскакивали мимо бортъ о бортъ, во время свернувъ, чтобы не раздавить, онъ сказалъ другому успокаивающимъ голосомъ: «Иппонъ!.. Иппонъ!», («японцы!. японцы!.»).

Это было странно и мы тотчасъ рѣшили, на всякій случай, схватить китайцевъ и отведя шампуньку по-

*) Шлюпка.

дальше въ море, отпустить ихъ тамъ, чтобы зря по дорогѣ не попадались.

Съ этимъ подошли къ шампунькѣ и Дейчманъ, знавшій немного по китайски, спросилъ ихъ — гдѣ японцы.

Увидавъ свою ошибку, китайцы сразу измѣнились, на лицахъ изобразился ужасъ и они, дрожа и перебивая другъ друга, стали подробно разсказывать, что между нами и Артуромъ—много, много миноносцевъ. что въ Таліенванской бухтѣ три большихъ судна, а остальныя суда японской эскадры находятся среди острововъ Элліотъ.

Они знали слишкомъ много или обманывали насъ; разговаривать было некогда—мы приказали имъ выдти на катеръ, но тѣ не понимали или не хотѣли понять. Ихъ потащили силою.

Но едва до нихъ дотронулись, какъ оба разомъ испустили нечеловѣческій крикъ, на который тотчасъ же откликнулось множество голосовъ справа и слѣва отъ насъ.

Немедленно крикунамъ заткнули рты чѣмъ попало, кажется, паклей изъ рукъ кочегара; вмигъ оба очутились въ носовомъ отдѣленіи, надъ ними захлопнулась горловина, дюжій матросъ усѣлся на нее и несчастные тщетно старались приподнять ее; недолгое время ворочались и стучали и, наконецъ, стихли.

Шампуньку мы взяли на буксиръ и полнымъ ходомъ пошли въ море.

Было ясно, что шампунька была не одна, и не простой испугъ заставилъ китайцевъ орать, что отвѣтные крики имѣли свой смыслъ.

Черезъ нѣсколько секундъ это предположеніе подтвердилось: съ востока что то шло прямо на насъ — достаточно было лучу прожектора батареи № 22 мазнуть поверхъ насъ, чтобы мы могли разглядѣть, что на насъ шелъ большой миноносецъ. Будучи обнаружены мы становились настолько безпомощны со своимъ катеромъ, что намъ оставалось одно—удирать во всѣ лопатки.

Но скорость миноносца превосходила нашу по крайней мѣрѣ вдвое и только случай могъ спасти насъ.

Дейчману пришла въ голову мысль — бросить шампуньку на съѣденіе миноносцу и свернуть къ берегу, въ темноту.

Немедленно это было исполнено — и во время: впереди уже видѣлся пѣнящійся бурунъ подъ носомъ миноносца; взбудораженная вода Печилійскаго залива часто довольно сильно свѣтится въ темнотѣ.

Миноносецъ, подойдя къ шампунькѣ, повидимому, уменьшилъ ходъ или остановился, чтобы разглядѣть ее; тѣмъ временемъ, мы свернули въ сторону и вскорѣ съ облегченіемъ увидѣли, что никто насъ не преслѣдуетъ, а вокругъ—темно и тихо.

Между тѣмъ, до разсвѣта оставалось такъ мало времени, что волей неволею пришлось плестись домой, не солоно хлебавши.

По дорогѣ насъ ожидало еще одно глупѣйшее приключеніе; это случилось, когда мы входили въ восточную часть бухты «Тахе»; шли среднимъ ходомъ и въ

одинъ прекрасный моментъ почувствовали, что киль катера проскрипѣлъ по подводному камню...

— «..самый полный ходъ назадъ!..».

Не тутъ-то было!

Винты бѣшенно заработали, подъ кормой забурлило, катеръ завернуло бокомъ къ берегу и — ни съ мѣста.

Немедленно, поскидавъ платье, команда попрыгала въ воду по поясъ, налегли плечами, но, увы, катеръ садился все плотнѣе и плотнѣе, такъ какъ былъ отливъ, въ чемъ мы тутъ же и убѣдились.

Подложили подъ бока мѣшки съ углемъ, чтобы не такъ било волной о камни; а вода все уходила и уходила.

Когда стало свѣтать, вода на много саженъ ушла отъ насъ; — катеръ безпомощно лежалъ на боку на ровномъ, голомъ камнѣ. Только въ разщелинахъ оставалась вода и тамъ копошились морскія звѣзды *). Морское дно между нами и берегомъ почти совершенно вышло изъ воды.

Изъ ближайшаго селенія пришли китайцы и китаянки и, не обращая никакого вниманія на злополучный катеръ, бродили по камнямъ, собирая устрицы и безчисленныя разновидности морскихъ животныхъ, вродѣ звѣздъ и медузъ **).

Нашихъ плѣнниковъ мы выпустили подышать свѣжимъ воздухомъ; они усѣлись на ближайшій камень и съ полнымъ равнодушіемъ осматривались.

---

*) Морское животное, похожее на звѣзду.

**) Морское животное похожее на грибъ.

*

Когда окончательно разсвѣло, мы увидѣли въ бухтѣ «Мяо-Си», подъ батареей № 22 одинъ изъ нашихъ миноносцевъ; стали махать семафорными флажками — насъ замѣтили и вскорѣ отъ миноносца отвалилъ вельботъ.

Между тѣмъ начинался приливъ.

Съ легкимъ рокотомъ приближалось море. Сначала прибой лизалъ подъ нами камень и слегка пѣнясь отбѣгалъ назадъ, затѣмъ волны стукнулись о катеръ.

Приблизился вельботъ и люди съ него помогли намъ завести верпъ *) въ разщелину камня.

Вода быстро прибывала; легкій прибой смѣнялся буруномъ; и съ каждой новой волной катеръ испытывалъ все болѣе сильный ударъ. Наконецъ, эти волны стали приподнимать катеръ и колотить имъ о каменное дно.

Мы съ трудомъ удерживались, цѣпляясь за что попало, чтобы не вылетѣть за бортъ.

Наконецъ что-то хрустнуло — острый уголъ камня проломилъ днище; открылась течь и, какъ мы ни старались выкачивать воду ведрами и фуражками, она очень скоро затопила топку и мы лишились паровъ.

Въ это время, глядя на наше бѣдствіе подошелъ миноносецъ и, по нашей просьбѣ, подалъ брандспойтъ **) и пластырь.

Долго еще возились мы, прыгая на камнѣ и лишь только когда вода прибыла настолько, что миноносецъ

---

*) Небольшой якорь.

**) Помпа для выкачиванія воды.

могъ стащить насъ на свободную воду, подвели пластырь подъ пробоину и стали выкачивать воду брандспойтомъ.

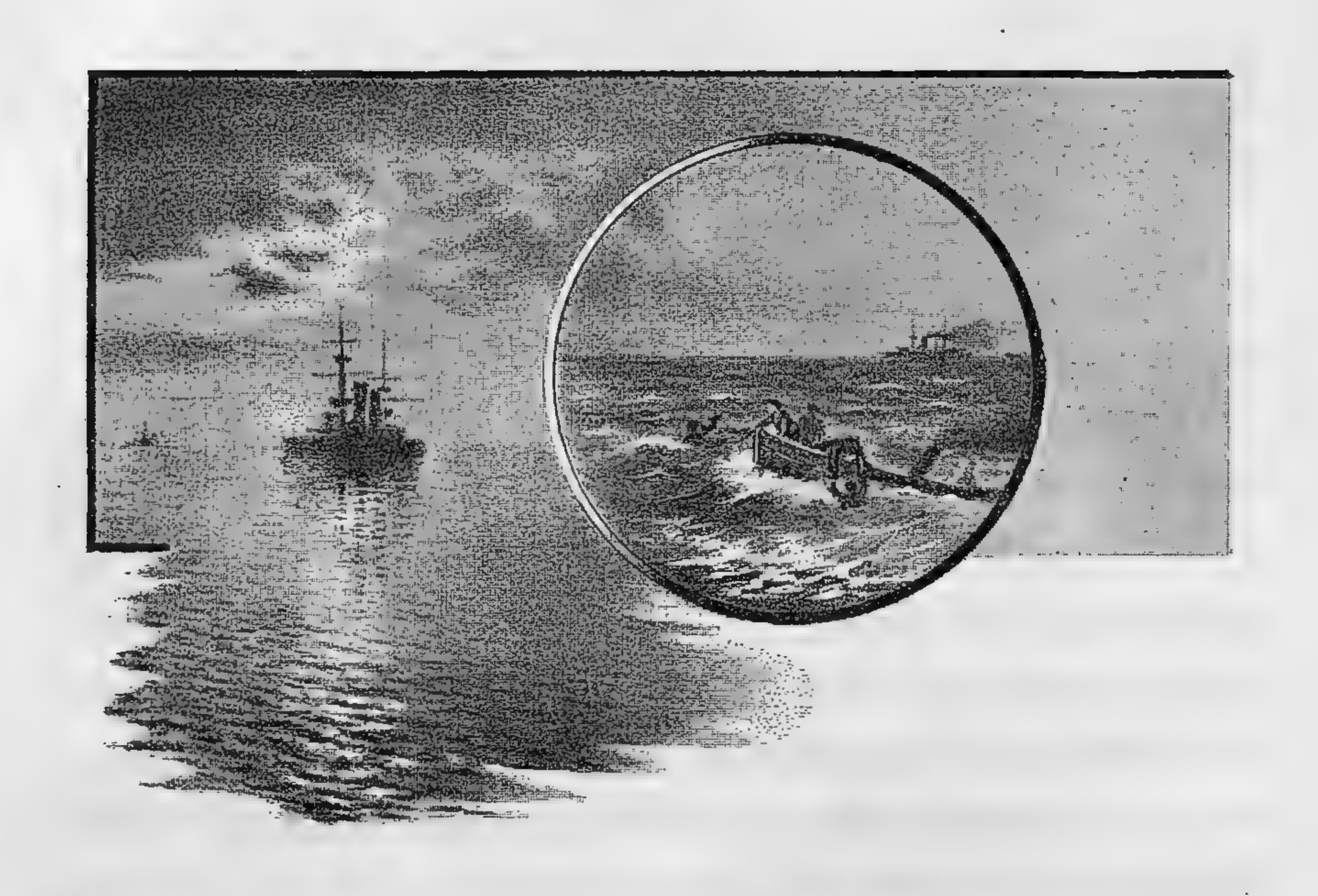
Послѣ такихъ сплошныхъ неудачъ совѣстно было возвращаться домой да еще съ пробоиной, безъ паровъ, на буксирѣ миноносца.

Однако, на брандспойтѣ качали съ такимъ рвеніемъ, что даже удалось снова развести пары и, не доходя до «Золотой горы», бросить буксиръ; послѣ чего, не переставая откачиваться, мы кое-какъ протащились собственной машиной въ Восточный бассейнъ и подошли къ трапу флагманскаго броненосца «Цесаревичъ».

Въ штабѣ Командующаго эскадрой нашихъ плѣнниковъ допросили съ помощью настоящаго переводчика—студента; на допросѣ выяснилось, что они въ числѣ многихъ другихъ были приспособлены японцами для сторожевой цѣпи на шампунькахъ передъ Таліенванской бухтой, причемъ должны были предупреждать японскія суда о всякой грозящей имъ со стороны русскихъ опасности.

Кромѣ того, они сообщили цѣлый рядъ свѣдѣній о количествѣ войскъ въ Дальнемъ, о батареяхъ возведенныхъ японцами, о мѣстопребываніи флота и т. п.; совершенно неизвѣстно—говорили-ли они правду.

Минныя атаки японцевъ въ ночь съ 10-го на 11-ое Іюня.

Вечеромъ 9-го Іюня наши миноносцы особенно зорко сторожили Артуръ. Непріятель не замедлилъ явиться и съ внутренняго рейда было видно по вспышкамъ выстрѣловъ, что завязался бой. Онъ, впрочемъ, не былъ продолжителенъ. Досталось нашему миноносцу «Боевому»; изъ-за поврежденій онъ принужденъ былъ войти въ гавань; командиръ его былъ раненъ.

Всю ночь миноносцы держались у входа.

Въ 3 часа утра на внутреннемъ рейдѣ и въ Восточномъ бассейнѣ началось необычное оживленіе; въ предразсвѣтной мглѣ двигались темныя фигуры портовыхъ катеровъ, на всѣхъ судахъ эскадры пары были разведены—готовились къ выходу.

Горизонтъ былъ чистъ отъ японцевъ.

Съ восходомъ солнца «Новикъ» вышелъ въ море, за нимъ «Діана», «Севастополь», «Полтава», «Цесаревичъ» и др.

Въ половинѣ шестого непріятельскіе миноносцы вылѣзли изъ-за горизонта, наблюдая за нами.

Судамъ было приказано по выходѣ на внѣшній рейдъ стать на якорь и по приходѣ послѣдняго тотчасъ построиться и идти въ море.

Къ несчастью, съ первыхъ же шаговъ мы натолкнулись на серьезное препятствіе.

Когда стало достаточно свѣтло, мы увидѣли вокругъ насъ—впереди, сзади, вездѣ, куда глазъ хваталъ, массу японскихъ минъ загражденія, всплывшихъ на поверхность воды; если бы не крики и сигналы съ другихъ судовъ, «Пересвѣтъ» навѣрное бы взорвался;—я самъ видѣлъ, какъ онъ шелъ прямо на мину и свернулъ въ сторону въ самый послѣдній моментъ.

«Новикъ» сталъ восточнѣе всѣхъ и, сколько помнится, первый принялся за разстрѣлъ минъ, плававшихъ близъ него.

Насъ, молодежь, немедленно же послали на паровыхъ катерахъ тралить.

Отовсюду послышались выстрѣлы по минамъ и взрывы ихъ, сопровождавшіеся высокимъ всплескомъ воды.

Нѣсколько минъ взорвались сами собою въ разныхъ мѣстахъ.

Сильная зыбь бороздила море и еще усугубляла опасность.

Положеніе нашей эскадры было критическое; въ предыдущую ночь перестрѣлка съ нашей сторожевой цѣпью не помѣшала японцамъ навалить кучу минъ и теперь мы должны были терять драгоцѣнное время на ихъ уничтоженіе вмѣсто того, чтобы, отыскавъ японцевъ въ морѣ, напасть на нихъ, пока они еще не успѣли собраться со всѣми силами.

Настроеніе было отвратительное; противъ этой нечеловѣческой минной войны поднималось злобное чувство; въ самомъ дѣлѣ — можно ли сравнить ее со славнымъ боемъ, гдѣ сходятся лицомъ къ лицу?

Мы всегда сознавали, что при современныхъ средствахъ иначе и быть не можетъ, что и въ минной войнѣ самая постановка загражденія зачастую сопровождается величайшею опасностью, что и тамъ требуется не меньше доблести и чувства долга; однако, по мнѣнію многихъ, открытое сраженіе, среди бѣла дня, какъ бы оно ни было кровопролитно и гибельно, всегда окружено ореоломъ величія.

До 2-хъ часовъ пополудни очищали путь для нашихъ кораблей; наконецъ, въ предшествіи многочисленнаго тралящаго каравана эскадра направилась на югъ. «Новикъ» съ миноносцами шелъ впереди, охраняя караванъ, состоявшій изъ грязнухъ *) и портовыхъ катеровъ.

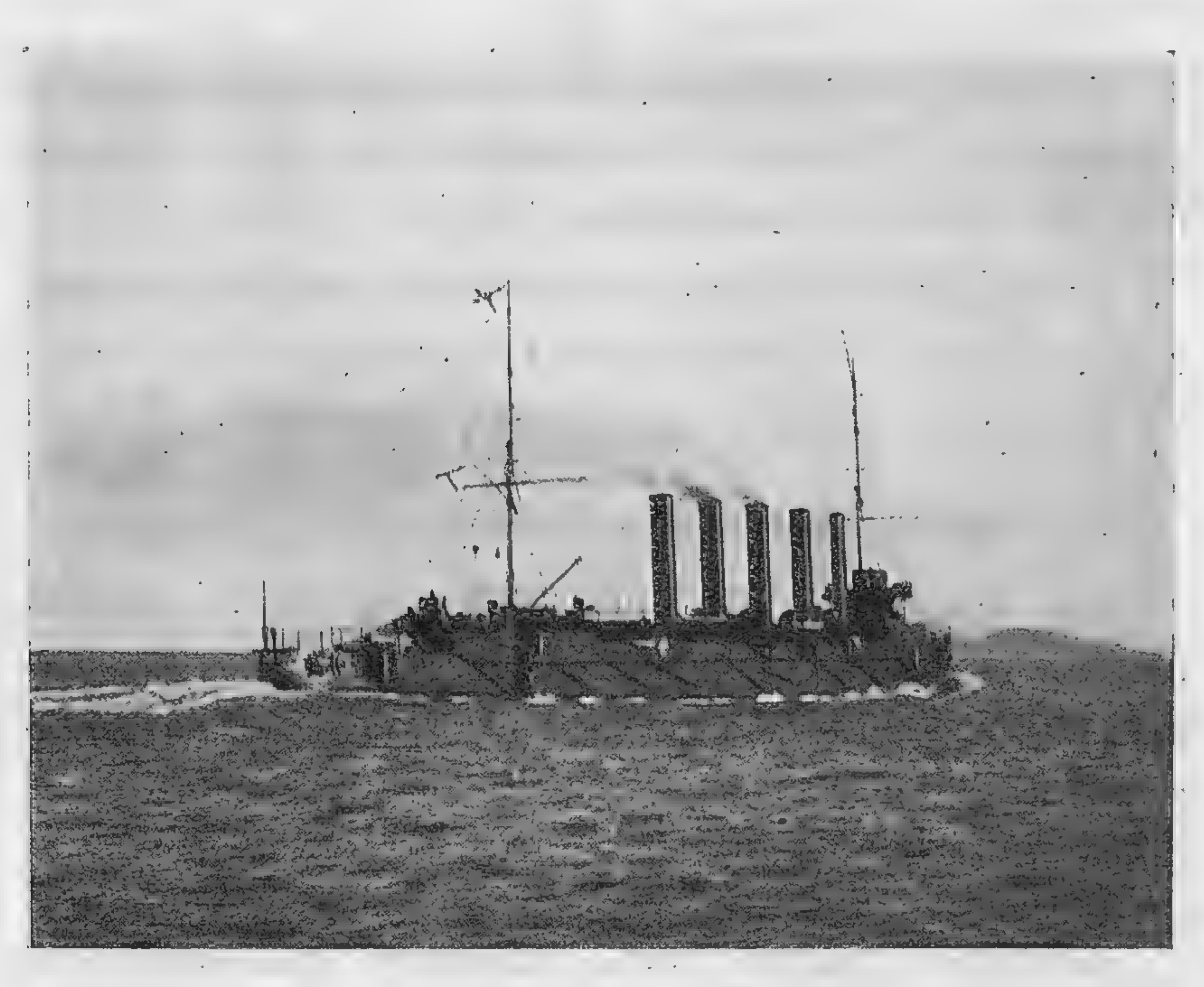
Непріятельскіе миноносцы приблизились, но тотчасъ же были атакованы нашими; произошла жесто-

*) Пароходы особаго устройства, въ которые сваливаютъ грунтъ, выгребаемый со дна при его углубленіи землечерпалками.

кая стычка, которая была для насъ успѣшна; японцы были прогнаны и скрылись за горизонтомъ.

Миляхъ въ десяти отъ Артура караванъ былъ отпущенъ.

Эскадра представляла прекрасное и внушительное зрѣлище.

Крейсеръ I ранга „Аскольдъ“.

Шли въ боевомъ порядкѣ — броненосцы «Цесаревичъ» подъ флагомъ контръ-адмирала Витгефта, «Ретвизанъ», «Побѣда», «Пересвѣтъ» подъ флагомъ контръ-адмирала князя Ухтомскаго, «Севастополь» и «Полтава», за ними крейсеры: «Аскольдъ», подъ флагомъ

контръ-адмирала Рейценштейна, «Діана», «Паллада», «Баянъ» и, внѣ строя, во главѣ съ «Новикомъ» шло 8 миноносцевъ.

Яркое солнце освѣщало стройную колонну кораблей. Радость охватывала насъ при видѣ оправившейся отъ ранъ и окрѣпшей эскадры, вышедшей помѣриться силами съ врагомъ.

Японцы не зѣвали.

На смѣну скрывшимся миноносцамъ явился отрядъ крейсеровъ III класса и, поглазѣвши на насъ, въ свою очередь ушелъ за горизонтъ.

Неожиданно съ востока показался старый, уродливый «Чиніенъ»—броненосецъ II класса.

Мы продолжали спускаться на югъ.

Постепенно скрывались Ляотишанскія горы.

Въ 6-мъ часу на горизонтѣ показались дымки; они все приближались—показались мачты, трубы, корпуса судовъ и, наконецъ, мы увидѣли, что на сближеніе съ нами съ востока идетъ японскій флотъ.

Пробили боевую тревогу.

Знакомый топотъ ногъ, хлопанье задраиваемыхъ дверей, гудѣніе механизмовъ, вращающихъ орудійныя башни... черезъ минуту всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Наверху тишина нарушалась только журчаніемъ воды, вытекающей на палубу изъ шланговъ, чтобы смочить ее на случай пожара при попаданіи снарядовъ, да снизу глухо доносилась работа судовой машины.

Всѣ пушки медленно водили дулами, точно гигантскими щупальцами, слѣдя за движеніями непріятельской эскадры.

Скоро японцы перестали сближаться съ нами и пошли почти параллельно, прикрывая собою путь на востокъ.

Артуръ почти скрылся изъ глазъ.

Солнце быстро катилось къ горизонту; прощальные косые лучи наполняли воздухъ мягкимъ розовымъ свѣтомъ.

Въ этотъ моментъ «Цесаревичъ» повернулъ на востокъ и, послѣдовательно за нимъ, повернули остальные корабли; японцы шли прежнимъ курсомъ.

Пушки ворочались, не выпуская изъ вида непріятеля.

Грянетъ ли бой?

Увы! бой не грянулъ.

Вспыхнулъ послѣдній лучъ и солнце краснымъ раскаленнымъ шаромъ потонуло за горизонтомъ. Полнымъ ходомъ, разсѣкая волны, шла наша эскадра обратно.

По безпроволочному телеграфу была перехвачена японская телеграмма и тотчасъ переведена: «Приготовиться къ бою, миноносцамъ атаковать непріятеля».

Одновременно съ этимъ отъ японской эскадры отдѣлилась несмѣтная стая ихъ и, не отставая, шла за нами.

Быстро опустилась ночь.

Высоко въ небѣ стояла луна.

Крейсеры съ миноносцами, по приказанію адмирала, обогнали броненосцы.

Прошли Ляо-тишанъ; головные корабли входили на рейдъ.

Зловѣщая тишина. Японскіе миноносцы неотступными тѣнями держатся позади и справа отъ насъ.

Гнетущая тоска охватывала насъ; боя не было, шли на рейдъ, усыпанный непріятельскими минами; кто могъ поручиться, что всѣ наши корабли не взорвутся на первыхъ попавшихся минахъ, что этотъ рейдъ сейчасъ станетъ могилой многострадальной Артурской эскадры?

Вниманіе всѣхъ сосредоточилось на японскихъ миноносцахъ; жестокая атака была неизбѣжна.

Отраженіе эскадрой ночныхъ аттакъ непріятельскихъ миноносцевъ въ ночь съ 10 на 11 іюня 1904 г.

«Цесаревичъ» замигалъ сигнальными огнями, чей то прожекторъ метнулъ лучомъ съ сѣвера.

Было 8 часовъ вечера, когда наши головные корабли становились на якорь на внѣшнемъ рейдѣ.

«Полтава» шла концевымъ, сильно отставъ отъ другихъ.

Непріятельскіе миноносцы бросились въ атаку.

Сразу, вдругъ, на всѣхъ корабляхъ ярко вспыхнуло: на атакующихъ уставились яркіе бѣлые лучи судовыхъ прожекторовъ и грянула страшная стрѣльба.

Около получаса гремѣли залпы сотни орудій; въ лучахъ прожекторовъ было видно, какъ бѣшенно неслись мимо насъ непріятельскіе миноносцы, засыпаемые градомъ снарядовъ, вздымавшихъ бѣлые всплески воды; нѣсколько минъ пересѣкли нашъ курсъ, оставивъ за собою пѣнящійся слѣдъ, — ни одна, къ счастью, не попала въ цѣль.

Въ разгарѣ атаки, среди адскаго стона выстрѣловъ, вдругъ нечеловѣческіе вопли донеслись до насъ съ воды:

— «Полтава-а-а! Помоги-и-и!..»

Броненосецъ еще шелъ впередъ. Люди бросились къ гребному катеру и съ необычайной быстротой онъ былъ спущенъ на воду.

Атака закончилась; прожекторы захлопнулись.

Только «Новикъ» искалъ лучемъ просившихъ помощи; въ свѣтломъ пятнѣ мы скоро увидѣли барахтающихся въ волнахъ людей; нашъ катеръ подошелъ къ нимъ и вытащилъ—ихъ было двое: матросы съ «Севастополя».

Во время атаки «Севастополь» наскочилъ на японскую мину загражденія, которая подъ нимъ взорвалась, причинивъ серьезное поврежденіе; въ огромную пробоину хлынула вода и броненосецъ, опасаясь затонуть вышелъ изъ строя и сталъ на якорѣ на мелкомъ мѣстѣ въ бухтѣ Бѣлый волкъ.

Спасенные нашимъ катеромъ матросы разсказывали, что на «Севастополѣ» былъ страшный взрывъ и они сами не помнятъ, какъ очутились въ водѣ.

Тѣмъ временемъ вся наша эскадра стала неровной линiей передъ входомъ въ гавань на якорь и спѣшно ставила сѣтевое загражденiе.

Едва прошло нѣсколько минутъ послѣ первой атаки, какъ произошла другая, стремительная, но кратковременная и такая же безрезультатная, какъ предыдущая;—она длилась 8 минутъ.

Наступила ночь, одна изъ самыхъ тревожныхъ артурскихъ ночей.

Въ 11-мъ часу непрiятель съ еще большею смѣлостью бросился на насъ; въ теченiе 15 минутъ гремѣла бѣшенная канонада со всѣхъ судовъ и береговыхъ батарей, мины по всѣмъ направленiямъ пронизывали строй эскадры, ни въ кого не попадая; изъ трубъ непрiятельскихъ миноносцевъ пылали факелы: они развили самый полный ходъ, на какой только были способны. Наши снаряды ложились отлично, было много попаданiй.

Японскiе снаряды съ миноносцевъ шипящимъ роемъ проносились надъ нами; два разорвалось на «Полтавѣ», не причинивъ вреда людямъ.

Луна помогала намъ отыскивать японцевъ; точно ослабѣвъ послѣ атаки, они уже менѣе стремительно летѣли на насъ и уже черезъ 3 минуты неслись прочь подъ страшнымъ огнемъ.

Еще послѣднiй разъ, почти робко, подошелъ значительный отрядъ миноносцевъ и въ теченiе 10 минутъ

пытался атаковать, но у насъ уже гремѣли двѣнадцатидюймовыя орудія и, не смѣя подойти близко, они стрѣляли минами, не достигавшими насъ.

Шелъ 2-ой часъ ночи.

Луна катилась къ горизонту и должна была зайти въ 2 часа.

Ни одного огонька. Всѣ прожекторы закрылись.

Тихо, только волны плещутъ.

Охватывала усталость; уже 23 часа мы были на ногахъ въ безпрерывной напряженной работѣ.

Я сошелъ въ каютъ-компанію и нашелъ тамъ двухъ человѣкъ, дремлющихъ въ креслахъ.

Сѣлъ тоже и забылся.

Какой то дивный сонъ виталъ передо мною.

Въ полудремотѣ я слышалъ, какъ руль стучалъ подъ ударами зыби, какъ надъ головою шуршали чьи-то шаги.

Минутами все исчезало и въ сладкомъ снѣ витали родные образы далекой родины; но сейчасъ же сердито стучалъ руль, я открывалъ глаза и смотрѣлъ на часы: минутная стрѣлка медленно подходила къ 2-мъ.— «Сейчасъ начнется!» почти невольно подумалъ я, поднимаясь съ кресла, и пошелъ на верхъ.

И точно. Едва вступилъ на палубу, какъ мгновенная вспышка освѣтила бортъ «Цесаревича» и рѣзкій, непріятный звукъ выстрѣла нарушилъ зловѣщую тишину.

За нимъ—посыпалось.....

Это было что-то невѣроятное—фантастическое и великолѣпное зрѣлище.

Японцы только и ждали, когда зайдетъ луна, и теперь уже, не задумываясь, однимъ отрядомъ за другимъ шли мимо насъ такъ близко, что въ лучахъ прожекторовъ «Аскольда», «Цесаревича» и «Паллады» (стоявшихъ на флангахъ) были видны совершенно ясно.

Въ самый разгаръ атаки на «Полтавѣ» вспыхнулъ бездымный порохъ въ гильзѣ отъ 6-ти дюймового орудія; выкинуло громадное пламя ярко освѣтившее трубы и мостикъ; гильзу выбросили за бортъ—никто при этомъ не пострадалъ. Это обстоятельство дало поводъ японскому адмиралу Того въ своемъ донесеніи Микадо написать, что «Полтава» взорвана.

Самая продолжительная и страшная атака была около 3 часовъ; она длилась 25 минутъ—ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ достигало предѣла.

Забыли объ усталости, стрѣльба все учащалась, непріятельскіе миноносцы носились по рейду среди вздымавшихся отъ сотенъ падающихъ снарядовъ всплесковъ воды.

Прокричалъ пѣтухъ; это было странно и неожиданно въ обстановкѣ минной атаки.

Снова тишина и мракъ.

— «Когда-же разсвѣтъ?» лѣзетъ въ голову мысль уставшаго человѣка.

Но вотъ.... опять открыли прожекторъ, опять надвигается стая враговъ, снова въ теченіе 10 минутъ огненный градъ...

Наконецъ въ 3 часа 30 минутъ стало свѣтать.

Казалось—все кончено.

Однако, въ этой сѣрой обманчивой мглѣ таилось послѣднее испытаніе,—послѣдняя, девятая атака.

Уже не такая, какъ прежнія.

Черезъ 10 минутъ хлопнула послѣдняя пушка, раскатисто ахнулъ взрывъ, выскочившей на берегъ японской мины и ночь кончилась.

Когда взошло солнце ни одного японца, ближе чѣмъ на горизонтѣ, не было.

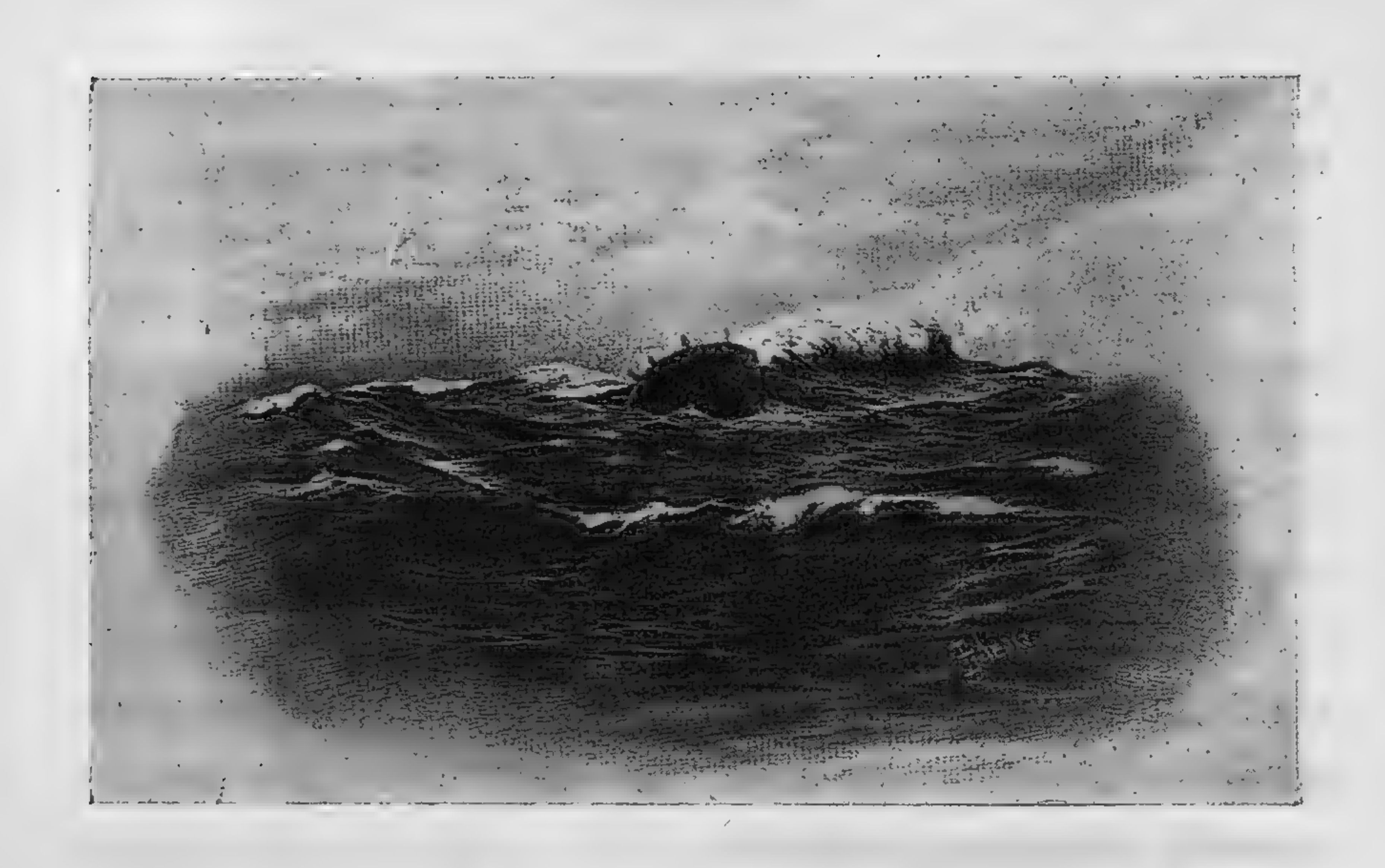
Утромъ всѣ суда эскадры втянулись въ гавань.

На рейдѣ было выловлено 10 самодвижущихся минъ; нѣкоторыя оказались съ ножницами для разрѣзыванія сѣтей загражденія.

Хотя успѣшное отраженіе атакъ и давало чувство извѣстнаго удовлетворенія, но мы вернулись въ Артуръ подавленные сознаніемъ неудачнаго выхода.

Опять отсрачивался рѣшительный бой, снова былъ выведенъ изъ строя одинъ изъ броненосцевъ; на исправленіе «Севастополя» тѣми недостаточными средствами, которыми обладалъ отрѣзанный отъ всего міра портъ, требовалось не менѣе мѣсяца.

Врагъ приближается.

Много долгихъ дней должно было пройти въ ожиданіи желаннаго боя.

Это было тяжелое, гнетущее время.

Вспоминая теперь его день за днемъ, перечитывая дневникъ, я вновь переживаю тоску ожиданія.

Линейные корабли—броненосцы съ завистью смотрѣли какъ канонерскія лодки, миноносцы и крейсеры почти ежедневно выходили въ море, гдѣ не прекращались постоянныя стычки съ непріятелемъ.

На сушѣ японцы медленно, но вѣрно приближались къ Артуру.

3-го Іюня ими были взяты горы «Куинсанъ», «Юпилаза» и постъ на Лунвантанѣ, гдѣ наши войска потеряли до 130 человѣкъ убитыми и ранеными. Наши канонерскія лодки обстрѣливаніемъ съ моря

Миноносцы возвращающіеся въ Портъ-Артуръ изъ дозора.

*

если и не могли задержать штурмующихъ колоннъ, то нанесли имъ громадный уронъ.

Въ самомъ Артурѣ ночи проходили въ стрѣльбѣ по японскимъ миноносцамъ, ставящимъ мины или атакующимъ сторожевые корабли; такъ при атакѣ на крейсеръ «Палладу», ночью 14-го, былъ утопленъ японскій миноносецъ.

А дни проходили въ безконечно-однообразномъ траленіи минъ.

Медленно тянулся по рейду караванъ, то и дѣло взрывалась гдѣ нибудь въ тралѣ мина; на «Бѣломъ Волкѣ» постоянно копошились люди, десятками рукъ ухватившись длиннымъ концемъ за японскую мину и съ громкой «дубинушкой», они тащили ее изъ воды, она прыгала по мелкимъ валунамъ и прибрежному песку и иногда со страшнымъ грохотомъ рвалась. Неразорвавшіяся мины разбирались, изъ нихъ вытаскивали пироксилинъ; скоро мы имѣли весьма значительный запасъ этого взрывчатаго вещества, которое намъ впослѣдствіи очень пригодилось.

Очень часто на тралящій караванъ обрушивались японскіе крейсеры и миноносцы и тогда поднималась перестрѣлка съ охранявшими караванъ нашими канонерками.

20-го русскіе перешли въ наступленіе; у Лунвантана дѣло пошло успѣшно: при поддержкѣ съ моря японцы были отброшены. Слѣдующіе два дня кипѣлъ ожесточенный бой на «Зеленыхъ горахъ»; отрядъ полковника Семенова, съ музыкой впереди, пошелъ штурмомъ на

гору «Куин-санъ», но встрѣтилъ жестокій отпоръ; всѣ наши штурмы были отбиты съ огромными потерями.

Эти дни пушки гремѣли и съ суши и съ моря, такъ какъ наши суда всѣми мѣрами старались помочь сухопутнымъ товарищамъ. Стрѣляли онѣ помногу и подолгу; 21-го сбили японскую батарею, перебили массу людей и всегда одновременно отбивались отъ японскихъ крейсеровъ «Матсушима», «Итсукушима», «Хашидате», броненосца «Чин-іенъ» и десятка миноносцевъ.

Однако и японцы утомились послѣ нашего наступленія; только мелкія стычки на передовыхъ позиціяхъ не прекращались.

И дни шли принося мало новаго.

Попрежнему выходили въ море отряды нашихъ судовъ, стрѣляли по японскимъ батареямъ; караванъ тралилъ рейдъ, непріятель нападалъ на него и ночью снова забрасывалъ рейдъ минами, сводя къ нулю всю дневную работу каравана.

Въ концѣ мѣсяца во время траленія миноносецъ «Безшумный» напоролся на мину и, повредивъ себѣ корму, на долгое время былъ выведенъ изъ строя.

Извнѣ доходило мало извѣстій.

Два раза въ Инкоу прорывался черезъ блокаду миноносецъ «Лейтенантъ Бураковъ», да изрѣдка китайцы пробирались въ Артуръ на джонкахъ, привозя мясо и кучу невѣроятныхъ слуховъ.

Наши миноносцы въ теченіе этого времени неоднократно выходили ставить мины загражденія въ различныхъ бухтахъ или на обычныхъ путяхъ слѣдованія японскихъ судовъ.

3-го Іюня въ ночь ходилъ на развѣдку миноносецъ «Расторопный». У острова Айронъ онъ замѣтилъ огонекъ и подошелъ къ нему. Уже свѣтало. Оказалось, что это былъ пароходъ подъ англійскимъ флагомъ. На сигналъ «остановиться» англичанинъ, вмѣсто отвѣта, полнымъ ходомъ сталъ уходить въ море; съ трудомъ «Расторопному» удалось нагнать его. Такъ какъ пароходъ не останавливался, то было сдѣлано 5 выстрѣловъ изъ орудія миноносца. Тогда пароходъ, вдругъ, рѣзко повернулъ съ явнымъ намѣреніемъ таранить «Расторопнаго»; миноносецъ едва увернувшись, выпустилъ мину, которая взорвалась подъ кормой парохода. Съ миноносца видѣли, что капитанъ судна кинулъ за бортъ какой то ящикъ.

Минутъ черезъ 15 пароходъ пошелъ ко дну.

При спасаніи людей оказалось, что во время взрыва погибли китаянка съ ребенкомъ.

Снято 60 человѣкъ, въ томъ числѣ 7 англичанъ и 1 еврей, остальные—китайцы.

12 человѣкъ было ранено при взрывѣ; «Гипсангъ» (таково было названіе парохода), судя по предъявленнымъ капитаномъ документамъ, шелъ съ грузомъ бобовъ изъ Инкоу въ Чифу; на самомъ же дѣлѣ почти не подлежитъ сомнѣнію, что злополучный «Гипсангъ» имѣлъ отношеніе къ японцамъ и врядъ-ли везъ только бобы.

Послѣдующіе дни насъ волновали смутные слухи; съ одной стороны увѣряли, что будто наши арміи на сѣверѣ дѣйствуютъ побѣдоносно, что отрядъ генерала Мищенко уже заперъ японскую осадную армію на Ліаодунскомъ полуостровѣ и бомбардируетъ гору Сам-

сонъ (сѣвернѣе Дальняго), что нашъ крейсерскій отрядъ изъ Владивостока потопилъ цѣлый рядъ японскихъ транспортовъ съ войсками; съ другой стороны, что тѣ-же крейсеры заперты японскимъ флотомъ во Владивостокѣ.

По городу ходилъ разсказъ, что въ Дальній пріѣхалъ «большой» японскій генералъ и много ругалъ «маленькихъ» за то, что плохо воюютъ, что этотъ важный генералъ поселился въ домѣ бывшаго градоначальника, что японцы отлично устроились въ Дальнемъ—докъ и портовыя учрежденія исправлены; играетъ музыка и много веселья...

И у насъ играла на «этажеркѣ» по воскресеньямъ музыка; однако, до веселья ли?...

Солнце стоитъ высоко. Жарко. Море какъ зеркало; катера дымятъ и медленно тащатъ затраленную мину, но вотъ, что то зацѣпило крѣпко—даютъ самый полный ходъ—тралъ чуть не лопается, но мина держитъ. Потомъ ихъ вдругъ оказывается рядомъ сразу три. И начинается охота.......

Трудно стрѣлять изъ катерной пушки по всплывшей минѣ; рѣдко удается попасть съ перваго же выстрѣла. На какой нибудь, иной разъ 30-ый, выстрѣлъ комендоръ попадаетъ и всѣ три мины взрываются разомъ съ оглушительнымъ раскатомъ; на катерахъ прячутъ головы—цѣлый дождь осколковъ минныхъ корпусовъ сыплется сверху.

Взрывать непріятельскую мину всегда доставляло большое удовольствіе; но случалось, что запутаешься такъ, что и жизни не радъ.

Однажды, мнѣ случилось зацѣпить траломъ мину нашего сапернаго загражденія; очищая тралъ, всѣ въ него вцѣпились, навалились и тащатъ. Съ великимъ трудомъ оторвали мину съ якоремъ и подтащили къ самой кормѣ. Мы со старшиной нагнулись, посмотрѣли за корму въ воду и ахнули: катеръ чуть не стукался о настоящую японскую мину, минрепъ *) которой хитрымъ узломъ сплелся съ нашей саперной миной. Со всей осторожностью мы опустили нашу страшную находку въ море. Подошли саперы на своихъ катерахъ и помогли намъ расправиться съ минами.

Это была незамѣтная, но трудная и опасная работа: неоднократно взрывались и тонули грязнухи, гибли наши миноносцы, разъ даже взорвался простой гребной катеръ съ саперами.

Ночи были не лучше; когда истощался у японцевъ запасъ минъ или по другимъ причинамъ заградители ихъ не могли быть на нашемъ рейдѣ, они ставили на простую джонку вмѣсто мачты два бревна, издали и ночью сходившія за трубы и пускали ее болтаться подъ наши батареи по волѣ волнъ; поднималась адская канонада и зря пропадали драгоцѣнные для насъ снаряды.

Не скоро научились наши сигнальщики и комендоры не попадаться на эту удочку.

9-го Іюля, въ ночь, такимъ образомъ нашъ сторожевой крейсеръ выпустилъ 384 снаряда по джонкѣ, которая носилась по вѣтру, пока ее не прибило къ

*) Стальной канатикъ, соединяющій мину съ якоремъ.

берегу; парусъ былъ изрѣшетенъ, тогда, какъ въ корпусъ попало лишь 6 снарядовъ: тамъ не оказалось и слѣдовъ людей и лишь куча старыхъ изорванныхъ писемъ.

Это было досадно.

11-го Іюля передъ разсвѣтомъ, въ туманѣ, въ бухтѣ «Тахэ» находились сторожевые миноносцы: «Боевой», «Лейтенантъ Бураковъ» и «Грозовой».

Довольно значительный отрядъ японскихъ миноносцевъ аттаковалъ нашихъ, которые съ своей стороны отвѣтили смѣлой контръ-аттакой; завязался смертный бой. Воспользовавшись туманомъ, нѣсколько малыхъ японскихъ миноносцевъ зашло отъ берега въ тылъ нашимъ и, подойдя незамѣченными, выпустили въ нихъ около 14 минъ.

Двѣ мины попали въ цѣль: «Боевой» былъ жестоко подорванъ; въ носовой части его образовалась огромная пробоина, такая, что лишь изумительной прочности постройки можно приписать, что онъ не пошелъ ко дну.

«Лейтенантъ Бураковъ» пострадалъ еще сильнѣе— мина ударилась въ самую середину и миноносецъ, почти разломавшись пополамъ едва былъ дотащенъ на буксирѣ «Грозовымъ» до мелкаго мѣста близь берега, гдѣ онъ тотчасъ затонулъ. При взрывѣ погибло 8 человѣкъ.

Самъ поврежденный, «Грозовой» подъ одной только машиной на буксирѣ притащилъ «Боевого» въ гавань, гдѣ онъ такъ и не могъ уже поправиться и медленно умиралъ, пока не былъ окончательно взорванъ при паденіи Артура.

Бой миноносцевъ,

Съ этого дня точно разразилась грозовая туча; событія, грозныя и полныя серьезныхъ послѣдствій, быстро слѣдовали другъ за другомъ.

Эскадренный миноносецъ „Боевой“.
Пробоина отъ мины японскаго миноносца въ отдѣленіи носовой кочегарки, полученная миноносцемъ въ бухтѣ Тахэ въ ночь на 11 іюля.

Слухи о помощи съ сѣвера растаяли.

Непріятельскіе корабли снова тѣснымъ кольцомъ сторожили съ моря.

Со дня на день ждали рѣшительнаго штурма передовыхъ позицій.

Эскадра готовилась къ выходу; исправленіе «Севастополя» ожидалось въ двухнедѣльный срокъ.

13-го началось наступленіе японцевъ по всему фронту.

Въ море вышли: «Ретвизанъ», «Баянъ», «Аскольдъ». «Діана», «Паллада», «Новикъ», «Гремящій», «Отважный», «Гилякъ» и миноносцы и принялись сильнымъ огнемъ обстрѣливать непріятельскій берегъ.

Въ Артуръ доносилась сильнѣйшая канонада и съ суши и съ моря.

Днемъ бой кипѣлъ во всю.

Съ моря немедленно явился значительный отрядъ японскихъ судовъ и силился своимъ огнемъ отвлечь наши суда отъ берега; при этомъ крейсеръ «Чіода» наскочилъ на нашу мину загражденія и взорвался.

Стрѣльба по берегу и по судамъ была очень удачна: «Баянъ» мѣткимъ огнемъ произвелъ на крейсерѣ «Итсукушима» большой пожаръ.

Ночь на 14-ое я провелъ на минномъ катерѣ между бухтой Тахэ и Лунвантаномъ въ сторожевой цѣпи.

Веселенькая была ночь!

Мы стояли недалеко отъ берега.

Бой на позиціяхъ продолжался. Съ моря было видно, какъ надъ горами съ воемъ рвались въ воздухѣ шрапнели, ярко разсыпаясь огненными брызгами, изъ Лунвантанской долины доносилась ружейная трескотня, татакали пулеметы.

Съ утра 14-го бой сдѣлался еще ожесточеннѣй— отбитые въ теченіе ночи штурмы возобновились.

Въ море вышли теперь «Ретвизанъ», «Паллада», «Баянъ», канонерскія лодки и миноносцы и снова начали сильную стрѣльбу по берегу, одновременно начался бой съ японскими судами, въ числѣ которыхъ были наши злѣйшіе враги, пользовавшіеся всеобщей ненавистью, «Ниссинъ» и «Кассуга».

Дѣло шло вначалѣ удачно: «Ретвизанъ» разнесъ вдребезги какое то укрѣпленьице на вершинѣ горы «Юпилаза».

И вдругъ счастье стало измѣнять намъ: «Баянъ», подъ вечеръ, возвращаясь въ гавань, напоролся на мину, она взорвалась и раскроила ему скулу; пришлось «Баяну» идти въ докъ на починку.

Онъ не зналъ, что этотъ бой былъ для него послѣднимъ.

Вечеромъ съ передовыхъ позицій стали приходить тревожныя извѣстія.

Непрерывно поѣзда привозили раненыхъ, съ судовъ требовались врачи, санитары, носилки; адмиралъ сдѣлалъ сигналъ: «Эскадра предупреждается, что ночью можетъ быть вызванъ десантъ».

Всю ночь мы были на ногахъ; барказы у борта, люди вооружены и ждутъ только приказанія, чтобы съѣхать на берегъ.

Темное небо отъ выстрѣловъ точно охвачено заревомъ пожара; гулъ канонады не смолкаетъ.

Въ 8 часовъ утра 15-го вызвали десантъ.

Бросились въ барказы; подошли къ берегу, собрались—готовые въ бой.

Крейсеръ I ранга „Баянъ“ (въ докѣ).
Пробоина праваго борта полученная 14 іюля 1904 года отъ японской мины загражденія.

И вскорѣ узнали печальную новость: въ 4 часа утра, подъ давленіемъ несмѣтнаго войска, изнуренные тяжелыми потерями, русскіе очистили «Зеленыя» горы и отошли на «Волчьи»—послѣдняя позиція передъ крѣпостью; японцы шли по пятамъ.

Между тѣмъ, возлагая большія надежды на настоящій штурмъ, непріятель, быть можетъ, расчитывалъ однимъ ударомъ покончить съ Артуромъ.

И точно полюбоваться на это рѣдкое зрѣлище, собрался весь японскій флотъ въ полномъ составѣ. Онъ сплошной линіей кораблей полукольцомъ стоялъ передъ крѣпостью.

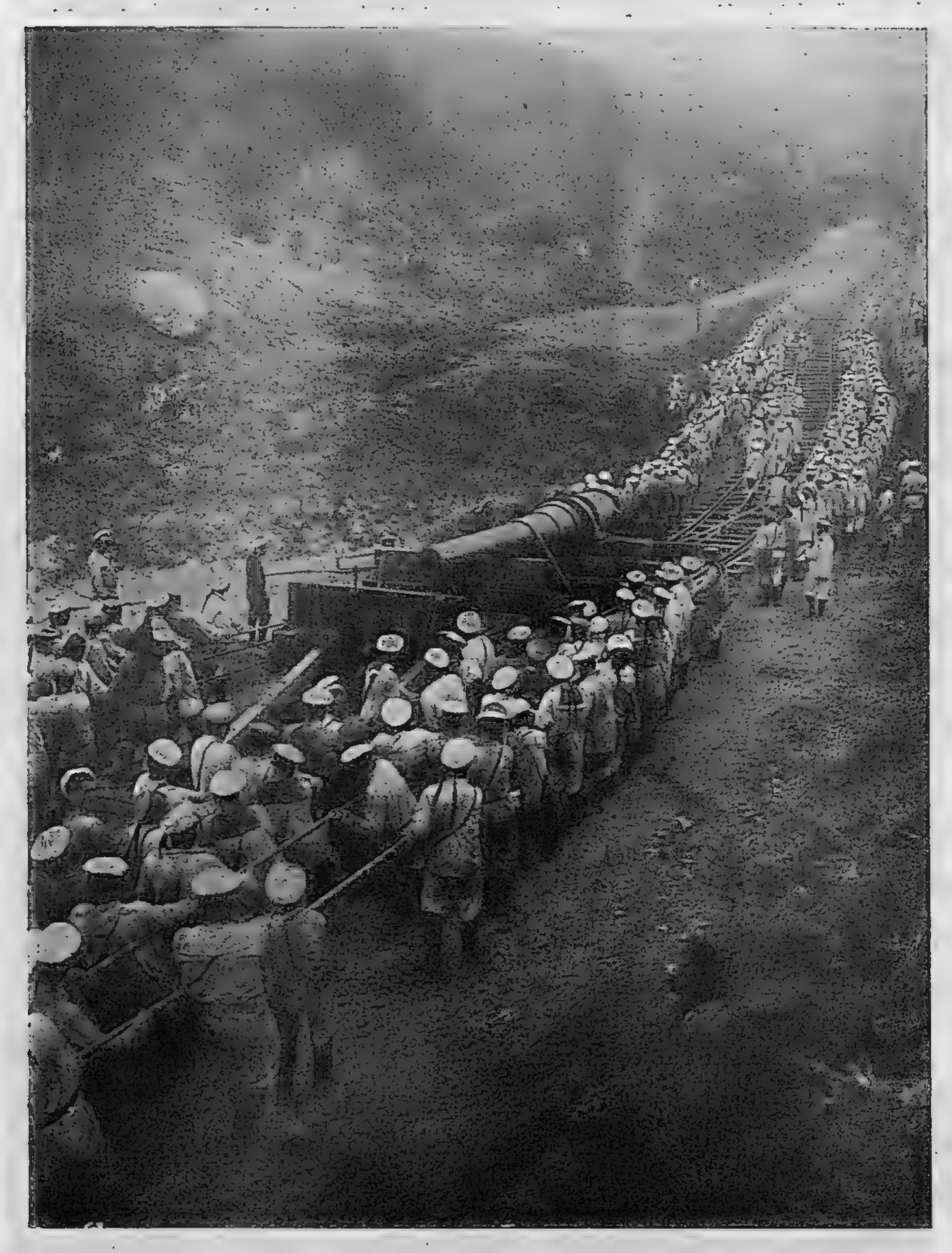
Разсказываютъ, что частные люди—иностранцы, въ увѣренности, что крѣпость не устоитъ противъ бѣшеннаго натиска, расположились на вершинахъ скалъ въ тылу японской арміи, откуда наблюдали за ходомъ сраженія.

Въ виду такихъ обстоятельствъ наши броненосцы приготовились къ бою на якорѣ и расположились на внутреннемъ рейдѣ такъ, чтобы удобно было обстрѣливать перекиднымъ огнемъ 12-ти дюймовыхъ орудій осадную армію.

Весь день бой ни на минуту не прекращался; японцы шли на «Волчьи» горы; съ нашихъ судовъ было видно черезъ долину рѣки «Лун-хе» вспышки выстрѣловъ на батареяхъ, клубы дыма разрывавшихся снарядовъ.

Нужно было напряженіе всѣхъ силъ; десантныя роты послали на спѣшную установку «Дяди Саши», огромной китайской пушки; вся эта масса людей по крутымъ горамъ, въ одинъ день втащила тяжелое

орудіе лямками на одну изъ мортирныхъ батарей праваго фланга. Между этой батареей и японцами оста-

Доставка моряками орудій съ судовъ на батареи.

валась лишь одна позиція—горы «Дагушань» и «Сіаогушань».

Почти неукрѣпленныя «Волчьи» горы не могли долго устоять противъ страшнаго натиска и уже 17-го

Доставка по рельсовому пути морскими командами орудій и станковъ съ судовъ на баттареи.

всѣ наши силы стянулись къ Артуру и расположились въ окопахъ первой линіи укрѣпленій.

Японцы остановились на «Волчьихъ» горахъ.

Между врагами оставалась широкая долина, тянувшаяся сѣвернѣе Артура отъ моря и до моря.

Въ этотъ день «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Побѣда» и «Полтава» принялись за перекидную стрѣльбу; съ тяжелымъ воемъ полетѣли двадцати-пудовыя бомбы черезъ горы и долину къ «Волчьимъ» горамъ.

Японцы продолжали наступленіе на фланги.

Весь день 18-го гремѣла жестокая канонада у горы «Дагушань».

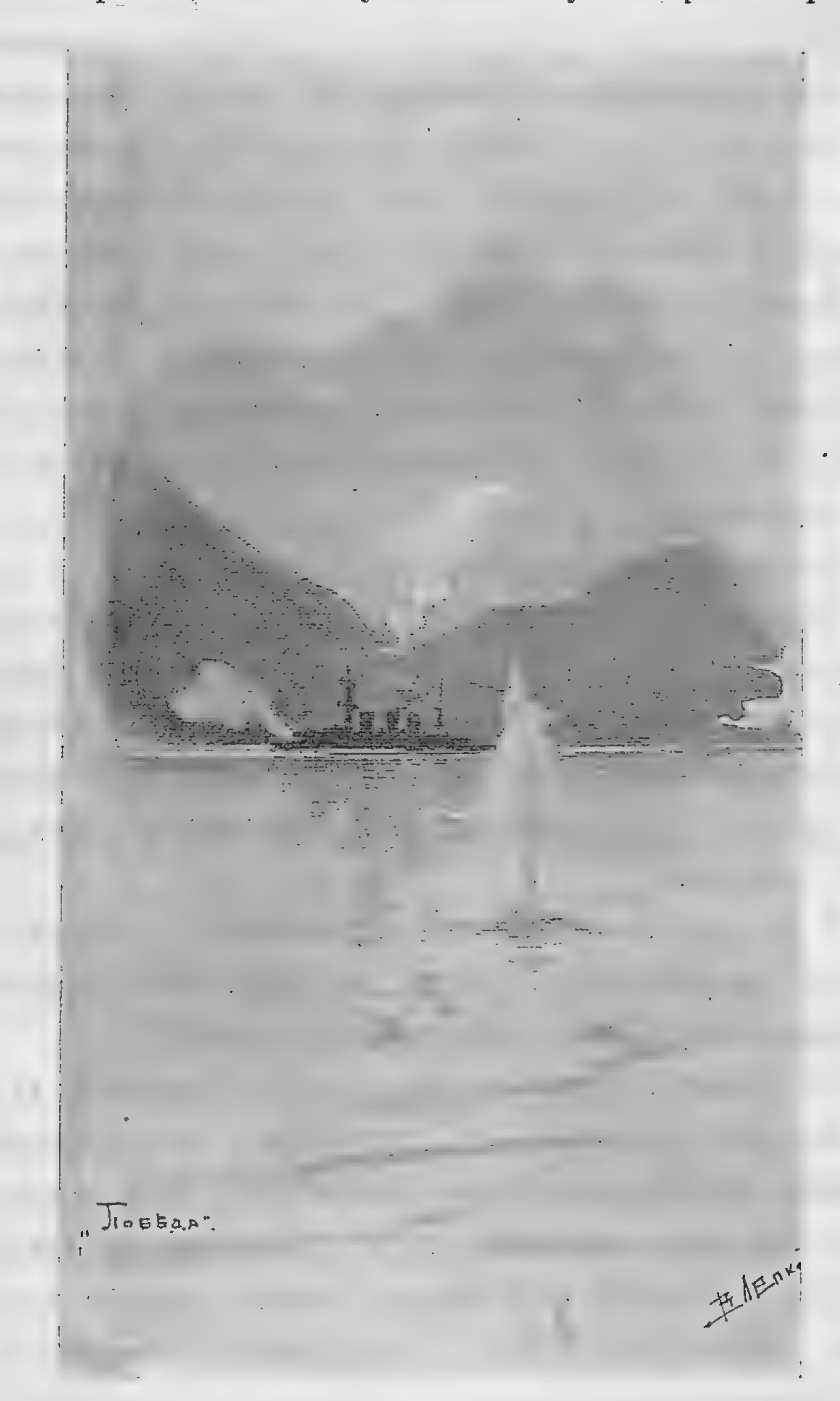
Настроеніе въ городѣ у немногочисленныхъ жителей испортилось; газета «Новый край», исправно выходившая въ теченіе всей осады, въ восторженныхъ статьяхъ призывала къ бодрости, встрѣтить врага грудью.

Ни днемъ, ни ночью не прекращался громъ орудій. Наши броненосцы посылали снарядъ за снарядомъ; японцы готовились къ новому штурму и обстрѣливали наши позиціи. Ихъ было больше 50 тысячъ человѣкъ.

Для устрашенія они подбросили намъ бумагу, въ которой писали о безполезности сопротивленія и добавляли, что «...за солдатъ не ручаемся — когда мы возьмемъ васъ; они озвѣрѣли! Сдавайтесь!.. а женщинъ и мирныхъ жителей мы пропустимъ. Горе тѣмъ, кто еще подниметъ оружіе...».

Обитатели стараго Китайскаго города бросились на послѣднихъ оставшихся джонкахъ прочь отъ этого ада; но

японцы встрѣтили ихъ въ морѣ не ласково—часть отослали обратно, а часть пустили ко дну безъ разговоровъ.

Броненосецъ „Побѣда“, стрѣляющій перекиднымъ огнемъ.

*

Послѣ 21-го стрѣльба стала рѣже—затишье передъ грозой.

23-го произошла безпримѣрно доблестная постановка миннаго загражденія нашими миноносцами подъ огнемъ японскихъ судовъ. Вообще, дѣятельность судовъ, такъ называемой «Подвижной обороны», — канонерскихъ лодокъ и миноносцевъ, была выше всякой похвалы.

Я переношусь мыслью въ это прошлое: цѣлый рой воспоминаній—трудно въ нихъ разобраться и послѣдовательно изложить; въ памяти мелькаетъ рядъ картинъ, отдѣльные эпизоды, несвязанные непосредственно другъ съ другомъ.

Вспоминаю гору «Сиротку».

Это названіе подходитъ къ ней, какъ нельзя больше. «Сиротка»—небольшая горушка выдававшаяся далеко впереди нашихъ позицій; она служила наблюдательнымъ постомъ и была занята всего нѣсколькими охотниками при офицерѣ. Японскіе окопы находились отъ нея въ 2000 шагахъ.

Я съ однимъ пріятелемъ пробирался къ «Сироткѣ» черезъ такую густую чащу гаоляна, что экипажъ, запряженный парой, весь утопалъ въ немъ.

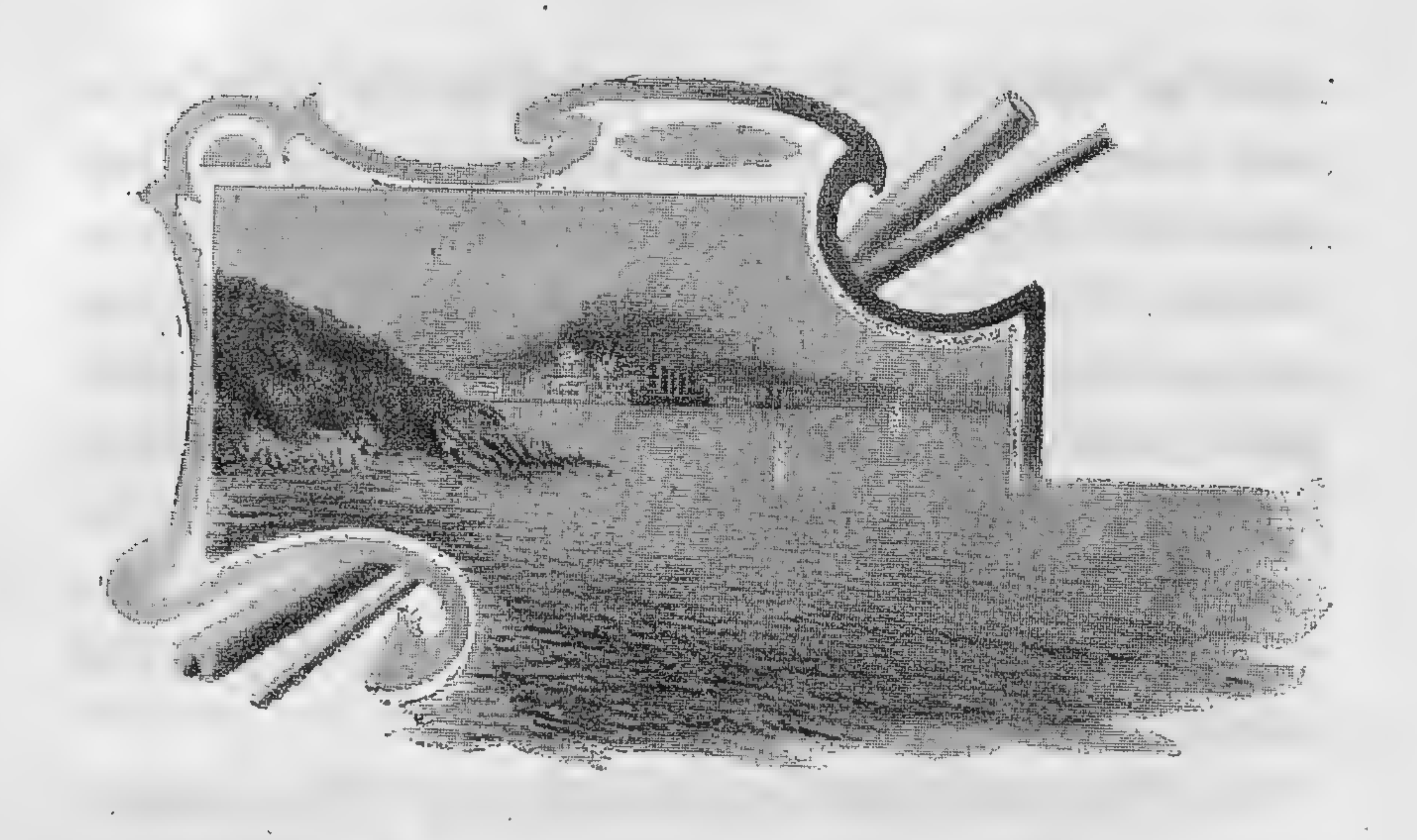
Укрывшись, лежа за пригорками на вершинѣ «Сиротки», мы съ интересомъ осматривали непріятельскія позиціи—въ бинокль можно было видѣть, какъ на высотахъ занятыхъ японцами то и дѣло изъ за какого нибудь прикрытія поднималась чьи-то головы; внизу подъ «Сироткой» стояла заброшенная «импань» *);

*) Хуторокъ съ каменной оградой.

тамъ, на крышѣ фанзы за трубой засѣлъ нашъ стрѣлокъ-охотникъ и зорко всматривался въ гаолянъ, раздѣлявшій «Сиротку» отъ японскихъ наблюдательныхъ постовъ. Глянули въ даль: за «Волчьими» горами тянется отлогій берегъ бухты «Луиза», тамъ копошились какіе то черныя точки; въ бинокль можно было разобрать совершенно отчетливо, что тамъ происходило кавалерійское ученіе—эскадрона два японскихъ драгуновъ скакали въ примѣрныя атаки и дѣлали всевозможныя построенія.

Съ «Сиротки» мы поднялись на гору «Пулуншанъ», входившую въ первую линію передовыхъ позицій, эта гора господствовала надъ маленькой «Сироткой». Здѣсь уже были войска; солдаты и матросы, ютились въ землянкахъ и уже нюхали пороха. Привелось и намъ его, впервые на сушѣ, понюхать, такъ какъ, когда мы спускались въ гаолянъ съ «Сиротки», прямо надъ нею звонко лопнула шрапнель и разсыпалась градомъ пуль.

Первая бомбардировка съ суши.

На «Волчьихъ» горахъ, казалось, все было мертво; однако, скрытые въ складкахъ горъ, враги лихорадочно спѣшно возводили батареи.

25-го эти батареи дали знать о себѣ.

Этотъ день составилъ эпоху въ осадѣ Портъ-Артура.

Въ городѣ, въ отрядной церкви, шло молебствіе, послѣ котораго вышелъ крестный ходъ—и вотъ, около полудня, съ сѣвера донесся глухой выстрѣлъ—съ визгомъ прилетѣлъ первый снарядъ и съ грохотомъ разорвался гдѣ-то среди домовъ; съ судовъ было видно, какъ надъ мѣстомъ паденія выкинуло клубы сѣраго дыма.

Всѣ мы, на судахъ, высыпали наверхъ, глядѣть на новое зрѣлище — первую бомбардировку осадной артиллеріей.

Сигнальщики съ марсовъ наблюдали за паденіемъ снарядовъ и считали ихъ.

Одинъ разорвался въ магазинѣ Зазунова, слѣдующій попалъ въ чей-то частный домъ; было замѣтно, что снаряды ложатся все ближе и ближе къ рейду.

Дѣйствительно, скоро сдѣлали брешь въ каменномъ заборѣ подлѣ дома Командира порта, послѣ чего хва-

Одинъ изъ домовъ въ Портъ-Артурѣ пробитый 11-ти дюймовымъ снарядомъ во время бомбардировки съ суши.

тили въ самый домъ. Наконецъ, точно нащупавъ суда, стрѣльбу участили; одинъ снарядъ попалъ въ телефонную рубку «Цесаревича» — были ранены Адмиралъ Витгефтъ и флагъ-офицеръ, телефонисту оторвало снарядомъ ногу.

Затѣмъ сыпали по тому мѣсту, гдѣ только что стоялъ «Новикъ», послѣ чего медленно переносили огонь вправо, по направленію къ намъ; вотъ уже перекрестили «Аскольдъ». Пришло извѣстіе, что въ городѣ есть раненые, что среди жителей—паника.

Послѣ «Аскольда» японскіе снаряды стали рваться на «Тигровомъ хвосту»; къ намъ прилетѣло нѣсколько осколковъ.

Японцы такъ хорошо скрывали свои осадныя орудія, что до конца бомбардировки—до 6 часовъ вечера—ихъ такъ и не могли обнаружить.

Въ теченіи слѣдующей ночи на «Дагушань» было сдѣлано нѣсколько аттакъ; мы съ судна любовались на боевые ракеты; въ темнотѣ—это волшебное зрѣлище.

Ракета красной огненной звѣздой взлетаетъ за «Спиной Дракона», мягко лопается и разсыпается дождемъ ослѣпительно яркихъ крупныхъ звѣздъ, освѣщавшихъ мѣстность впереди батареи. На минуту дѣлается ясно, какъ днемъ.

Бомбардировки не было, но стрѣльба на позиціяхъ не ослабѣвала.

Вотъ, что записано въ моемъ дневникѣ:

Іюль.

26-го. *Въ 7 час. 45 мин. утра* бомбардировка возобновилась. Первые снаряды падаютъ въ тѣ же мѣста, гдѣ и вчера.

8 час.—Перебило телефонную проводку центральной станціи; въ домѣ Командира порта, на пристани ранено нѣсколько человѣкъ.

9 час. 15 мин. — Снарядъ разорвался въ угольномъ складѣ подъ «Золотой горой»; тамъ же загорѣлся Масляный городокъ.

Начался сильный пожаръ.

Пожаръ Масляннаго городка.
Бомбардировка рейда. По серединѣ—„Паллада“; справа „Побѣда“.

«Пересвѣтъ» и «Ретвизанъ» отвѣчаютъ на бомбардировку.

«Силачъ» пошелъ тушить пожаръ; вызваны съ судовъ пожарныя партіи; Масляный городокъ засыпаютъ снарядами.

Повидимому—наши броненосцы сбили одну изъ японскихъ батарей, такъ какъ адмиралъ благодарилъ сигналомъ «Пересвѣтъ» за отличную стрѣльбу.

1 часъ пополудни—снаряды рвутся въ Новомъ китайскомъ городѣ.

Съ судовъ видны разрывающіяся шрапнели надъ крѣпостными укрѣпленіями.

4 часа пополудни—снаряды летятъ черезъ насъ, ложатся около «Ангары» и миноносцевъ. Вотъ попалъ въ «Ангару» (ранено трое); другой въ «Безпощаднаго»—тамъ сильный взрывъ (снарядъ ударился въ резервуаръ сжатаго воздуха мины—ранено двое).

6 час. вечера—«Полтава» гремитъ двѣнадцати-дюймовыми черезъ городъ по правому флангу.

Въ «Цесаревичъ» попало 3 снаряда.

Приказано экстренно, въ теченіе одной ночи, допринять на суда боевые запасы, снять орудія съ «Баяна» (стоитъ въ докѣ) и поставить вмѣсто взятыхъ на батареи съ «Пересвѣта» и «Побѣды».

Въ ушахъ звенитъ отъ грома выстрѣловъ. На «Дагушанѣ» творится что то ужасное...».

Уже ночью мы узнали, что послѣ жесточайшаго штурма, въ которомъ легло много храбрыхъ, «Дагушань» взятъ японцами.

Возвращаюсь къ дневнику.

«27-го. *8 час. утра*.—Начинается бомбардировка......

Съ моря доносится гулъ орудій—лодки изъ бухты «Тахе» обстрѣливаютъ «Дагушань».

Сегодня, кажется, нашъ чередъ; снаряды летятъ, главнымъ образомъ, во Внутренній рейдъ.

Вполнѣ установлено, что бомбардируютъ 120-ти миллиметровыя пушки.

Стрѣльба—чаще, чѣмъ вчера.

Вотъ попали въ портовый катеръ «Ординарецъ»—у самаго борта «Ретвизана»; катеръ моментально пошелъ ко дну; другой катеръ, тоже у борта «Ретвизана», пробитъ осколками, началъ тонуть—его подхватили и подняли на кранѣ (есть раненые).

Послѣ полудня. Ударило въ самый «Ретвизанъ»—онъ получилъ подводную пробоину, хлебнулъ воды и замѣтно накренился. Другимъ выстрѣломъ у него снесло гафель съ флагомъ (одинъ убитъ, семеро ранено).

Сраженіе съ невидимымъ непріятелемъ!

Ужасный переполохъ со всѣхъ сторонъ.

На «Пересвѣтѣ» снарядъ пробилъ верхнюю палубу и разорвался въ чьей-то каютѣ; еще одинъ попалъ въ плавучій кранъ, ставившій въ это время орудіе на «Побѣду», которое не успѣли установить прошлой ночью.

2 часа.—Бомбардировка прекратилась. «Побѣда», «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Золотая гора» и батареи—гремятъ во всю.

4 часа 20 мин. Опять начинается; одинъ снарядъ разорвался рядомъ съ нашимъ бортомъ; осколки звонко обсыпали броненосецъ.

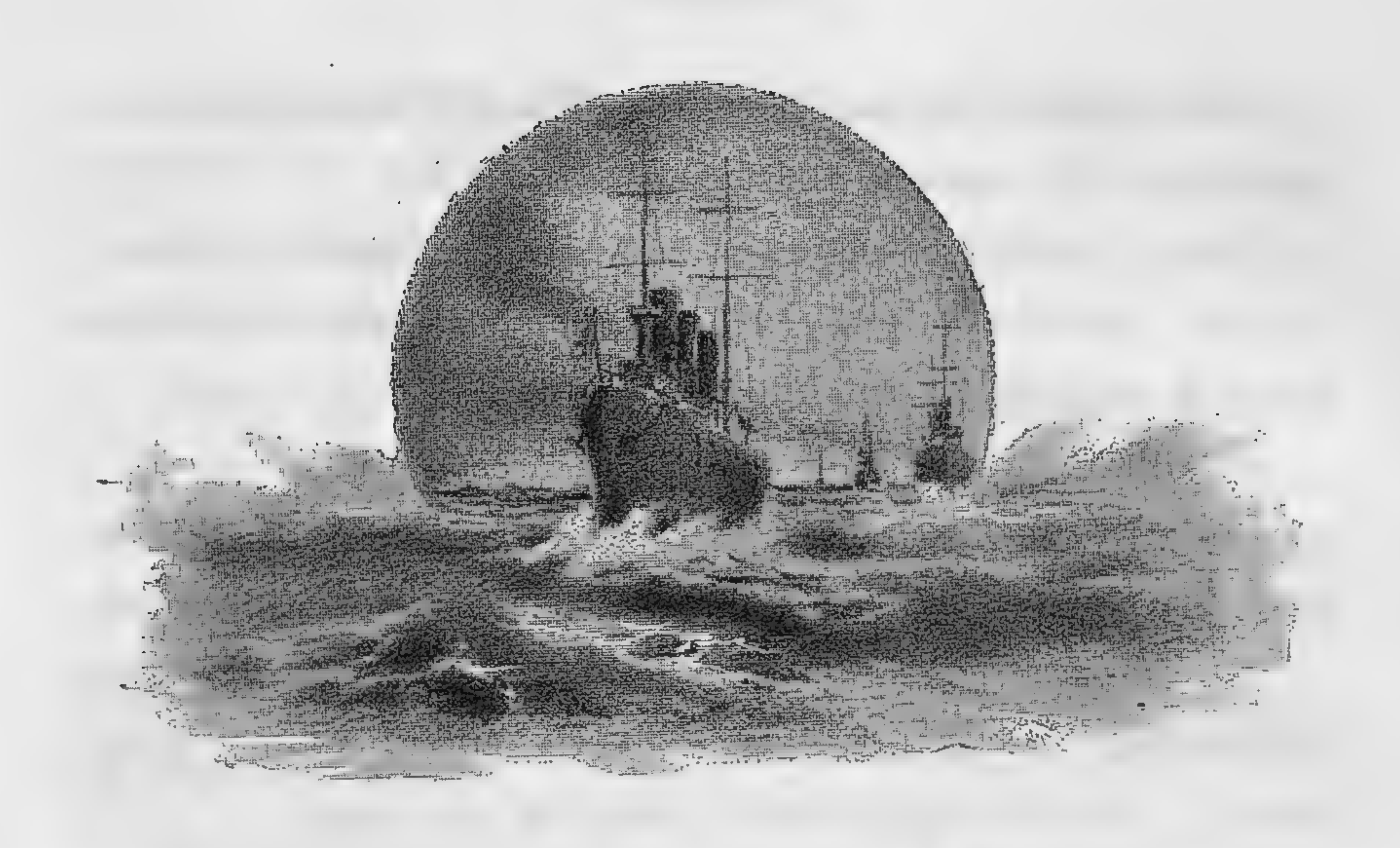
Грязнуха подъ флагомъ Краснаго креста собираетъ на корабляхъ убитыхъ и раненыхъ.

«*Вечеромъ.* Получено секретное приказаніе: снять со всѣхъ береговыхъ наблюдательныхъ постовъ офицеровъ эскадры».

На всѣхъ судахъ разводятъ пары.

Съ разсвѣтомъ выходимъ въ море—и грянетъ бой.......».

Бой 28-го Іюля у береговъ Шантунга.

Свѣтало.

Одинъ за другимъ тянулись на Внѣшній рейдъ русскіе корабли.

Настроеніе у всѣхъ приподнятое; всѣ выходятъ въ море въ радостномъ ожиданіи великаго боя; чувствовалось, что въ этотъ день судьба эскадры, можетъ быть, судьба Артура—будетъ рѣшена.

Въ 7-мъ часу утра на рейдѣ построился тралящій караванъ и медленно пошелъ на югъ, очищая путь отъ непріятельскихъ минъ.

Съ востока выглянули японскіе миноносцы, затѣмъ скрылись, точно убѣжали сказать своимъ, что подъ Артуромъ не все благополучно.

Около 8 час. всѣ корабли были на рейдѣ и, грозные и величественные, въ боевомъ порядкѣ шли къ неизвѣстному.

Не надолго показались на горизонтѣ непріятельскіе крейсеры III класса и истребители.

Около часа мы продолжали идти прежнимъ курсомъ; сердце трепетало отъ радостнаго волненія — эскадра дышала мощью и рѣшимостью.

Подняты стеньговые флаги.

На «Полтавѣ» гордо развѣвается огромный шелковый Андреевскій флагъ—даръ Полтавскаго дворянства.

На горизонтѣ началось какое то волненіе; стали появляться и уходить миноносцы, вышли снова крейсеры и, уже не скрываясь, слѣдили за нами.

Ровно въ 9 часовъ бойко и радостно забили на нашихъ судахъ боевую тревогу.

Черезъ минуту завертѣлись башни, задвигались пушки.

На «Цесаревичѣ» взвился сигналъ:

«Государь Императоръ приказалъ идти въ портъ Владивостокъ».

Эти слова сигнала были переданы командѣ, собравшейся на бакѣ, и оглушительное, отъ всей русской души,—«ура» понеслось въ отвѣтъ со всѣхъ кораблей.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра тралящій караванъ былъ отпущенъ.

Выходъ совершился благополучно; опасность взорваться на минахъ миновала.

Не задерживаемая больше, эскадра увеличила ходъ и перемѣнила курсъ на востокъ.

Я сидѣлъ на башнѣ и обмѣнивался своими впечатлѣніями съ комендорами.

Славные были ребята; свои пушки они обожали, холили ихъ и нѣжили.

Въ ожиданіи перваго выстрѣла они только съ нетерпѣніемъ потирали руки.

Вотъ что то ухнуло; какіе то крейсеры съ миноносцами сдѣлали въ нашу сторону нѣсколько выстрѣловъ, но видя, что снаряды не долетѣли, замолчали.

Тишина. Только журчитъ, бурлитъ вода подъ носомъ, идемъ полнымъ ходомъ, броненосецъ слегка дрожитъ.

Въ 11 часовъ прямо впереди 3 непріятельскихъ миноносца пересѣкли курсъ нашей эскадры. Справа насъ неотступно провожали 4 крейсера.

Черезъ пять минутъ два крейсера появились слѣва, а за ними вылѣзъ неуклюжій «Чиніенъ».

Но вотъ, наконецъ, дымки......

Одинъ за другимъ выходили къ намъ справа изъ за горизонта старые знакомые: «Миказа», «Асахи», «Шикишима», «Фуджи», «Ниссинъ», «Кассуга»; слѣва—только едва замѣтные дымки.

Наши крейсеры «Аскольдъ», «Діана», «Паллада», «Новикъ» и миноносцы отошли за строй эскадры; такимъ образомъ, противъ шести непріятельскихъ броненосныхъ кораблей идутъ шесть нашихъ броненосцевъ «Цесаревичъ», «Ретвизанъ», «Пересвѣтъ», «Побѣда», «Севастополь», «Полтава». Далеко позади бѣлѣетъ наше госпитальное судно «Монголія» съ краснымъ крестомъ на трубѣ.

Полдень.

Разстояніе уменьшается. Тихо. Всѣ пушки праваго борта глядятъ на японцевъ—комендоры не выпускаютъ непріятеля изъ прицѣла.

Проходитъ 15 минутъ.

Разстояніе уменьшалось почти до 80-ти кабельтовыхъ (14 верстъ).

«Цесаревичъ» рѣзко кладетъ руля, поворачивается носомъ прямо противъ японцевъ.

Изъ носового 12-ти дюймоваго орудія ярко вспыхнулъ огненный языкъ, бурое облако закрутилось вихремъ передъ дуломъ и тяжелый звукъ выстрѣла нарушилъ тишину.

Черезъ нѣсколько секундъ передъ «Миказой» выросъ столбомъ высокій всплескъ воды.

Разстояніе стало быстро уменьшаться.

Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ загудѣли двѣнадцатидюймовыя; вотъ замигали вспышки на борту японскихъ судовъ.

Съ отчаяннымъ стономъ пролетѣлъ надъ головою первый японскій снарядъ и раскатисто разорвался объ воду.

Скоро открыли огонь и шестидюймовыя.

Когда головные корабли подходили на одну линію загорѣлся настоящій бой.

Воздухъ дрожалъ отъ адскаго гула, непрерывной линіей мигали вспышки у японцевъ, тучи бомбъ пронизывали воздухъ.

Въ нашей тѣсной башнѣ кипѣла работа, одну за другой метали мы бомбы; едва успѣвали заряжать пушки.

Вода кипѣла у борта отъ непрерывныхъ разрывовъ японскихъ снарядовъ, башня вся обдавалась водой отъ высокихъ всплесковъ.

И страшно и весело было; лица разгорѣлись—каждый снарядъ провожали шутками, со смѣхомъ заряжали пушки... «Вотъ это работа!... будешь помнить!..» приговаривали комендоры, показывая японцамъ кулаки.

А эскадра идетъ все дальше. Вотъ, мы уже какъ разъ проходимъ мимо японцевъ.

«Тррр-ахъ!»—первый снарядъ угодилъ намъ въ носовую башню—слышно снизу о раненыхъ.

Бой кипитъ.

Вотъ надъ самымъ ухомъ невѣроятный грохотъ—вода льется въ горловину башни, осколки горохомъ разсыпались, звеня о трубы.

Шлюпбалка гребного катера крейсера I ранга „Паллада“, разбитая 6″ снарядомъ въ бою 28 іюля.

Я невольно выглянулъ изъ башни и увидѣлъ, что перебитая стрѣла качается на мачтѣ изъ стороны въ сторону... Въ ушахъ звонъ, въ воздухѣ свистъ и шипѣніе снарядовъ... А въ рупоръ только и слышно: «чаще стрѣлять! чаще стрѣлять!».

Уже третій часъ дня, а бой не стихаетъ.

Море засвѣжѣло.

Мы въ совершенно открытомъ мѣстѣ—ни клочка земли.

На «Севастополѣ» вдругъ выкинуло громадное облако дыма!...

Смотрю на японцевъ—они засыпаются нашими снарядами, но сами стрѣляютъ гораздо чаще насъ.

Вотъ еще двѣ двѣнадцатидюймовыя бомбы одновременно угодили въ насъ.

Дѣло становилось нешуточнымъ; уже дымовыя трубы порядочно изрѣшетены.

Разстояніе постепенно увеличивалось и стрѣльба затихала; въ 3 часа бой прекратился.

Я вылѣзъ на башню.

Мы идемъ прежнимъ курсомъ и полнымъ ходомъ.

Верхняя палуба была уже сильно исковеркана.

За бортъ спѣшно кидали отстрѣлянныя гильзы; изъ башенъ люди вышли подышать свѣжимъ воздухомъ;—отъ многочисленныхъ разрывовъ, вслѣдствіе большого количества ядовитыхъ газовъ шимозы, кружилась голова.

Справа, позади—японская эскадра послѣдовательно поворачивала съ явнымъ намѣреніемъ возобновить бой на догоняющемъ курсѣ.

*

Слѣва и сзади приближались остальныя суда японскаго флота.

Кажется, не менѣе часа прошло, пока японцы стали замѣтно нагонять насъ.

Теперь всѣ пушки глядѣли назадъ.

Внимательно смотримъ на стрѣлку указателя разстояній; оно все уменьшается.

Кто начнетъ первый?

Въ предшествовавшемъ бою одинъ изъ японскихъ снарядовъ разорвался подъ носовой шестидюймовой башней, заклинилъ ее такъ, что она уже не могла больше вращаться и пушки остановились, глядя нѣсколько назадъ. Японскіе корабли приходили на ея прицѣльную линію.

Разстояніе уменьшилось до 40 кабельтовыхъ (7 верстъ), но никто не начиналъ.

Суда ждали первой пушки адмирала.

Но командиръ заклиненной башни не выдержалъ— японцы пришли на прицѣлъ и скомандовалъ «пли!». Произошелъ выстрѣлъ и мы ясно видѣли, какъ этотъ первый снарядъ въѣхалъ въ «Миказу».

И—точно эта пушка была сигналомъ; вдругъ вспыхнули огоньки, прогремѣлъ залпъ и страшнымъ дождемъ посыпались на насъ тридцатипудовыя бомбы.

Началось что-то неописуемое.

Справа, слѣва и сзади стрѣляли въ насъ суда японскаго флота; мы разряжались обоими бортами...

Въ душу закрадывалось чувство ужаса.

Помню — на мгновеніе я высунулся и глянулъ назадъ: за дымомъ едва виднѣлся бѣлый корпусъ

«Монголіи»; тутъ что-то визгливо рѣзнуло у самаго уха—я кубаремъ скатился внизъ...хаосъ звуковъ...что то, точно плетью, ударило по башнѣ, чехолъ съ амбразуръ орудій сорвало и мелкіе осколки процарапали стѣнки внутри башни.

Разбитыя стрѣлы нелѣпо гремѣли и среди стона орудій слышался визгъ поросятъ; несчастные въ своей клѣткѣ на рострахъ подвергались величайшей опасности. Свинью уже ранило и выбросило за бортъ снарядомъ, ея птенцы мечутся въ ужасѣ.

Оглушительный взрывъ раздался подъ нами—броненосецъ вздрогнулъ всѣмъ корпусомъ, еще глухой ударъ и мы чувствуемъ, что корабль кренится на правый бортъ.

И точно ходъ замедлился.

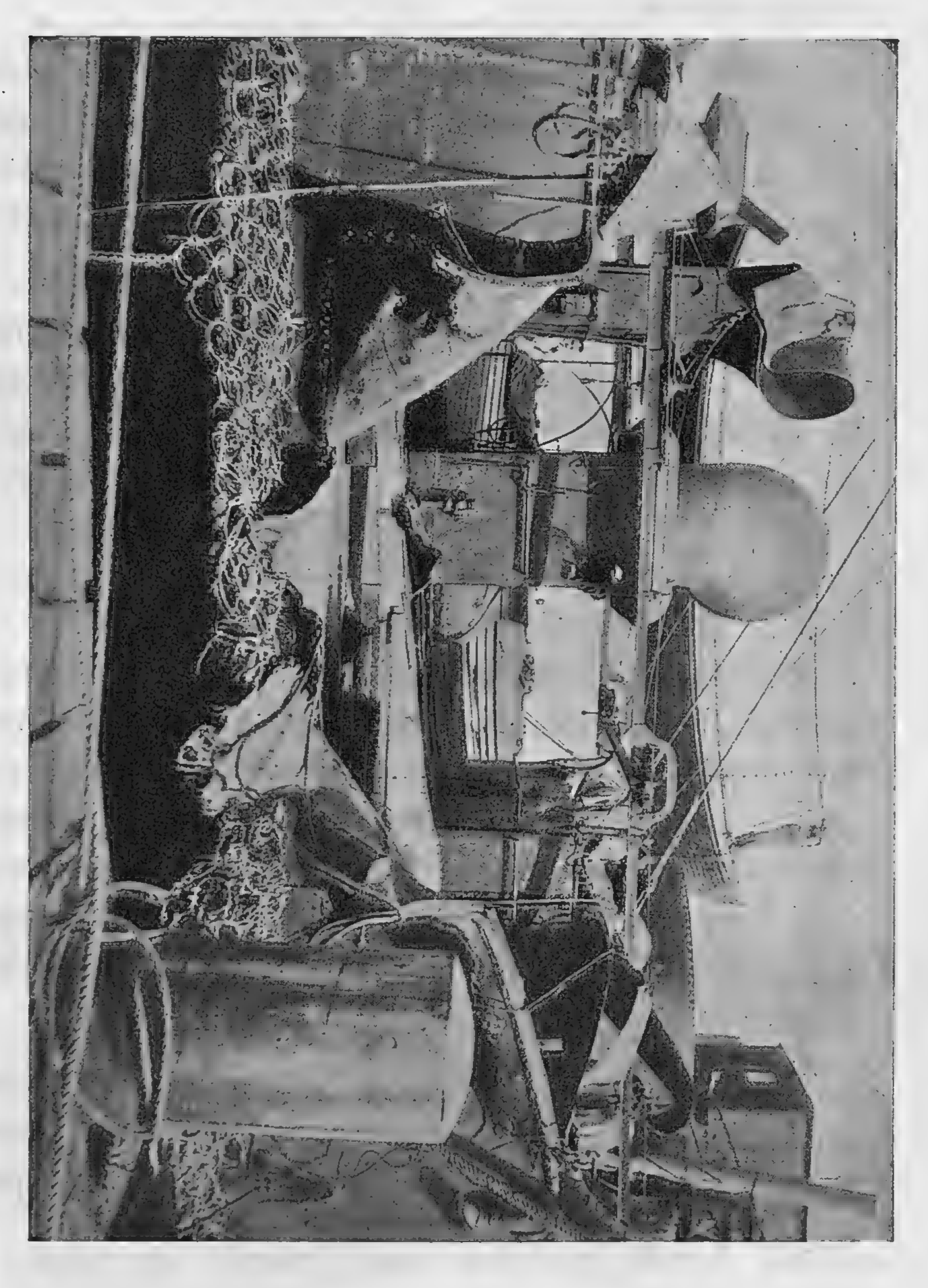
Я выглянулъ; мы сильно отстали.

Уже послѣ я узналъ, что осколки стекла лопнувшей надъ гребнымъ валомъ лѣвой машины электрической лампочки засорили подшипникъ. Онъ загорѣлся, нужна была вся незнающая устали энергія нашихъ машинистовъ, чтобы при такихъ обстоятельствахъ остановить машину и, доведя до наивысшаго напряженія работу другой, разобрать, очистить и собрать вновь загорѣвшійся подшипникъ.

Кочегары, думая, что корабль уже тонетъ, бросились наверхъ, крича: «...погибать, такъ погибать геройскою смертію!...будемъ сражаться вмѣстѣ со строевыми!...».

Старшій офицеръ встрѣтилъ ихъ въ жилой палубѣ:

—«Братцы! Вывозите родную «Полтаву», бѣгите въ кочегарку поднимать паръ!...».

Крейсеръ I ранга „Аскольдъ“.
Разбитый японскимъ снарядомъ въ бою 28 іюля правый бортъ (коечная сѣтка).

И кочегары вернулись, работали не жалѣя себя, подняли паръ и спасли свой корабль, который могъ бы, потерявъ ходъ, быть отрѣзаннымъ отъ остальной эскадры и погибнуть въ неравной борьбѣ.

Тѣмъ временемъ новый снарядъ бухнулъ въ палубу подъ нами; газы шимозы наполнили башню, въ глазахъ потемнѣло, трое упало, остальные—бѣлые, какъ смерть, едва стояли на ногахъ...Облили другъ друга водой изъ принесеннаго ведра и освѣжились.

Въ самый разгаръ боя въ лѣвой пушкѣ нашей башни заклинился некалиброванный снарядъ; въ этомъ критическомъ положенiи комендоры вели себя героями. Въ разгарѣ боя, повернувъ башню «по якорному», бросились изъ горловины на палубу и подъ страшнымъ огнемъ первой попавшейся въ руки шлюпочной мачтой вытолкали изъ пушки снарядъ, пробанили дуло, зарядили и, снова повернувъ башню, стрѣляли безъ устали.

А въ рупоръ все повторяли «чаще стрѣлять!».

Слѣдить за ходомъ боя изъ башни было уже невозможно.

Только и видно было среди огня и дыма идущую съ нами рядомъ японскую эскадру, непрерывно поблескивавшую вспышками. Время отъ времени я заглядывалъ въ горловину и видѣлъ, что передняя труба броненосца окуталась дымомъ—гдѣ то у насъ былъ пожаръ...

Чувство страха куда то исчезло, наступило странное состоянiе равнодушiя; бой кипѣлъ, время шло быстро.

Солнце катилось къ горизонту.

Мы замѣтили, что вокругъ насъ стало меньше ложиться японскихъ снарядовъ.

Я рѣшился выйти изъ башни совсѣмъ.

То, что я увидѣлъ, было совершенно необычайно.

Картина необычайная и потрясающая, оцѣнить значеніе которой тогда я не могъ.

Впереди насъ, носомъ влѣво шелъ «Цесаревичъ», неся сигналъ—«Адмиралъ передаетъ командованіе»,—за нимъ «Побѣда», вправо, подъ сильнымъ креномъ, со сбитыми мачтами «Пересвѣтъ» и «Севастополь»; «Аскольдъ» отдѣльно отъ другихъ, сѣвъ кормой, полнымъ ходомъ летѣлъ куда то въ бокъ, неистово стрѣляя по японскимъ миноносцамъ.

На «Пересвѣтѣ» за сбитыми мачтами былъ растянутъ по поручнямъ мостика сигналъ: «слѣдовать за мною».

Остальные корабли я не могъ разобрать въ этой кучѣ.

Мы были окружены. Шла перекрестная пальба.

И какъ разъ посрединѣ между нашимъ и японскимъ флотомъ находился одинъ «Ретвизанъ», принявъ на себя весь огонь японцевъ.

Это былъ славный подвигъ!

Минутами «Ретвизанъ» весь закрывался всплесками и дымомъ отъ разрывавшихся японскихъ снарядовъ.

Какъ сейчасъ помню это необыкновенное и страшное зрѣлище.

И какъ то сразу солнце скрылось за горизонтъ.

Ночь черным покровомъ укрыла враговъ; въ ярости они еще продолжали стрѣлять и минутъ 10 еще ослѣпительно вспыхивали въ темнотѣ и гудѣли выстрѣлы.

Пробоина отъ 6″ снаряда, полученная крейсеромъ „Аскольдъ“ въ бою 28 іюля.

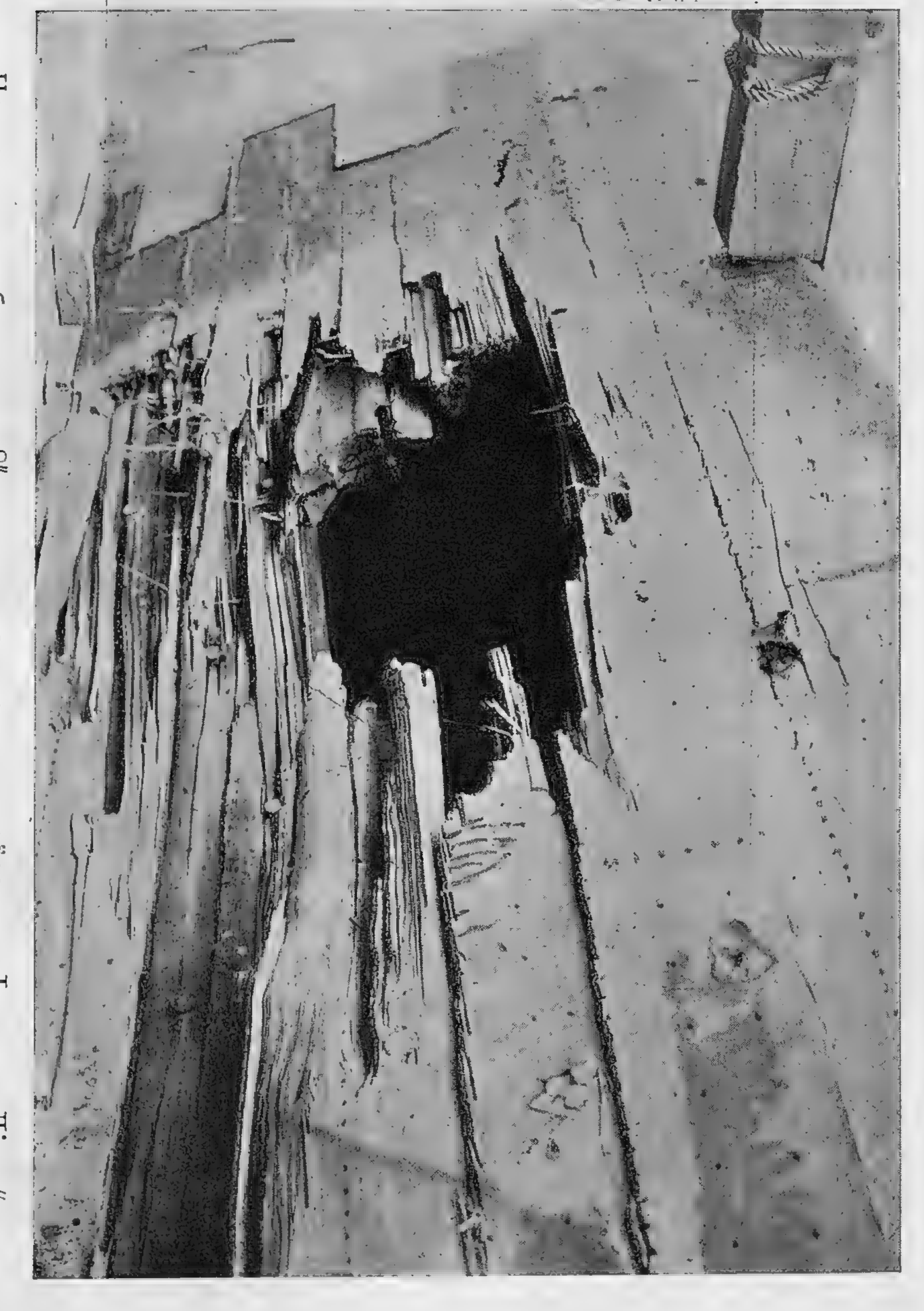
(„Аскольдъ“ въ докѣ въ Шанхаѣ).

Ночь наступила быстро.

Только черезъ нѣкоторое время, приглядѣвшись, можно было разобрать, что передъ нами были броне-

носцы «Пересвѣтъ» и «Побѣда», сзади шелъ миноносецъ «Властный»; остальные сгинули въ темнотѣ.

Компасы были сбиты во время боя; звѣзды указывали намъ путь.

Подводная пробоина отъ 8" снаряда полученная крейсеромъ I ранга „Діана", въ бою 28 іюля.

Мы съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга:

—«Кто-же побѣдилъ?».

А полярная звѣзда провожала насъ и такъ какъ мы видѣли ее слѣва, то были въ полной увѣренности, что продолжаемъ идти по назначенію. Каково же было разочарованіе, когда наша путеводная звѣзда стала мала по малу переходить на правый бортъ и мы убѣдились съ очевидностью, что намъ курсъ лежитъ къ Артуру, къ обреченной крѣпости...

Но некогда было и раздумывать.—

Черныя тѣни скользнули по борту.

—«Миноносцы!..».

Гулко ахнула 47-ми миллиметровая пушка съ мостика, загремѣли «Пересвѣтъ» и «Побѣда»—первая атака.

Мы смертельно устали.

Трудно было наблюдать за атакующими. Описать этого невозможно.

Въ теченіе всей ночи напролетъ мы отстрѣливались отъ назойливыхъ японцевъ.

Освѣщенія прожекторами не открывали, чтобы не показывать своего мѣста.

И только, завидя непріятеля, поворачивали къ нему кормой и шли извивающимся во всѣ стороны курсомъ, чѣмъ и вводили японцевъ въ заблужденіе.

Атакамъ потеряли счетъ.

Тутъ я узналъ о геройской смерти нашего младшаго штурмана мичмана Б. Р. Де-Ливронъ; онъ находился во время боя при дальномѣрѣ и до послѣдней минуты, пока не упалъ смертельно раненый въ голову, опредѣ-

лялъ разстояніе до непріятеля; трое другихъ офицеровъ и нѣсколько десятковъ матросовъ лежали внизу раненые.

Томительная ночь.

Чуть стихнетъ пальба — кто нибудь показываетъ рукой въ темноту и кричитъ:

— «..вотъ! вотъ! миноносецъ!..» и опять гремятъ пушки.

Разъ, вдоль самаго борта, страшно близко, вихремъ промчался японскій миноносецъ и разомъ разрядилъ всѣ свои минные аппараты; одна изъ минъ стукнулась въ нашъ бортъ подъ кормовой 6-ти дюймовой башней— и не разорвалось, хотя ударъ былъ такъ силенъ, что заставилъ старшаго механика выбѣжать наверхъ изъ машины и справиться въ чемъ дѣло.

Не знаю—долго ли шли мы такимъ образомъ отбиваясь отъ непріятельскихъ миноносцевъ; только наконецъ, справа по носу, изъ за горизонта, сначала смутно, потомъ яснѣе и яснѣе стали показываться лучи отдаленныхъ прожекторовъ.

Артуръ!

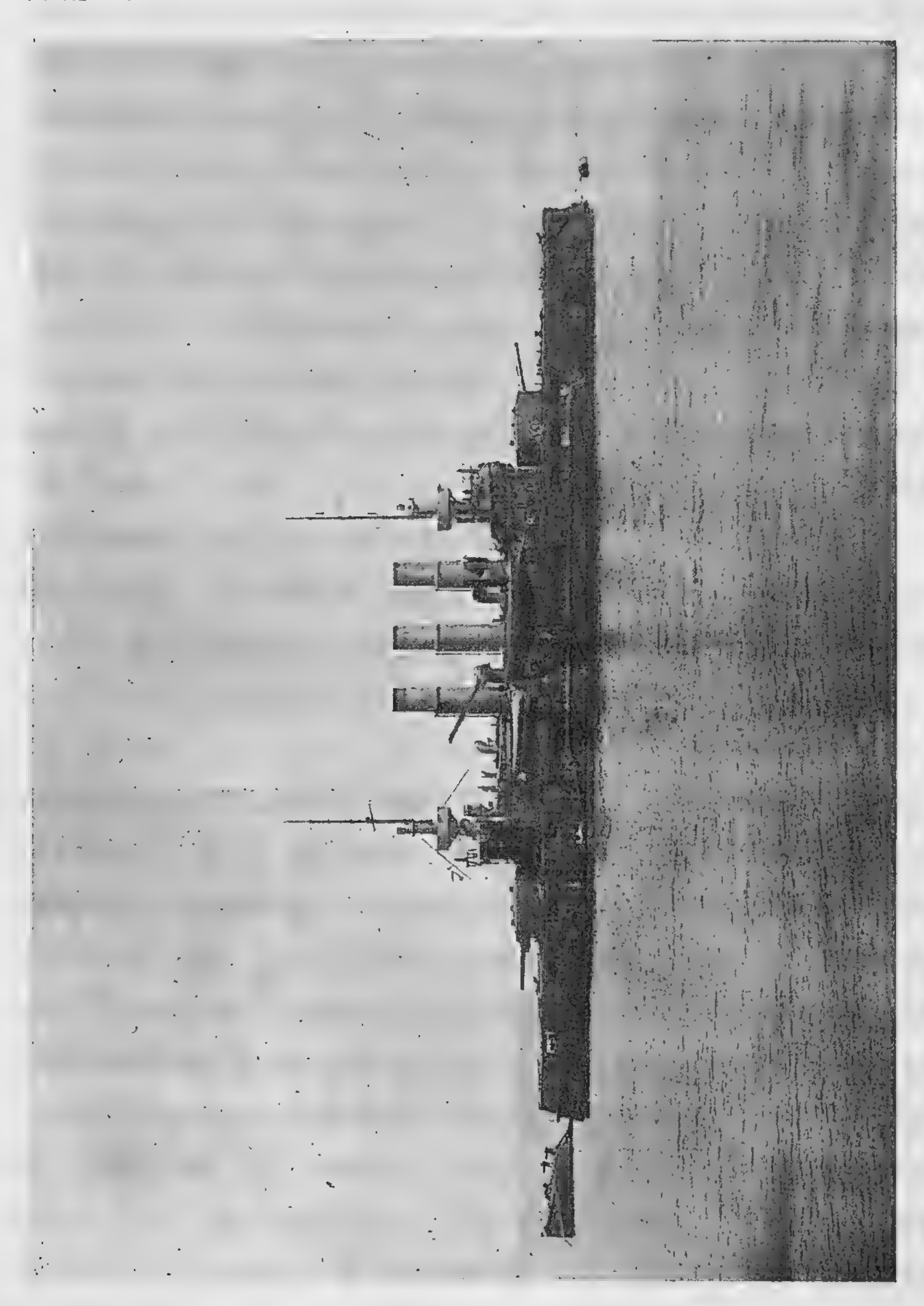
Почему мы шли въ Артуръ? Тогда это казалось совершенно непонятнымъ, но это были мимолетныя мысли...

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы разсвѣта!

Уже прокричалъ пѣтухъ, видно, не измѣняя своихъ привычекъ ни при какихъ обстоятельствахъ.

Мы были гдѣ то южнѣе и посреди между Артуромъ и Дальнимъ, когда непріятельскіе миноносцы бросились

въ послѣднюю яростную атаку, но подъ страшнымъ залпомъ уцѣлѣвшихъ пушекъ разбѣжались во всѣ стороны.

Броненосецъ „Ретвизанъ“ послѣ боя 28 іюля 1904 г.
(Видны пробоины борта и трубъ).

А когда солнце точно по волшебству сдунуло прочь мглу и выплыло изъ за горизонта, мы видѣли какъ

мчались отъ насъ японцы; на востокѣ смутно вырисовывались силуэты какихъ то крупныхъ непріятельскихъ кораблей.

И прежней дорогой мы возвращались на рейдъ уже безъ всякаго тралящаго каравана; Богъ берегъ насъ отъ опасности взлетѣть на воздухъ. Подъ Ляотешанскими высотами концевой корабль «Полтава» разрядилъ въ воду шестидюймовую пушку и звукъ выстрѣла жалобнымъ прощальнымъ эхо прокатился по горному ущелію, точно зналъ, что это—конецъ, что впереди—смерть...

На рейдѣ стояли на якорѣ вернувшіеся раньше насъ «Севастополь», «Паллада», «Ретвизанъ» и три миноносца.

Объ остальныхъ судахъ ничего не было извѣстно и эта неизвѣстность тяжелымъ камнемъ легла на сердце.

Стали на якорь.

Приспустили флаги.

На верхнюю палубу переносили убитыхъ и раненыхъ.

Я спустился внизъ, первый разъ въ теченіе сутокъ; вся жилая палуба была въ водѣ, удушливый запахъ крови и шимозы наполнялъ помѣщенія; въ темномъ углу, подбашеннаго отдѣленія лежало что то бѣлое, наклонился, чиркнулъ спичкой и невольно отскочилъ—передомной лежалъ блѣдный мертвецъ съ забинтованными руками; это былъ нашъ бѣдный Де-Ливронъ. За нимъ лежалъ рядъ труповъ; я не былъ въ состояніи оставаться дольше въ обществѣ мертвецовъ и выбѣжалъ наверхъ.

Печальный видъ имѣли наши суда.

Трубы и вентиляторы исковерканы и изрѣшетены, мачты частью снесены, по бортамъ и палубамъ зіяютъ громадныя пробоины, много пушекъ со сбитыми дулами—артиллерія ослаблена. Есть подводныя пробоины; словомъ, поврежденія были довольно серьезны.

Командованіе Артурской эскадрой принялъ контръ-адмиралъ князь Ухтомскій.

Когда всѣ убитые и раненые были свезены на берегъ, избитые корабли съ приспущенными флагами медленно, одинъ за другимъ втянулись въ гавань и стали во внутреннемъ рейдѣ.

Не смотря на усталость спать не хотѣлось, я съѣхалъ съ однимъ офицеромъ на Тигровый хвостъ, гдѣ, въ сараѣ лежали убитые.

Много ихъ было тамъ; въ простыхъ деревянныхъ гробахъ и грубыхъ холщевыхъ мѣшкахъ; сильный запахъ еще усиливалъ горестное впечатлѣніе.

Намъ надлежало въ послѣдній разъ озаботиться о своихъ товарищахъ.

Наконецъ, усталость дала себя чувствовать; мы забылись сномъ на балконѣ адмиральскаго помѣщенія.

А слѣдующій день прошелъ какъ то блѣдно; въ насъ стрѣляли, много снарядовъ разорвалось въ Новомъ городѣ. Съ моря тоже доносился гулъ чьей-то стрѣльбы.

Но вечеръ и ночь оставили по себѣ грустную память.

Въ баракѣ на Тигровомъ хвосту отпѣвали жертвъ боя 28-го Іюля.

Покойники начали разлагаться—запахъ былъ нестерпимый.

Послѣ отпѣванія гробы уложили на шлюпки. Часовъ въ 10 подошли къ пристани; тамъ ждало 8 дрогъ; помѣстивъ на нихъ 12 гробовъ, мы тронулись въ путь.

Это были какіе то зловѣщіе похороны.

Въ черномъ мракѣ, по отвратительнымъ дорогамъ долины «Лун-хе» тянулась наша печальная процессія; шли молча.

Рѣдкая стрѣльба нарушала тишину, гдѣ то впереди съ укрѣпленій свѣтили наши прожекторы.

Два раза переходили вбродъ рѣку.

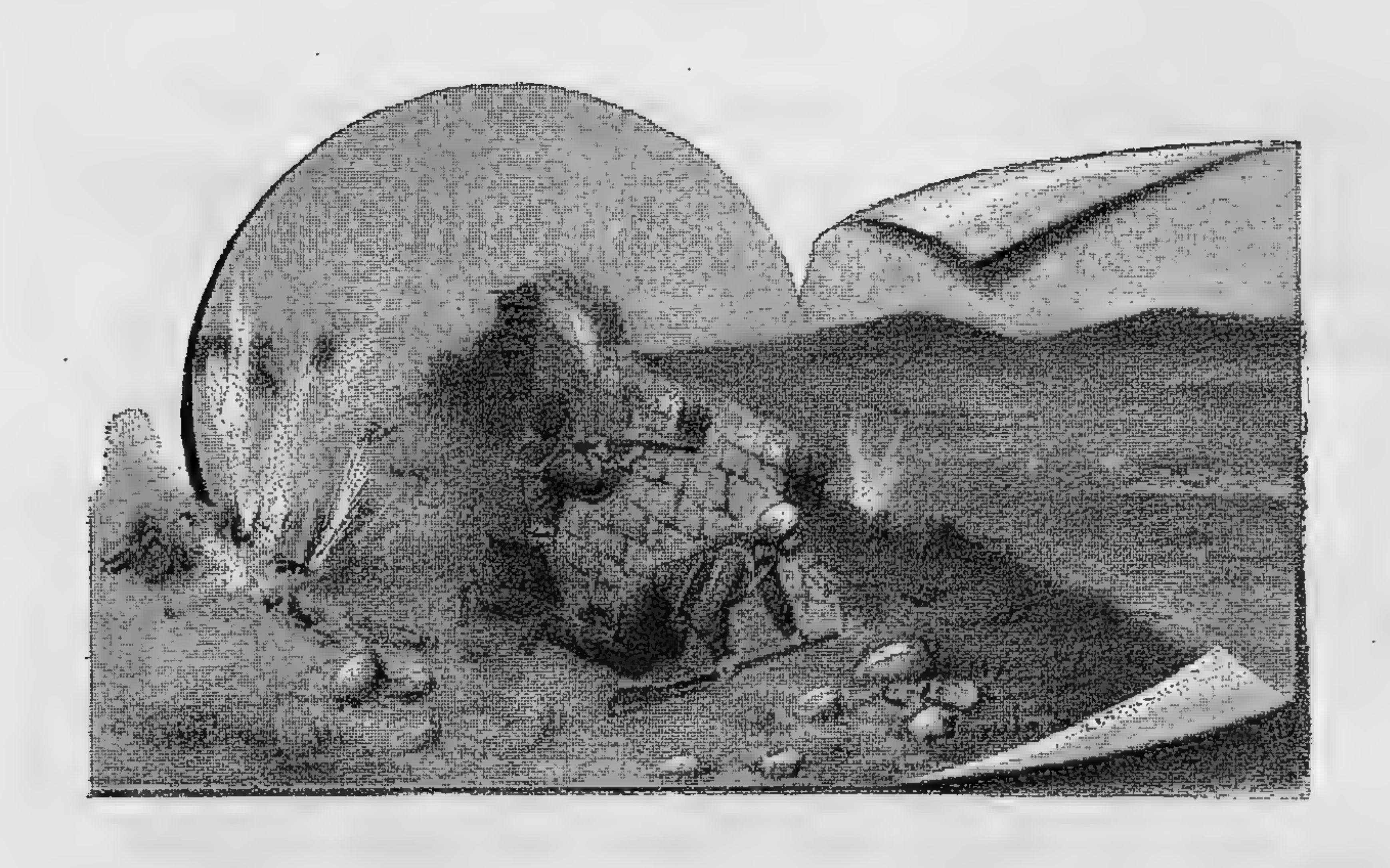
Было за полночь, когда дошли до кладбища; днемъ мы не могли бы совершить тамъ погребенія, такъ какъ вся мѣстность на виду непріятеля.

Быстро вырыли братскую могилу и уложили въ ней всѣхъ 11; мичмана Де-Ливрона зарыли отдѣльно.

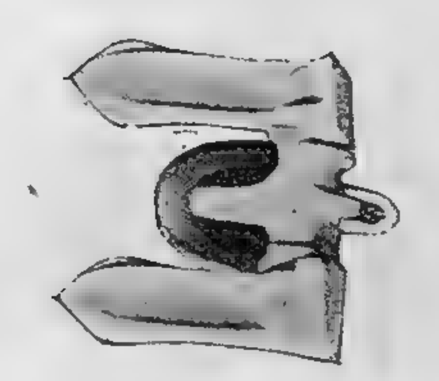
Поставили кресты и, подавленные ощущеніемъ грусти, сознаніемъ грядущихъ испытаній, побрели домой.

Дорогой встрѣтили печальныя процессіи убитыхъ съ «Пересвѣта» и «Паллады»; какъ привидѣнія прошли мимо насъ дроги съ кучей труповъ въ холщевыхъ мѣшкахъ.

Первые штурмы крѣпости.

Эскадреннымъ боемъ 28-го Іюля рѣшилась участь Артурской эскадры.

Долгое время мы были въ неизвѣстности относительно судьбы постигшей корабли не вернувшіеся въ Артуръ и только въ 10-хъ числахъ Августа узнали, что кромѣ «Новика», выдержавшаго жестокій бой съ японскими крейсерами и взорваннаго у Корсаковскаго поста на о-вѣ Сахалинѣ, всѣ, болѣе или менѣе поврежденные, разоружены въ иностранныхъ портахъ: «Цесаревичъ» въ Кяо-чао, «Діана» въ Сайгонѣ, «Аскольдъ», «Грозовой», «Безшумный» и «Бурный» *) въ Шанхаѣ, «Безпощадный» въ Вейхавеѣ.

---

*) 29-го Іюля миноносецъ «Бурный» разбился на камняхъ у Шантунга, а въ Шанхай не дошелъ. Туда была доставлена впослѣдствіи лишь команда съ него.

Крейсеръ I ранга „Аскольдъ“.

На другой же день послѣ боя дѣятельно взялись за исправленія судовъ.

И вотъ, не перерывая работъ ни днемъ, ни ночью, подъ огнемъ японскихъ батарей производилась задѣлка безчисленныхъ пробоинъ, починка разныхъ механизмовъ; гулкіе удары молота, звуки трещетокъ и электрическихъ сверлъ разносились по всему рейду; портъ всемѣрно торопился съ исправленіемъ «Баяна», стоявшаго въ докѣ.

Въ душѣ теплилась надежда: «..выйдемъ опять въ море... еще помѣряемся—кто кого?!..».

А съ сѣвера надвигался врагъ—мы были наканунѣ отчаяннаго натиска; это было очевидно уже потому, что китайцами распускался въ городѣ слухъ будто японцы отступаютъ отъ Артура и, въ виду успѣховъ нашихъ манчьжурскихъ армій, садятся въ Дальнемъ на пароходы и возвращаются въ Японію.

И дѣйствительно—канонада становилась все грознѣе.

Въ 6-мъ часу утра 1 Августа на лѣвомъ флангѣ началось что то рѣшительное; отъ насъ была слышна среди грома выстрѣловъ ружейная трескотня.

Днемъ стрѣльба еще усилилась — «Пересвѣтъ» и «Севастополь» весь день гремѣли двѣнадцатидюймовыми.

Поздно вечеромъ японцы густыми колоннами пошли на штурмъ—четыре раза бросались на «Пуланшанъ», но были съ жестокими потерями отброшены.

«Сиротка» была взята непріятелемъ.

Тяжело было на эскадрѣ — искалѣченныя палубы, разрушенныя каюты; всюду отодранъ линолеумъ, пропитанный кровью и шимозой, и нескончаемая пальба отъ насъ и въ насъ.

Вплоть до 4 Августа шелъ непріятель на укрѣпленія лѣваго фланга, иныя пали, срытыя артиллерійскимъ огнемъ, много людей легло съ обѣихъ сторонъ.

Японцамъ казалось, что русскіе испытали достаточно, чтобы пожелать покоя и 4-го утромъ передъ передовыми нашими постами явились непріятельскіе парламентеры; попутно прося о передышкѣ, дабы успѣть убрать убитыхъ (трупы ихъ заражали по жарѣ воздухъ), они передали генералу Стесселю предложеніе генерала Ноги «сдать крѣпость съ судами и съ оружіемъ въ рукахъ и распущенными знаменами быть пропущенымъ въ армію Куропаткина».

Хорошее было время: въ крѣпости хохотали надъ позорнымъ предложеніемъ.

Имъ отвѣтили, что мы считаемъ ниже своего достоинства толковать о такихъ вещахъ.

Обмѣнявшись этими любезностями, мы снова принялись за драку.

Я былъ лишь постороннимъ свидѣтелемъ и потому первые дни Августовскихъ штурмовъ оставили во мнѣ какое то неясное воспоминаніе чего то жестокаго, красиваго и непонятнаго.

Гдѣ то лопалась шрапнель, татакали пулеметы; ослѣпительный японскій прожекторъ съ «Волчьихъ» горъ обдавалъ широкимъ лучомъ долину «Лунхе», броненосцы кидали черезъ горы двѣнадцатидюймовыя бомбы, городскія зданія разсыпались во время бомбардировокъ.

Возвращаюсь къ своему дневнику:

Августъ.

«4-го. Были на бетонныхъ работахъ по исправленію «Дяди Саши» на 20-ой батареѣ.

Передъ нами, какъ на ладони, «Дагушань» и «Сяогушань»—японцы навѣрное строятъ

Устройство временныхъ батарей и установка морскихъ орудій.

тамъ батареи; въ бинокль видно, какъ гонятъ на эти горы вереницы осликовъ навьюченныхъ чѣмъ то. По всему фронту идетъ артиллерійскій бой.

Подъ вечеръ услышали хорошую вѣсть: японскій крейсеръ взорвался на нашей минѣ въ Лунвантанѣ....».

«5-го. ...бомбардировка помѣшала намъ произвести очередныя наблюденія для вычисленія поправки хронометра; отчасти отъ сотрясенія воздуха, отчасти отъ близкаго разрыва снарядовъ солнце въ трубѣ секстана плясало такъ, что наблюденія оказались отвратительными.

Досталось намъ сегодня: разбило снарядомъ 47-миллиметровую пушку, другимъ разорвавшимся на бакѣ ранило кондуктора Дементьева и пять матросовъ, третій пробилъ дымовую трубу и сбилъ со средней мачты прожекторъ—его зеркало грохнулось съ высоты на палубу, но какимъ то чудомъ уцѣлѣло.

Вѣсти съ сѣвера. Ихъ принесъ на какомъ то пароходикѣ отъ генерала Куропаткина казачій офицеръ. Онъ разсказалъ, будто миноносецъ «Рѣшительный» въ Чифу, на рейдѣ, разстрѣлянъ японскими крейсерами и всѣ погибли, что у Куропаткина теперь 300,000 войска, что былъ бой у Гайчжоу, причемъ случилась славная кавалерійская атака, въ которой отъ двухъ японскихъ эскадроновъ уцѣлѣло лишь нѣсколько человѣкъ—такой несокрушимой лавиной обрушились на непріятеля наши драгуны. И, наконецъ, посланецъ сообщилъ намъ, что сѣверная армія отступила къ Ляояну.

Сегодня наша эскадра потеряла еще одно изъ своихъ судовъ: канонерская лодка «Гремящій» нарвалась на японскую мину загражденія и, получивъ при взрывѣ огромную

пробоину, въ теченіе 23 минутъ пошла ко дну. Командиръ не разставался со своимъ кораблемъ до тѣхъ поръ. пока тотъ не скрылся подъ водой; лишь тогда онъ позволилъ вытащить себя подоспѣвшимъ шлюпкамъ. Всѣ спасены...».

«6-го. ...провелъ отвратительную ночь въ верхней рубкѣ. Она вся изрѣшетена—въ темнотѣ стѣнки поминутно озарялись отблесками выстрѣловъ, назойливо и сухо трещали откуда-то ружья, вѣтеръ стоналъ въ дырахъ, пробитыхъ въ бою осколками...

5 час. 30 м. утра. Началась ужасная канонада. Снаряды перелетаютъ черезъ батареи, летятъ въ городъ и рвутся въ домахъ и на улицахъ. Воздухъ дрожитъ отъ гула. Стрѣляютъ буквально всѣ, гдѣ только есть пушки.

На батареяхъ—сплошная туча пыли и дыма.

8 час. утра. Получено приказаніе десантнымъ ротамъ быть готовыми.

О! мы давно готовы: силъ нѣтъ смотрѣть на это зрѣлище. Скорѣй бы вызвали...

8 час. 30 мин. ...идетъ штурмъ Угловой горы...».

«7-го. ...всю прошлую ночь была непрерывная пальба—ружейная и пушечная; не прекращалась и бомбардировка.

Спимъ въ повалку въ каютъ-компаніи одѣтыми, въ полной готовности.

Съ разсвѣта пошли гремѣть по вчерашнему...

6 час. утра. Опять сигналъ: «приготовиться десанту».

Какъ странно въ эту минуту жаркой схватки слышать звукъ трещотки—работы по исправленію кораблей не прекращаются ни на минуту.

Вечеромъ. Въ теченіе всего дня одиннадцать адскихъ штурмовъ было отбито, а японцы все шли и шли, пока уже прямо всей своей массой не задавили «Угловую гору». Въ этомъ бою одинъ японецъ вскочилъ на брустверъ, бросилъ ружье и закричалъ по русски:

— «...берите меня! не хочу больше воевать!..»—его взяли.

Изъ «Голубиной бухты» наши позиціи обстрѣливались двумя японскими канонерками подъ прикрытіемъ «Ниссинъ», «Идзума», «Ивате» и 9 миноносцевъ.

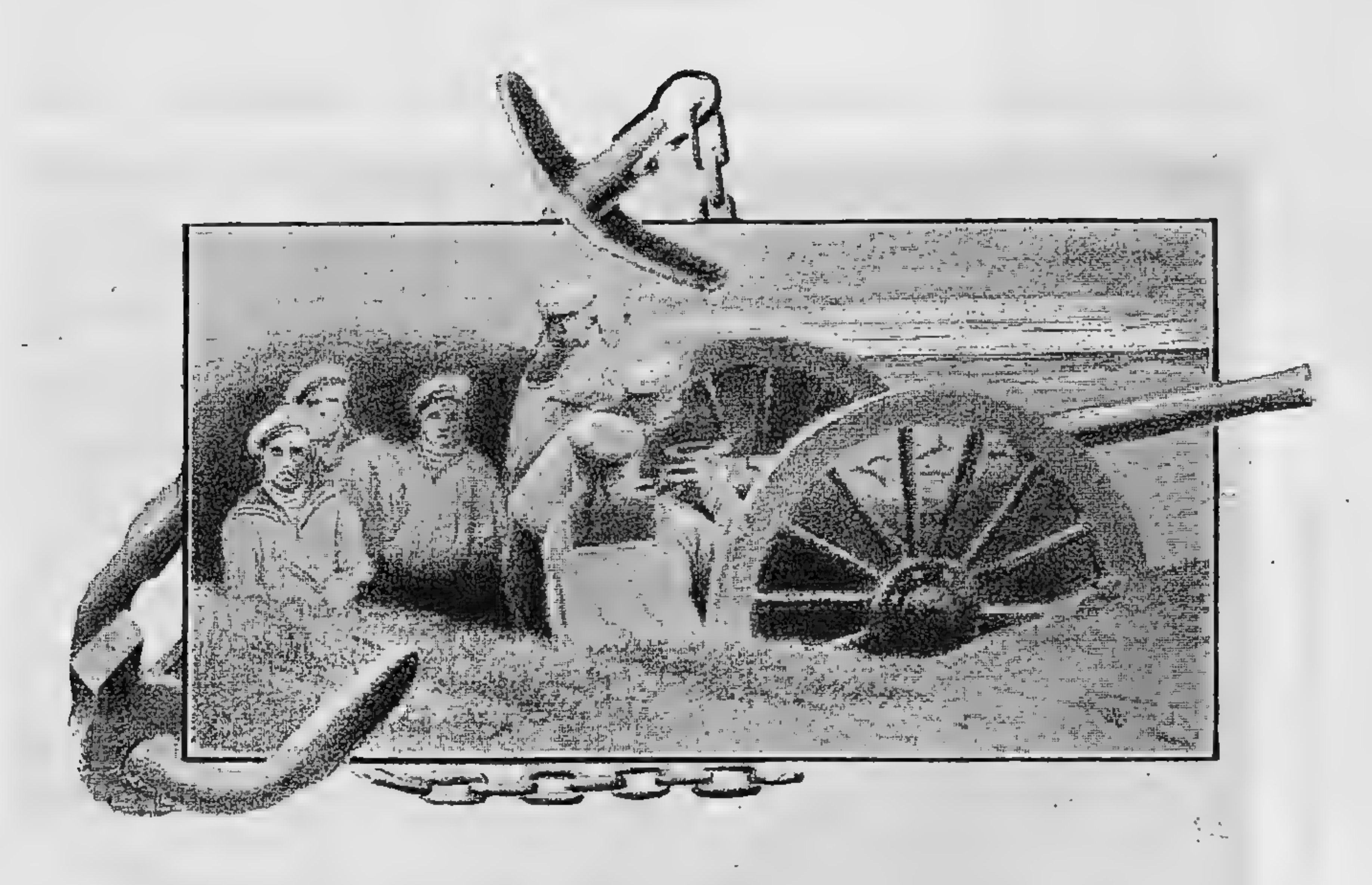
2 часа 30 мин. на 8-ое. Только что вернулся на корабль. Грузилъ съ командой уголь на баржу; въ порту, какъ нарочно, японскіе снаряды летѣли въ этотъ самый уголь..

Слава Богу! обошлось—нагрузили около ста тоннъ...

А на суднѣ—всѣ тоже въ работѣ, усталые, какіе то закоптѣлые...

На позиціяхъ—адъ, если прислушаться...».

Штурмъ Перваго редута.

Не спалось намъ въ ночь на 8 Августа; при тускломъ свѣтѣ фонаря мы силились задремать, но глухой гулъ канонады и предчувствіе испытаній не давало заснуть.

Лежали на чемъ попало на палубѣ каютъ-компаніи и обмѣнивались мыслями.

Въ 4 часа утра—десантъ былъ вызванъ на берегъ.

Отъ кораблей отвалили барказы наполненные матросами въ полной аммуниціи съ винтовками, и скоро у пристани построились десантныя роты.

Прежде всего насъ поставили въ глубокій резервъ у вокзала, гдѣ мы простояли до 2 часовъ пополудни.

Приходили извѣстія одно другого тревожнѣй и, наконецъ, мы начали терять терпѣніе въ своемъ бездѣйствіи. Между тѣмъ, японскія пушки градомъ снаря-

Дессантъ съ судовъ передъ выступленіемъ на позиціи.

довъ обсыпали наши суда, пристань, набережную, попадали въ вокзалъ, въ вагоны желѣзной дороги.

Помню, тяжелый осколокъ разорвавшейся бомбы пробилъ насквозь массивную входную дверь какого то дома; передъ нею сѣло два матроса и осколокъ проѣхалъ между ихъ головами, не задѣвъ ни одну.

Новый гонецъ—это уже за нами.

Сыграли сборъ, бѣгомъ построились, спѣшно и торжественно говорилъ что-то начальникъ десанта капитанъ 2 ранга Лебедевъ, и мы пошли быстрымъ шагомъ.

Чѣмъ дальше шли, тѣмъ громче становился трескъ ружей. Шли какими то лощинами мимо батарей, шли въ незнакомую, но любопытную, красивую обстановку.

Остановились на «Центральной оградѣ» у «Порохового» редута *).

Роты, вытянувшись вдоль оборонительной стѣнки, залегли въ окопахъ.

Передъ нами открылся довольно широкій видъ на «Волчьи горы»; тамъ и сямъ мигали вспышки выстрѣловъ; бой сосредотачивался на правомъ флангѣ.

Мы находились теперь въ обыкновенномъ резервѣ.

Жутко показалось въ этой незнакомой обстановкѣ. Ухо еще не успѣло привыкнуть къ отчаянному стону шрапнели, глазъ не оставался равнодушнымъ къ паденію раненой лошади, къ пыли и мелкимъ камнямъ, тучей разлетавшимся при разрывѣ снаряда.

---

*) Небольшое укрѣпленіе.

Опять гонецъ!

Наши роты вышли изъ окоповъ.

Вскачь промчался чей то ординарецъ.

Не успѣвъ еще выстроиться, роты быстрымъ шагомъ потянулись длинной вереницей вдоль ограды, вышли изъ нея и направились къ укрѣпленію № 3.

Шелъ седьмой часъ вечера.

И то, что раньше казалось глухимъ гуломъ, теперь превратилось въ адскій ревъ.

Весь десантъ расположился между № 3 укрѣпленіемъ и батареей «Орлиное гнѣздо» на военной дорогѣ, вьющейся по склону «Скалистаго кряжа».

Подъ вершиной кряжа, у крохотнаго блиндажа стоялъ генералъ-маіоръ Горбатовскій, начальникъ обороны восточнаго фронта; подлѣ находилось нѣсколько офицеровъ; надъ блиндажомъ, среди массивныхъ скалистыхъ глыбъ вершины, лежало нѣсколько солдатъ, наблюдавшихъ за непріятелемъ.

На редуты №№ 1 и 2 вторыя сутки шелъ отчаянный штурмъ; половина орудій на нихъ было разбито. Непрерывной вереницей шли носилки съ ранеными; роту за ротой посылали на редуты—и роты таяли; окопы обваливались отъ снарядовъ, брустверы почти срыты....

Въ такихъ условіяхъ понадобились на помощь свѣжія силы.

И, едва мы явились, одну изъ ротъ десанта послали на второй редутъ. Остальныя расположились въ ожиданіи приказаній.

Съ наступленіемъ темноты орудійная стрѣльба нѣсколько стихла.

Мой ротный командиръ рѣшилъ воспользоваться передышкой съ цѣлью ознакомиться съ мѣстностью; мы собрали всѣхъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ и вмѣстѣ пошли осматривать позиціи.

Обойдя тотъ склонъ «Скалистаго кряжа», гдѣ находился перевязочный пунктъ, мы опустились какимъ то оврагомъ ко рву укрѣпленіе № 3.

Все вокругъ носило слѣды страшнаго разрушенія, на каждомъ шагу нога проваливалась въ какую нибудь яму или спотыкалась объ обвалившуюся стѣнку.

Пули, точно рой шмелей, жужжали безъ отдыха и мы спѣшили перебраться на самое укрѣпленіе.

Видъ его съ внѣшней стороны былъ ужасенъ; ни души не было замѣтно; однако, скоро мы замѣтили, что за брустверомъ притаились люди и зорко вглядывались впередъ. Зато внизу, подъ толщей бетона и земли, при скудномъ свѣтѣ фонарей мы застали весь гарнизонъ укрѣпленія — всѣ съ оружіемъ въ рукахъ, говорятъ вполголоса, каждую минуту ожидая тревоги, чтобы броситься наверхъ и еще разъ опрокинуть врага.

Тутъ же была полевая пушка.

Солдаты живописной группой сидѣли вокругъ нея и вели какую-то бесѣду — слышался смѣхъ и шутки. Здѣсь не было мѣста унынію...

Было уже поздно, когда мы, побродивъ еще по позиціямъ, вернулись къ своей ротѣ.

На землю опустилась великолѣпная августовская ночь; на небѣ мерцали далекія звѣзды, холодныя, равнодушныя къ жестокому дѣлу.

Я лежалъ со своимъ другомъ на дорогѣ среди своихъ матросовъ и мы тихо бесѣдовали.

Высоко надъ нами черезъ горы жужжали пули.

Мы еще впервые слышали эти тонкіе пѣвучіе звуки, они производили чарующее впечатлѣніе, и таинственное эхо разносило ихъ по горамъ и лощинамъ.

Временами трескотня становилась сильнѣе и мы невольно напрягали слухъ—не бѣжитъ-ли ординарецъ съ приказаніемъ поднять людей и идти на редуты.

Потомъ опять стрѣльба становилась ровнѣй, ласкающій свистъ пуль баюкалъ—клонило ко сну. Мы начинали дремать.

Временами мимо, какъ тѣни, шли санитары, неся носилки съ ранеными.

Такъ, въ полуснѣ, пролежали мы почти до разсвѣта, когда свѣжій вѣтерокъ заставилъ насъ съежиться въ своихъ легкихъ кителяхъ.

Я отогрѣлся въ крохотномъ деревянномъ баракѣ, служившимъ перевязочнымъ пунктомъ. Еще было темно; кто то стоналъ лежа на носилкахъ, ожидая, пока другому перевязывали голову.

Наконецъ разсвѣло.

Стрѣльба участилась; перелетные снаряды рвались за нами въ лощинѣ, постепенно ночная перестрѣлка уступала мѣсто свирѣпому реву сотенъ орудій.

Сна—какъ не бывало.

Люди живо подтянулись, насъ придвинули ближе и всѣ мы расположились уже прямо на склонѣ «Скалистаго кряжа» подъ наблюдательнымъ постомъ, гдѣ стоялъ генералъ Горбатовскій. Оттуда было видно, какъ на ладони, что творилось на первомъ редутѣ.

Я, въ числѣ другихъ, смотрѣлъ на этотъ редутъ и жутко становилось; на нашихъ глазахъ его сравнивали съ землею. Глядя на жестокій градъ рвущихся снарядовъ, казалось, что выйти изъ него живымъ — невозможно.

Прибѣжалъ ординарецъ съ тревожными извѣстіями: гарнизонъ редута таялъ — просятъ помощи... а вся оборонительная «Китайская стѣнка», служившая единственнымъ укрытіемъ, чтобы пробраться на редутъ, вся обсыпалась снарядами; шрапнель рвалась непрерывно: бѣлыя тучки усѣяли небо...

Генералъ Горбатовскій, наконецъ, рѣшилъ послать помощь.

— «Вторая рота!..».

Вторая рота — наша.

Сердце застучало. Намъ идти на этотъ самый редутъ, откуда не возвращаются...

Потянулись съ горки; вотъ, надо проскочить открытое для пуль и снарядовъ мѣсто до «Китайской стѣнки».

Дорогой заряжая ружья, мы бросились бѣжать въ разсыпную, силясь какъ можно скорѣе прыгнуть въ ровъ за стѣнкой.

Назадъ не оглядывались.

Мелькнула «Волчья батарея» — мортирная.

Я было остановился; такъ странно выглядѣло, что когда мортирная бомба выбрасывалась изъ дула ее было ясно видно — затѣмъ она, окутанная столбомъ бѣлаго дыма, исчезала въ небѣ.

Мимо!

Бѣжимъ дальше.

Ротный командиръ поручилъ мнѣ быть впереди всей вереницы людей, а самъ неторопливымъ шагомъ шелъ на виду у всѣхъ, подбадривая матросовъ.

Наконецъ, головная часть роты добѣжала до самой горжи (ходъ, защищенный съ обѣихъ сторонъ валомъ, сообщающій оборонительную стѣнку съ редутомъ), а остальные, растянувшись вдоль стѣнки, плотно къ ней прижались.

Мы ждали условленнаго времени, чтобы сразу броситься на редутъ.

Страшно было лежать въ этомъ томительномъ ожиданіи подъ жестокимъ огнемъ; а ротный командиръ продолжалъ спокойно расхаживать взадъ и впередъ, и не думая укрываться подъ стѣнку...

— «Трррр-ахъ!..» ударило въ склонъ «Орлинаго гнѣзда» за нами, камнемъ меня хватило по затылку — голова загудѣла.

Я опять посмотрѣлъ на ротнаго командира: шагаетъ себѣ въ бѣломъ кителѣ... вдругъ—рукой взмахнулъ и, какъ снопъ, повалился на земь.

Почти невольно я вскочилъ на ноги — мелькнула мысль: «...теперь я — командую...», крикнулъ «за мной ребята!..» и мы во весь духъ бросились на

редутъ; кажется, минуты не прошло, какъ мы уже торопились расположиться вокругъ бруствера.

Мы пришли во время—семь стрѣлковъ безпомощно потрескивали изъ винтовокъ. Всѣ блиндажи были завалены ранеными; кучи мертвыхъ тѣлъ валялись на землѣ; запахъ теплой крови смѣшался съ запахомъ пороховыхъ газовъ.

И грянулъ бой!....

Весело стало, когда свѣжіе люди, наши матросы, начали пачками сыпать въ японцевъ — тѣ залегли взводами и впереди и съ трехъ сторонъ съ своей стороны метали въ насъ тучи пуль.

Но вотъ и свѣжія силы таютъ—одинъ за другимъ сползаютъ отъ бруствера наши матросы съ зіяющими ранами, по преимуществу въ голову; одинъ молодецъ примостился за разбитымъ щитомъ 47-миллиметровой пушки и стрѣлялъ до тѣхъ поръ, пока непріятельская пуля не раздробила ему замка и пальцевъ правой руки.

Смотрю въ горку. Опять помощь: офицеръ въ бѣломъ кителѣ, съ саблей въ рукѣ, за нимъ рота матросовъ, кричатъ «ура!».

— «Тррр — ахъ!..» — шрапнель — прямо надъ ними; ничего—бѣгутъ; ближе, прибѣжали и по мѣстамъ и — пачками!..

Офицеръ оказался съ «Паллады» — Лейтенантъ Зельгеймъ, веселый, возбужденный; со смѣхомъ вынувъ серебрянный портсигаръ изъ кармана, предлагаетъ папироску:

— «Вотъ! смотрите: везетъ да и только! пуля хватила въ портсигаръ—продырявила, а меня даже не задѣла...».

Дѣйствительно, въ портсигарѣ была дыра отъ пули.

Подошелъ къ намъ комендантъ редута, бравый поручикъ въ красныхъ кожанныхъ шароварахъ и говоритъ, что надо японцевъ изъ окопа вышибить, а окопъ полукольцомъ окружаетъ редутъ и изъ него они могутъ штурмомъ ворваться на самый редутъ.

— «Въ окопъ. такъ въ окопъ!..» отозвался Зельгеймъ.

— «Эй! братцы!..» продолжалъ онъ «мы сюда умирать пришли съ честью!.. за мной!..».

И потянулись за нимъ палладскіе молодцы, безстрашно вышли изъ за бруствера съ лѣвой стороны, бросились въ окопъ и штыками прогнали непріятеля.

Послѣдній разъ мы видѣли Зельгейма — онъ былъ убитъ однимъ изъ первыхъ.

Наши потери были страшно велики, некому было уносить раненыхъ, многіе лежали безъ помощи, но стоны ихъ заглушались громомъ битвы.

Осколокъ звякнулъ мнѣ въ лѣвый високъ, теплая струйка крови потекла по лицу, но боли я не замѣтилъ.

Изъ окопа доложили, что японцы опять одолѣваютъ; по трупамъ нашихъ товарищей приближались враги къ брустверу.

— «Зададимъ-же имъ перцу!..» не выдержалъ комендантъ; у насъ оставалась еще одна пушка—онъ самъ подошелъ къ ней и сталъ наводить на непріятельскую батарею. Я былъ подлѣ, и не успѣлъ онъ

дернуть за шнуръ, какъ передъ нами гулко лопнула шрапнель и обдала кучей пуль. Поручикъ зашатался, я едва удержалъ его,—пуля пробила колѣно; онъ почти терялъ сознаніе отъ боли и просилъ оставить его и принять командованіе; кое какъ уложивъ у блиндажа ему перевязали чѣмъ попало рану.

Защитники рѣдѣли.

Я видѣлъ, что, если помощь не придетъ въ теченіе получаса, то мы, немногіе, ляжемъ до одного и редутъ будетъ взятъ.

Написавъ на клочкѣ бумажки: «прошу немедленно прислать подкрѣпленіе...», я послалъ ординарца къ генералу Горбатовскому.

Ординарецъ съ моей запиской бѣгомъ пустился съ редута; но онъ не дошелъ, сраженный пулей по дорогѣ...

Солнце стояло высоко и пекло немилосердно.

Мы защищали уже не редутъ, а изрытую груду земли; ежеминутно прибавлялись раненые, ложились въ кучу близь пушки съ правой стороны; здѣсь, подъ брустверомъ расположилось человѣка четыре стрѣлковъ и они мѣрно посылали въ японцевъ залпъ за залпомъ; взводный, какъ на ученіи, командовалъ:

— «... взводъ!.. пли!..», забывая, что отъ взвода осталось лишь воспоминаніе.

Вдругъ, большой снарядъ ударилъ прямо въ кучу раненыхъ лежавшихъ подлѣ пушки и разорвался, обдавъ насъ всѣхъ землей и камнями.

Я съ тоской глядѣлъ на нашъ редутъ: не болѣе 20 человѣкъ еще оставалось на ногахъ и продолжало отстрѣливаться.

*

Одинъ изъ лучшихъ квартирмейстеровъ, взводный Тарновскій, ползъ отъ бруствера весь окровавленный. Желая помочь ему, я, схвативъ его за ноги, тянулъ внизъ къ пушкѣ и это причиняло ему нестерпимую боль — онъ былъ раненъ во всѣ мѣста; — однако подняться было немыслимо: пули сплошной стѣнкой жужжали въ какомъ нибудь вершкѣ надъ нашими головами.

Въ жестокихъ страданіяхъ онъ скончался у меня на рукахъ.

Посылаю второго ординарца уже безъ записки— не до того.

Онъ опрометью бросился въ горку, добѣжалъ благополучно до стѣнки и скрылся.

Вся надежда на него...

Нами овладѣло какое то спокойствіе—чувства притупились.

Ждали — что будетъ; отстрѣливались упрямо, безъ надежды почти.

Вдругъ мы услыхали, что снизу изъ за редута слышны крики. Одинъ изъ стрѣлковъ грохнулся съ бруствера убитый, другой съ окровавленнымъ лбомъ кубаремъ свалился къ моимъ ногамъ и торопливо проговорилъ:

— «Японцевъ идетъ... видимо невидимо!..».

Я оглянулся назадъ въ горжу — никого!

Сжалъ въ рукѣ саблю, всѣ кучкой собрались у пушки, горсть обреченныхъ, если не будетъ чуда.

Непріятель бросился изъ окопа наверхъ—послѣдняя минута.

Я шагнулъ къ амбразурѣ *) пушки и замахнулся было саблей на желтолицыхъ, но она со звономъ выпала изъ руки; точно плетью обожгло правый локоть, кровь хлынула фонтаномъ, я невольно отошелъ за брустверъ. Двое матросовъ въ одно мгновеніе сорвали мнѣ рукавъ и стянули рану какой то тряпкой...

А уже подъ самымъ гребнемъ бруствера слышны побѣдные крики.

— «Банза-ай!..».

И вдругъ—за нами грянуло многочисленное, могучее «Ура—а!...»

Густой толпой наполнивъ горку, на помощь бѣжали остальныя десантныя роты, грозной лавиной влились они на редутъ, опрокинули непріятеля и редутъ остался за нами.

Бравый начальникъ десанта, капитанъ 2-го ранга Лебедевъ, привелъ эти роты и личнымъ примѣромъ беззавѣтнаго мужества воодушевилъ людей; съ саблей въ рукѣ, въ разгарѣ схватки онъ погибъ геройскою смертію...

Я усталъ.

Опираясь на богатырское плечо моего ординарца и друга, матроса Поликанина, я плелся на перевязочный пунктъ; голова горѣла и кружилась.

Онъ, почти на рукахъ, проносилъ меня по открытымъ мѣстамъ, прикрывая собственнымъ тѣломъ.

Такъ, отдыхая за встрѣчными прикрытіями, мы добрались до склона «Скалистаго кряжа».

---

*) Просвѣтъ въ брустверѣ, изъ котораго смотритъ дуло орудія.

Тамъ оставалась еще полурота съ «Пересвѣта», которой командовалъ мой другъ, собесѣдникъ прошлой ночи; мы обнялись, я указалъ ему на редутъ и пожелалъ удачи.

Меньше чѣмъ черезъ полчаса, онъ былъ посланъ туда и, не доходя еще до редута, раненъ въ грудь шрапнельной пулей; однако не оставилъ своихъ, довелъ до конца и, лишь потомъ, почти безъ сознанія былъ унесенъ на перевязочный пунктъ.

Мы встрѣтились съ нимъ на другой день на госпитальномъ суднѣ «Монголія».

О «Монголіи» у меня сохранилось самое свѣтлое воспоминаніе: раненые встрѣчали тамъ и ласку и заботливый уходъ.

Ихъ было много; не только внизу — вся верхняя палуба была уставлена койками.

Туда брали преимущественно тяжело раненыхъ нижнихъ чиновъ; не проходило дня безъ того, чтобы не производилась кому нибудь серьезная операція. Я насмотрѣлся, какъ рѣжутъ ноги, какъ извлекаютъ пули изъ головы, какъ умираютъ подъ ножомъ хирурга.

Сестры милосердія и студенты Медицинской Академіи работали не зная отдыха.

Около мѣсяца я былъ у нихъ на попеченіи и мы разстались друзьями.

На «Монголіи» я нашелъ нѣкоторыхъ матросовъ своей роты, раненыхъ 9 Августа; отдыхая тѣломъ и душою, мы прислушивались къ событіямъ въ крѣпости.

А событія шли быстро.

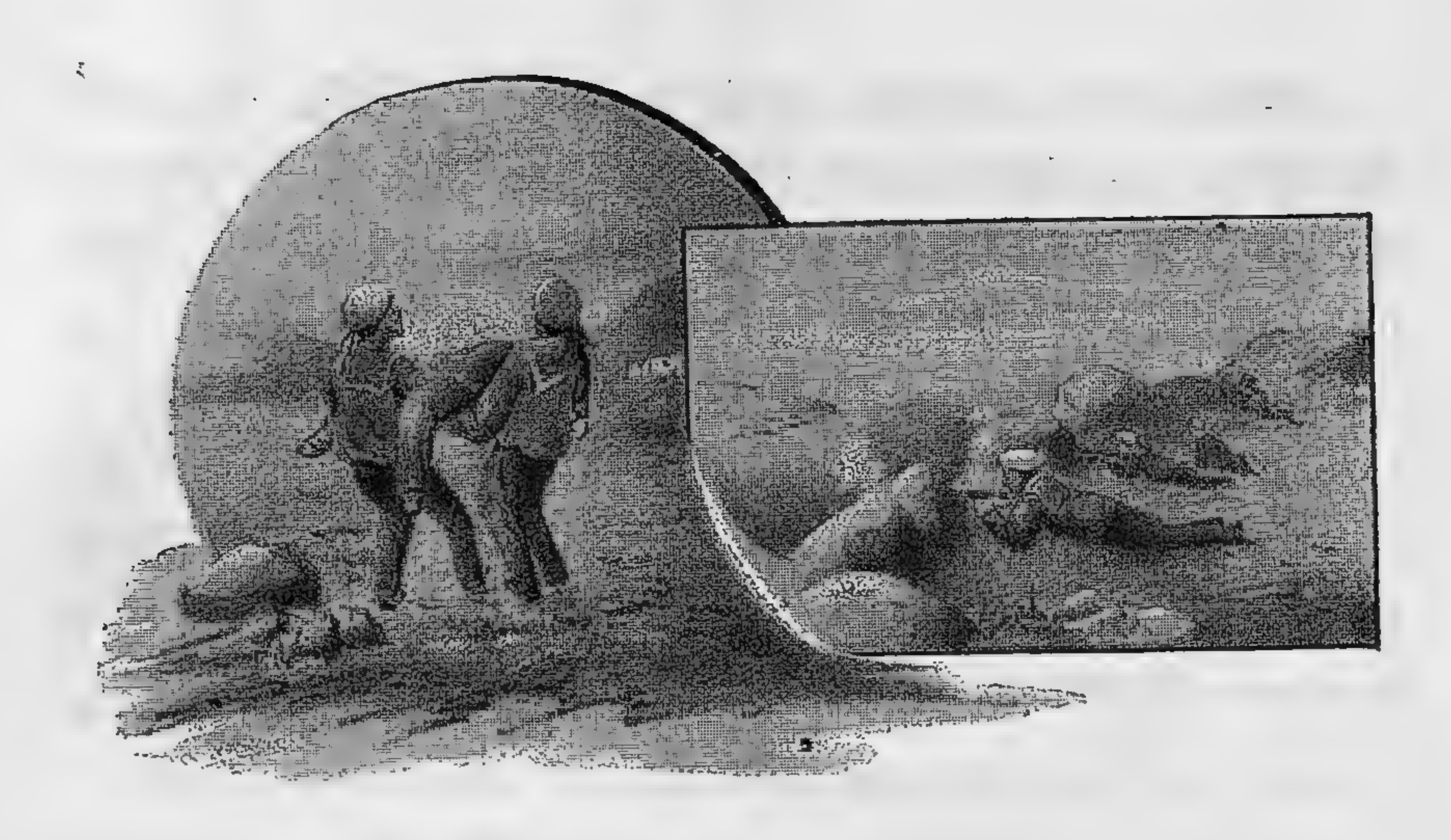
Два раза Первый редутъ переходилъ въ руки японцевъ и наши вновь отнимали его; наконецъ, редутъ, окончательно разрушенный, приказано было очистить.

Такая же судьба постигла редутъ № 2.

Наши войска укрѣплялись на «Китайской стѣнкѣ».

На «Орлиное гнѣздо» были бѣшенныя аттаки; всѣ отбиты. Японцы оставили на склонѣ одного только «Орлиного» около 2000 труповъ.

Послѣ штурма.

Августовскіе штурмы стоили японцамъ громадныхъ потерь — число убитыхъ и раненыхъ доходило до 40 тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ, на гарнизонъ крѣпости отбитіе этихъ штурмовъ произвело отличное впечатлѣніе: мы почувствовали свою силу.

Борьба на морѣ не прекращалась; борьба, главнымъ образомъ, минная; 11-го Августа взорвались на японскихъ минахъ наши миноносцы «Разящій« и «Выносливый»; послѣдній погибъ вмѣстѣ со своимъ лихимъ командиромъ, лейтенантомъ Рихтеромъ, когда шелъ на помощь къ «Разящему».—При видѣ случившагося миноносецъ «Расторопный» не задумался подойти къ «Разящему», взялъ его на буксиръ и привелъ въ гавань. Нѣкоторые жестоко пострадали отъ этого взрыва.

«Севастополь» тоже не долго гулялъ по морю; возвращаясь послѣ обстрѣливанія непріятельскаго берега, онъ вторично взорвался на минѣ.

Въ свою очередь два японскихъ миноносца погибли на нашихъ минахъ въ одной изъ бухтъ черезъ 2 дня послѣ этого.

Словомъ, все шло своимъ чередомъ.

Недѣли двѣ японцы не могли оправиться послѣ штурма и мы пользовались временемъ, чтобы возстановить пострадавшіе форты и укрѣпленія, поставить новыя батареи изъ морскихъ орудій вновь снятыхъ съ нѣкоторыхъ судовъ.

Попутно дѣлались постоянныя развѣдки и вылазки; мой ротный командиръ, раненый въ плечо шрапнельной пулей, теперь, ночью, сжегъ деревню занятую японцами; на позиціяхъ устанавливали наши аппараты для выбрасыванія метательныхъ минъ; въ порту возникли большія мастерскія для изготовленія ручныхъ гранатъ — въ этомъ отношеніи японцы были нашими учителями.

19-го Августа была произведена вылазка на Первый редутъ; она окончилась печально: отобрать редутъ не удалось—мичманъ Рубецъ сложилъ свою голову въ этомъ дѣлѣ.

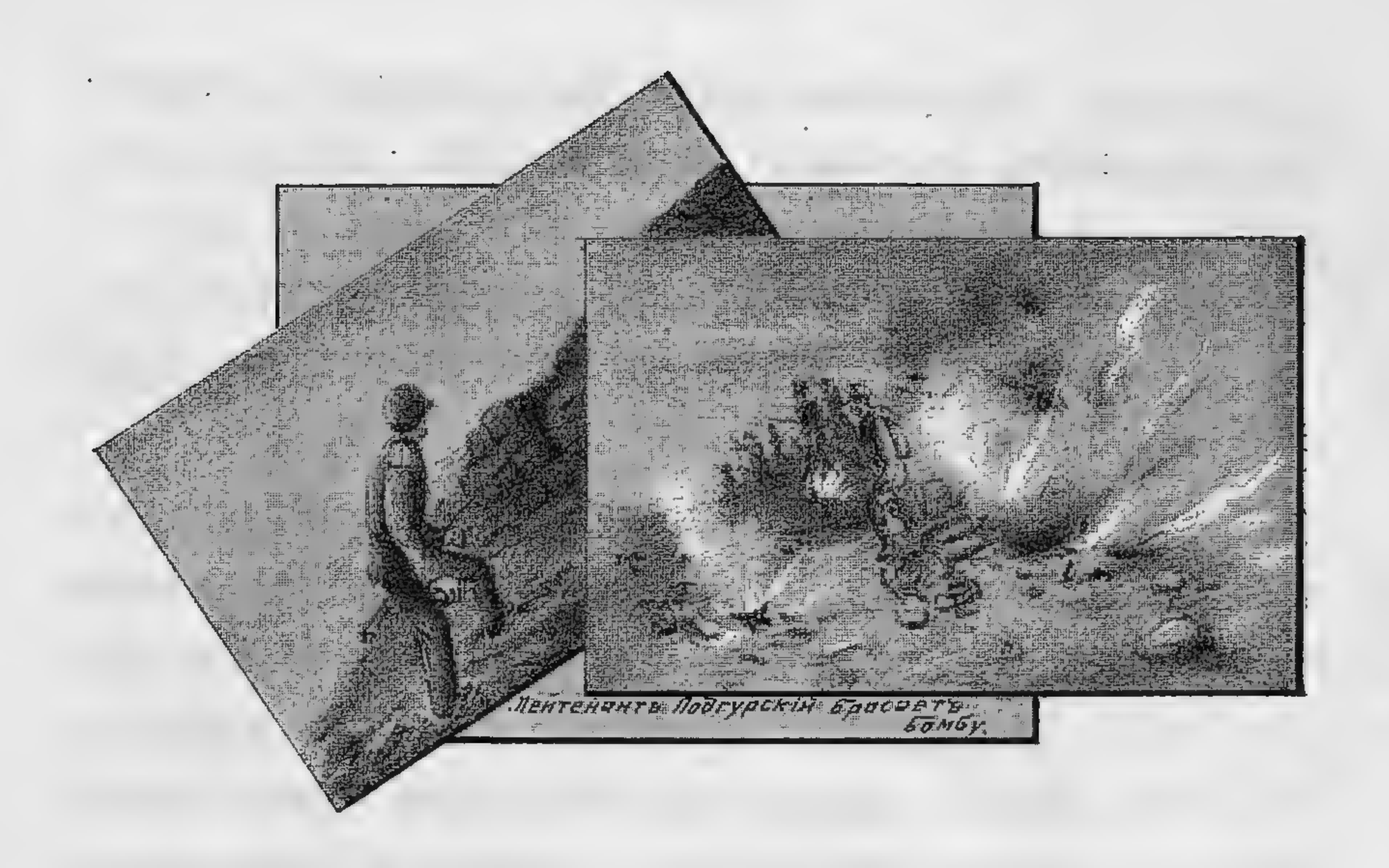
Надежда на выходъ эскадры въ море таяла; время шло.

Стрѣльба съ обѣихъ сторонъ, вообще, не прекращалась. Около 20-хъ чиселъ она возобновилась съ прежней силой, точно японцы давали почувствовать, что они достаточно подкрѣпили свои силы и пора снова приниматься за драку.

Исправленный «Баянъ» былъ выведенъ изъ дока; японцы привѣтствовали его боевымъ салютомъ—вкатили въ него нѣсколько снарядовъ.

Въ концѣ августа, ночью, произошло одно изъ обычныхъ столкновенiй нашихъ миноносцевъ съ японцами, причемъ имъ настолько досталось, что они поспѣшили уйти, оставивъ намъ одинъ изъ своихъ минныхъ катеровъ. Его забрали; нашли на немъ два трупа и двѣ человѣческихъ ноги, одна отрѣзанная, точно пилой, другая—оторванная снарядомъ. На столѣ въ рубкѣ лежала японская газета съ замѣткой о томъ, что на сѣверѣ «...русскiе бѣгутъ...» и съ разсказомъ о бoѣ «Новика» съ «Читозе».

Лейтенантъ Подгурскій бросаетъ бомбу.

Сентябрскіе штурмы.

Наступилъ Сентябрь мѣсяцъ. Появились признаки скораго штурма; съ каждымъ днемъ стрѣльба становилась значительнѣй.

Опять возвращаюсь къ своему дневнику; въ немъ все записано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Сентябрь.

«3-го. Сегодня «Расторопный» привелъ въ Артуръ трехмачтовую парусную джонку подъ японскимъ коммерческимъ флагомъ и, хотя на джонкѣ говорили про какой то грузъ дерева, однако, въ немъ оказалось 150 ящиковъ пива и девять японцевъ.

«4-го. ...на передовыхъ позиціяхъ начинается усиленная перестрѣлка.

Мы славно покатались сегодня на шлюпкѣ подъ парусами въ обществѣ сестеръ милосердія; японцы, завидѣвъ черезъ лощину Лун-хе нашу шлюпку, открыли огонь и стрѣляли такъ мѣтко, что мы съ трудомъ ушли отъ снарядовъ.

«5-го. На нашемъ минномъ загражденіи взорвался и погибъ японскій броненосецъ II класса «Сайенъ».

Непріятель приближается къ крѣпости «тихою сапой», уже подошелъ такимъ образомъ на 80 шаговъ до нашей оборонительной линіи. Роются въ землѣ, какъ кроты. Надо ждать штурма...».

И штурмъ не замедлилъ на другой же день, 6 Сентября, началась всеобщая перепалка. Я смотрѣлъ съ борта «Монголіи» на «Высокую» гору: она была точно огнедышащая гора. Весь день непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ японцы подготовляли штурмъ, а въ ночь на 7-ое бросились въ атаку.

Дорого доставалась непріятелю каждая пядь земли: въ августовскіе штурмы мы поплатились двумя редутами, но они—страшными потерями.

Въ сентябрскіе штурмы они грянули со свѣжими силами, встрѣтили такой же дружный отпоръ; однако, ударъ былъ жестокій и для нашего испытаннаго войска: еще два редута не устояли—«Водопроводный» и «Кумирнинскій», взятые японцами, они тотчасъ были срыты огнемъ нашихъ броненосцевъ.

Но главныя усилія непріятеля были направлены на «Высокую» гору: эта гора была ключемъ крѣпости.

До 10-го числа одинъ штурмъ смѣнялся другимъ; наши потери были настолько огромны, что терялась всякая надежда спасти «Высокую».

Въ ночь на 10-е вся траншея *) подъ вершиной горы была занята японцами; еще послѣдній натискъ и бѣда была бы непоправимая, такъ какъ съ «Высокой» вся крѣпость, весь рейдъ и часть порта были какъ на ладони.

Въ этотъ критическій моментъ явился храбрый лейтенантъ Подгурскій съ минерами; подъ покровомъ ночи, они ползкомъ добрались до траншеи и бросили въ нее нѣсколько пироксилиновыхъ патроновъ.

Грянулъ страшный взрывъ, среди японцевъ поднялась паника; давя другъ друга, ослѣпленные, въ ужасѣ они бросились вонъ изъ траншеи, провожаемые дружными залпами нашихъ стрѣлковъ. Траншея была завалена обезображенными трупами.

«Высокая» была спасена.

Не забудутъ ее японцы; крутая вершина со сбитыми пушками и полуобвалившейся траншеей была страшна доблестью ея защитниковъ.

И такъ, второй штурмъ Артура былъ отбитъ.

Японцы отхлынули.

И опять потянулись безпросвѣтные дни бомбардировокъ, вѣчной тревоги; броненосцы гремѣли двѣнадцатидюймовыми, городъ постепенно рушился.

---

*) Глубокій окопъ.

Жизнь на кораблѣ становилась прямо невыносимой.

Сердце разрывалось, глядя на неподвижныя суда, такъ крѣпко запертыя внутри крѣпости, которыя тоже медленно разрушались.

Каждый день приносилъ съ собою горе: влетитъ съ дикимъ воемъ въ корабль бомба, взорвется громко, рѣзко и—лежитъ кто нибудь бездыханнымъ.

Условія жизни становились замѣтно тяжелѣй.

Я томился въ бездѣйствіи послѣ того какъ выписался изъ госпиталя; выйдешь бывало на палубу—безнадежный перекрестный огонь. Съ какимъ то слѣпымъ упрямствомъ перекидываются снарядами даже не видя другъ друга, охватывала смертельная тоска...

Между тѣмъ на позиціяхъ не скучали.

Наши войска были подбодрены успѣшнымъ отраженіемъ штурмовъ; дѣлались вылазки, иногда удачныя; такъ, напримѣръ, въ ночь на 14-ое Сентября были засыпаны японскіе окопы у перваго редута, что задержало ихъ осадныя «сапныя» (земляныя) работы.

Точно въ отместку 15-го днемъ японцы въ теченіи 8 часовъ безпрерывно бомбардировали суда эскадры какими то снарядами, которые выли громче обыкновенныхъ; мы полагали тогда, что это были восьмидюймовые; въ «Побѣду» и «Севастополь» было нѣсколько попаданій, были убитые и раненые.

Нѣсколько дней подрядъ по вечерамъ, когда бомбардировка стихала, на рейдъ прилетало два снаряда и отвратительно громко, заставляя вздрагивать, разрывались гдѣ нибудь среди судовъ или въ самыхъ судахъ.

Съ 18-го опять стрѣльба начала усиливаться; въ одинъ день на рейдѣ разорвалось 200 снарядовъ, были попаданія въ «Ангару» и «Пересвѣтъ»; на другой день

Восточный бассейнъ.
Паденіе одиннадцати дюймоваго снаряда.

затонули отъ снарядовъ землечерпалка и грязнуха, а въ «Пересвѣтъ» попало 14 снарядовъ.

Мы убѣдились теперь какіе это новые были снаряды: я видѣлъ на «Тигровомъ хвостѣ» одинъ неразорвавшійся; отмѣрили футштокомъ—это была одиннадцати-дюймовая чугунная бомба.

Грустное открытіе!

Вотъ—когда начиналось настоящее!

21-го была очень сильная бомбардировка; 3 снаряда попало въ «Монголію»—въ госпитальное судно, и это обстоятельство произвело довольно удручающее впечатлѣніе; разрывомъ разнесло вдребезги каюту командира и ранило третьяго помощника; два снаряда вкатили въ «Казань», тоже госпитальное судно.

Командиръ «Полтавы» уцѣлѣлъ лишь благодаря угольной защитѣ на верхней палубѣ, такъ какъ снарядъ разорвался, ударившись въ палубу, прямо надъ его головой когда онъ сидѣлъ въ своей каютѣ за письменнымъ столомъ.

22-го одна одиннадцати-дюймовая бомба разорвалась глубоко подъ водой у борта «Полтавы»; свернуло кингстонъ—открылась течь; другая оторвала балконъ у шести-дюймовой башни и сдвинула броневую плиту.

На «Тигровомъ хвостѣ» двѣ бомбы не разорвавшись врылись въ землю.

Одновременно съ этимъ нѣсколько десятковъ снарядовъ разрывами зажгли контору землечерпательнаго каравана; пожаръ былъ потушенъ матросами и сторожами.

23-го одиннадцати-дюймовый снарядъ повредилъ другую шести-дюймовую башню «Полтавы», слѣдую-

щій пронизалъ ее почти до дна. Старшій офицеръ очень дорожилъ нашимъ старшимъ боцманомъ Зенченко и трюмнымъ старшиной Гансомъ Федотовымъ, почему запряталъ ихъ въ центральный постъ; но отъ одиннадцати-дюймоваго мортирнаго снаряда нѣтъ спасенія: пробивъ двѣ палубы, броневую крышку и броневую палубу, чугунная бомба разорвалась на нѣсколько громадныхъ кусковъ, которыми разнесло паровую трубу близъ центральнаго поста; паромъ совершенно сварило Зенченко, а Федотовъ и гальванеръ Вейнеръ, оба въ страшныхъ мученіяхъ, обуглившіеся, черные, были доставлены на «Монголію». Часовой у денежнаго сундука, сигнальщикъ Чекашкинъ, былъ убитъ осколками на мѣстѣ.

Вечеромъ я былъ на «Монголіи», подошелъ къ Федотову; онъ сидѣлъ весь забинтованный, вытянувъ руки, и на лицѣ его было написано нечеловѣческое страданіе. Онъ былъ въ полномъ сознаніи и, когда пришла смерть, такъ какъ ожоги были смертельны, то онъ простился съ жизнью съ душураздирающимъ крикомъ...

Въ теченіи 24-го 93 одиннадцати-дюймовыхъ снаряда было брошено на одинъ только Внутренній рейдъ; на «Полтавѣ» одинъ разорвался въ помѣщеніи динамо-машинъ — исковеркалъ рулевой приводъ и разнесъ карцеръ; осколки залетѣли черезъ элеваторъ въ каютъ-компанію, загорѣлись перевязочные матеріалы, возникъ довольно сильный пожаръ, четыре минера было сильно обожжено, старшіе врачъ и механикъ — контужены.

«Пересвѣту» бомбой пробило корму насквозь.

На «Ретвизанѣ» былъ сильный разрывъ снаряда. Болѣе мелкіе снаряды летѣли тучами.

25-го рѣшили спасать и «Полтаву», тащить ее подъ «Перепелиную гору»; но едва подали на портовые катера буксиры, какъ японцы устроили намъ заутреню. Стрѣляли залпами, пробили палубу, снарядъ разорвался въ каютъ-компаніи, разбилъ минный аппаратъ.

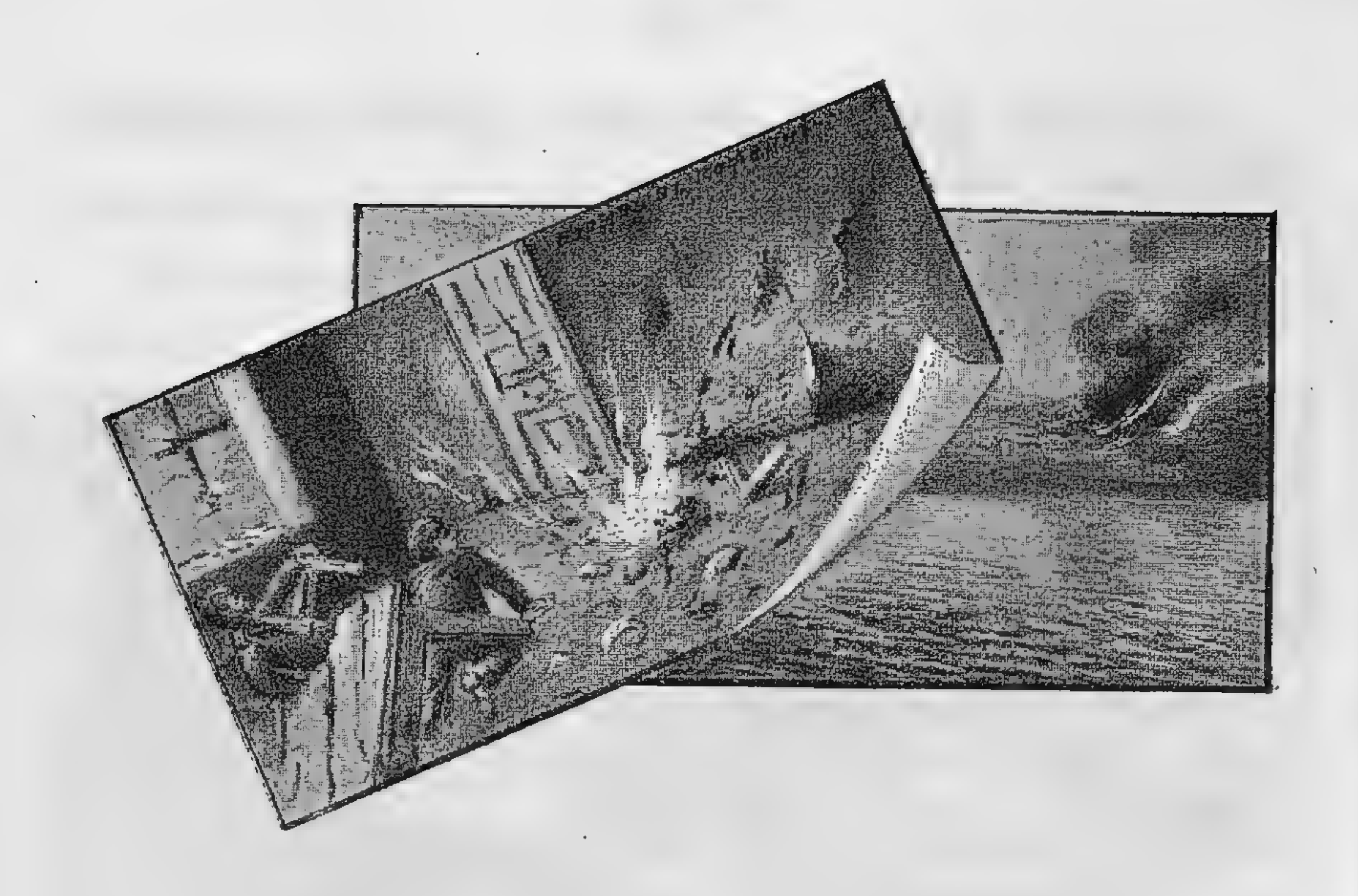
Пришлось спасать команду; оставили самое необходимое число людей, остальные сѣли въ шлюпки и пошли къ берегу—снаряды такъ и сыпятся.

Пристали къ желѣзной баржѣ и стали выскакивать, торопясь добѣжать до «Перепелиной»; тутъ одна бомба въѣхала въ самую баржу, разорвалась и подъ ногами нашихъ людей—я былъ съ ними—баржа пошла ко дну.

Миноносецъ «Бойкій» не во время оказался подъ берегомъ, снарядомъ ему перебило паровую трубу и онъ, весь окутавшись бѣлымъ облакомъ пара, быстро ушелъ на Внѣшній рейдъ.

Только уже подъ вечеръ удалось перетащить «Полтаву» на новое мѣсто.

Октябрскіе штурмы.

Японцы готовились къ новому штурму; у нихъ, очевидно, прибавились новыя силы; у насъ же только таяли тѣ, что были.

Эскадра пришла на помощь: помимо десантныхъ ротъ сошедшихъ на берегъ въ началѣ Августа въ концѣ Сентября были вызваны еще резервныя роты.

Это случилось поздней ночью, когда начинались частичныя наступленія японцевъ, надъ батареями усилено рвалась шрапнель, по черному небу взлетали великолѣпныя, ослѣпительныя ракеты.

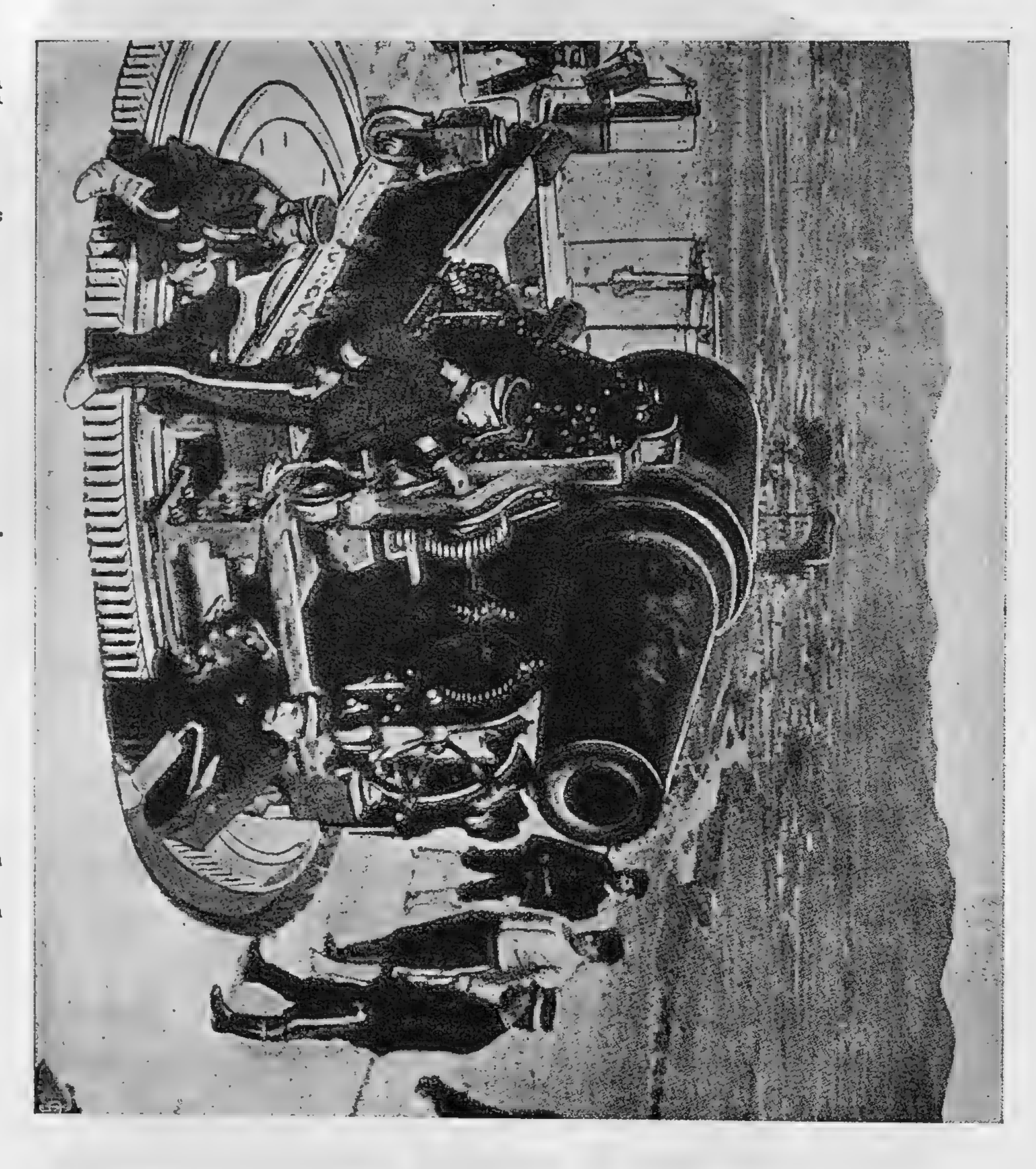
И, когда на правомъ флангѣ загорѣлось, повидимому, очень жаркое дѣло, насъ потребовали немедленно.

Я получилъ такую резервную роту въ командованіе— было въ ней около 60 человѣкъ: комендоры, кочегары, матросы, гальванеры, минеры, машинисты, сигнальщики; всѣ—молодецъ къ молодцу.

*

До конца осады я разстался только съ тѣми изъ нихъ—кого украла смерть.

Однако, съ тревогой поторопились....

11-ти дюймовое осадное орудіе, которыми японцы бомбардировали Портъ-Артуръ.

Мы всю ночь стояли наготовѣ въ казармѣ Квантунскаго экипажа.

На другое утро вновь сформированный резервъ окончательно утвердился на берегу.

Мы заняли давно покинутые домики на «Дачныхъ мѣстахъ».

Хорошія эти мѣста; никогда ни одинъ снарядъ туда не залеталъ...

Бомбардировки съ каждымъ днемъ усиливались; по всему городу валялись неразорвавшіяся одинадцати-дюймовыя бомбы. Ихъ потомъ собирали, заряжали ими наши собственныя одиннадцати-дюймовыя мортиры и, такимъ образомъ, на непріятельскія головы обрушилось около 500 штукъ ихъ-же снарядовъ, причемъ на этотъ разъ рвались они почти безъ отказа.

Незначительный случай запечатлѣлъ въ моей памяти день 1 Октября.

Была, какъ и всегда, сильнѣйшая бомбардировка снарядами всѣхъ калибровъ—крупные падали въ портъ, по судамъ и батареямъ, мелкіе—по городу.

Я сидѣлъ въ обществѣ четырехъ знакомыхъ въ Морскомъ Собраніи.

Мы, три мичмана, подпоручикъ и юнкеръ были въ хорошемъ настроеніи и толковали на военныя темы.

На знакомый свистъ снарядовъ, летавшихъ черезъ насъ, не обращали никакого вниманія и, попыхивая папиросами, заканчивали завтракъ чашкою кофе.

Вдругъ раздался оглушительный взрывъ: вся комната наполнилась дымомъ и въ первую минуту ничего нельзя было разобрать. Въ ушахъ звенѣло. Совершенно невольно я пулей выскочилъ изъ комнаты въ садъ, потомъ вернулся и, когда дымъ началъ разсѣиваться,

то увидѣлъ подъ столомъ мичмана и подпоручика; одинъ былъ раненъ осколкомъ въ ногу, другой контуженъ въ спину; второй мичманъ былъ раненъ въ руку.

Самая комната имѣла плачевный видъ.

Снарядъ пробилъ потолокъ въ углу надъ буфетомъ и разорвался, ударившись о каменный полъ, разнесъ массивный столъ, за которымъ мы сидѣли; посуда, конечно, вдребезги, кушанія на полу; осколки избороздили всѣ стѣны, перебили въ окнахъ стекла.

Мы больше не оставались тамъ и благодарили Бога, что уцѣлѣли, такъ какъ слишкомъ обидно было бы окончить свою жизнь такъ безславно отъ шальной бомбы за чашкой кофе.

Наконецъ, японцы подготовились и 3-го Октября пошли штурмовать правый флангъ, особенно свирѣпо фортъ II; но всѣ аттаки были отбиты, они остались ни съ чѣмъ; и опять загорѣлся, и денно и нощно, артиллерійскій бой.

Девять дней безъ перерыва шелъ этотъ бой — половина города превратилась въ развалины; каждую ночь мы, резервъ, ходили на позиціи и работали кирками, возстанавливая разрушенныя снарядами укрѣпленія.

Наконецъ, 12-го Октября въ городѣ вспыхнулъ громадный пожаръ, на внутреннемъ рейдѣ снарядами утопили крейсеръ II ранга «Забіяку».

Еще одна страшная ночь: зарево пожара, взрывы снарядовъ, стоны шрапнели и артиллерійскій бой

слился съ ружейной пальбой пачками и залпами; зататакали пулеметы—и непріятель пошелъ штурмомъ на крѣпость.

Всѣми силами японцы обрушились на форты II и III; но всюду ихъ аттаки были отбиты и лишь окопъ впереди форта III остался въ ихъ рукахъ.

На слѣдующей день съ удвоенною яростью они бросились на форты и снова были отбиты со страшными потерями.

Бомбардировка рейда и города не утихала.

15-го въ трехъ мѣстахъ вспыхнули большіе пожары.

Между тѣмъ, наши войска, воодушевленные успѣшнымъ отраженіемъ штурмовъ, смѣлой вылазкой вытѣснили японцевъ изъ окопа передъ фортомъ III и отняли взятый раньше японцами капониръ № 3.

16-го сотни снарядовъ рвались въ гавани, въ «Минномъ городкѣ» и на всѣхъ позиціяхъ; японцы въ злобномъ порывѣ стали, было, тѣснить наши войска.

Вызвали резервъ. Мы подтянулись къ фортамъ II и III и стояли въ готовности.

Но на другой день наши войска съумѣли и безъ резервовъ управиться съ непріятелемъ — всѣ штурмы были отбиты.

Наши потери за эти дни превышали 2000 человѣкъ.

Еще три раза японцы бросались на фортъ III, но безуспѣшно. И тогда началась подземная минная война.

Какъ кроты стали копаться японцы, роя минныя галлереи; съ нашей стороны инженеры и саперы принялись за то-же.

Ближе и ближе подрывались враги, подкапываясь подъ наши форты.

Осада крѣпости затягивалась.

Въ бомбардировкѣ японцамъ везло; 20-го ими были утоплены наши пароходы—«Нингута», «Гиринъ», «Зея» и «Бурея»—четыре за одинъ день, а на слѣдующій день зажгли наши склады.

Въ ночь на 22-ое Мичманъ Дмитріевъ на минномъ катерѣ встрѣтилъ въ морѣ три японскихъ миноносца и, ловкимъ маневромъ проскочивъ сквозь строй, взорвалъ одинъ изъ нихъ самодвижущейся миной, послѣ чего благополучно ушелъ отъ ихъ снарядовъ.

Больше двухъ недѣль не рѣшались японцы на новый штурмъ; за то подземная война, бомбардировки и вылазки съ нашей стороны не прекращались.

Судамъ эскадры доставалось сильно: одиннадцатидюймовыя бомбы губили ихъ; людей на корабляхъ оставалось только самое необходимое число, чтобы поддерживать въ нихъ жизнь и для стрѣльбы перекиднымъ огнемъ по непріятелю.

Миноносцы продолжали постоянно выходить въ море и забрасывать минами непріятельскія бухты.

Траленіе минъ на рейдѣ продолжалось, но уже было сильно затруднено потерями въ тралящемъ караванѣ.

Дни 29-го и 31-го принесли намъ несчастіе: четыре нашихъ миноносца были выведены изъ строя, взорвавшись на японскихъ минахъ,—«Бдительный», «Сердитый» и «Сильный», «Стройный»-же отъ взрыва проломился пополамъ и пошелъ ко дну; нѣсколько человѣкъ

было тяжело ранено, а спасенные со «Стройнаго» мичманъ Алексѣй Соколовъ и инженеръ-механикъ Носовичъ погибли, переодѣваясь въ каютъ-компаніи «Сильнаго», такъ какъ именно подъ нею взорвалась мина.

Тяжелыя условія жизни въ осажденной крѣпости давали себя чувствовать; конина уже давно замѣняла

Взрывъ Минной Лабораторіи 20 октября 1904 г.

мясо, она чередовалась съ консервами, да и то доставалась не вдоволь.

Съ легкой руки лейтенанта Подгурскаго ручныя бомбы вошли во всеобщее употребленіе; теперь обширныя мастерскія изготовляли ихъ въ громадномъ количествѣ.

Не обходилось и безъ несчастныхъ случайностей. Я былъ однажды свидѣтелемъ, какъ во время бомбардировки японскіе снаряды разнесли одну такую мастерскую, гдѣ находилось очень большое количество взрывчатыхъ веществъ.

Произошелъ ужасный взрывъ.

Громадный куполъ бѣлаго дыма застлалъ половину неба—впечатлѣніе было потрясающее; за первымъ взрывомъ послѣдовало еще два. Японцы увидѣли результаты своей стрѣльбы и участили ее. И тѣ 12 человѣкъ, что находились въ мастерской погибли такъ что отъ нихъ и слѣдовъ не осталось.

Наступилъ Ноябрь мѣсяцъ; онъ былъ рѣшающимъ для судьбы крѣпости и эскадры—насъ ждали тяжелыя испытанія и непоправимыя неудачи.

Не умѣю стройно и послѣдовательно изложить это тревожное время.

Вотъ—мой дневникъ.

Ноябрь.

«7-го. По свѣдѣніямъ отъ китайцевъ на дняхъ долженъ начаться чрезвычайно рѣшительный и настойчивый штурмъ, послѣдствія котораго должны имѣть для насъ рѣшающее значеніе; что они дѣятельно готовятся, подходятъ войска. возводятся новыя батареи; что количество ихъ войскъ превосходитъ 40 тысячъ человѣкъ, настроеніе будто у нихъ неважное, такъ какъ на сѣверѣ дѣла плохи.

Съ цѣлью перейти ровъ форта № 3 японцы кидаютъ въ него смоченныя соленой водой фашины изъ гаоляна; пока наши отбивались бомбочками, теперь рѣшено примѣнить противъ фашинъ рѣшительное средство — керосинъ; можетъ быть, по пылающимъ фашинамъ перейти ровъ будетъ затруднительно.

Тѣ же китайцы говорятъ, что японская эскадра придетъ въ бухту Тахэ бомбардировать насъ.

Сегодня «Полтавѣ» удалось уничтожить огнемъ двѣнадцати-дюймовыхъ часть «Кумирнинскаго» редута и разбить три японскихъ полевыхъ пушки.

Передъ обѣдомъ завязалась очень оживленная орудійная перестрѣлка только изъ за того, что съ форта № 3 удачно бросали ручныя бомбочки.

Такъ какъ мы на порогѣ великихъ событій, то приказано приготовить добавочные резервы.

Всѣ мы готовы къ упорной защитѣ—настроеніе весьма бодрое.

Подъ вечеръ на фортъ № 3 былъ произведенъ неожиданный и страшный штурмъ; человѣкъ 25 японцевъ вбѣжало на бруствeръ, гдѣ и были уложены нашими; остальные и подходившіе резервы подъ адскимъ огнемъ бросились бѣжать. Мы потеряли лишь 20 человѣкъ.

И эта удача произошла несмотря на то, что передъ атакой японцами было сдѣлано нѣсколько подземныхъ взрывовъ, обвалившихъ часть бруствера.

Только что узналъ, что сегодня былъ совѣтъ нашихъ генераловъ и адмираловъ; выяснилось, что изъ тысячи бронебойныхъ шести-дюймовыхъ снарядовъ оставшихся на эскадрѣ—500 останутся на быстроходнѣйшемъ крейсерѣ на всякій случай, остальные будутъ раздаваться въ теченіи двухъ мѣсяцевъ на батареи. А фугасныхъ шести-дюймовыхъ осталось 14 штукъ. Въ снарядахъ такой сильный недостатокъ, что ихъ изготовляютъ теперь въ порту своими средствами; дѣло это налаживается.

«8-го. Съ 7 час. утра до 5 час. вечера былъ на работахъ. Углубляли окопы на «Скалистой горѣ».

Между прочимъ, на брустверъ вышелъ одинъ матросъ; его развѣвающаяся вѣтромъ шинель, обратила вниманіе японцевъ и они выпустили по немъ пару снарядовъ.

Съ морской батареи на «Скалистой горѣ» я наблюдалъ непрерывное движеніе у непріятеля вьючныхъ лошадей и людей, по одиночкѣ выпускаемыхъ изъ за «Сахарной головы» подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Тамъ-же прогуливалась группа офицеровъ, блестя саблями.

На форту № 3 я видѣлъ частыя перебрасыванія въ ровъ бомбочекъ. На гласисѣ укрѣ-

пленія № 3 отлично видна японская сапа, густо обложенная со всѣхъ сторонъ мѣшками съ землею.

Вообще, минная и сапная война занимаетъ главное мѣсто, такъ какъ она представляетъ собою хотя медленный, но вѣрный способъ овладѣнія крѣпостью. Таково мнѣніе инженеровъ, которые говорятъ, что открытое наступленіе есть, большею частью, безполезная трата людей.

И, въ самомъ дѣлѣ, наша 1-я линія на правомъ флангѣ удерживается теперь уже съ громаднымъ трудомъ.

По полученнымъ на дняхъ съ джонкой извѣстіямъ наша Балтійская эскадра прошла Испанію. Что то ждетъ ее?.

Мнѣ нравится обстановка передовыхъ позицій. Интересенъ самый ходъ событій, а картинки войны такъ красивы и необыкновенны.

На позиціяхъ разсказывали, что въ ночь на сегодня была произведена удачная вылазка передъ фортомъ № 2; наши стрѣлки засыпали цѣлый японскій окопъ—работу долгихъ дней».

«9-го. Гремитъ бойкая бомбардировка рейда, порта и города. Опять зажгли масляный городокъ подъ «Золотой горой», это было въ полдень, а теперь ночь, но пожаръ не стихаетъ. Японцы непрерывно, рѣдкимъ огнемъ палятъ по громадному черному дыму; его ясно видно, такъ какъ ночь—лунная, яркая...».

«10-го. Сегодня вечеромъ былъ штурмъ батареи Лит. Б, отбитый безъ помощи резервовъ; въ

Послѣдніе дни Портъ-Артура. Затонувшій „Гилякъ".

немъ участвовали роты «Побѣды» и «Паллады»—ихъ потери ничтожны.

Въ 2 часа ночи случилась роковая для японцевъ ошибка: нѣсколько человѣкъ явилось въ нашъ окопъ, принявъ его за свой, пришли на работу съ инструментами и пироксилиновыми шашками. Конечно, гостей перекололи, а имущество отобрали.

«11-го. Утромъ священникомъ съ «Севастополя» была устроена для моей и севастопольской команды общая исповѣдь и отслуженъ молебенъ. Кажется, это своевременно, такъ какъ положеніе наше стало очень напряженнымъ.

Днемъ заходилъ по дѣлу въ казармы 9-го полка. Это мѣсто засыпается шальными пулями. Тамъ квартируетъ часть нашего десанта.

Почти ежедневно убиваетъ и ранитъ людей этими шальными пулями, а валяется ихъ на дорогѣ столько, что я, проходя, набралъ ихъ себѣ полные карманы.

По ночамъ шальныхъ пуль всегда больше, такъ какъ стрѣляютъ часто зря—померещится что нибудь.

За день въ «Амуръ» попало 1 снарядъ, въ «Ретвизанъ»—3».

«12-го. Въ 6 час. утра ушелъ на работу на «Скалистую гору». Бомбардировка еще усилилась. Форты II и III и укрѣпленіе № 3 густо забрасывались одиннадцати-дюймовыми.

Чувствуется приближеніе штурма.

Я видѣлъ сегодня со злорадствомъ какъ три одиннадцати-дюймовыхъ японскихъ бомбы влѣпили въ ихъ собственные окопы передъ фортомъ III.

Къ вечеру поднялся сильнѣйшій вѣтеръ; работать стало трудно.

Къ полуночи дѣло приняло серьезный оборотъ.

Приказано резервамъ быть готовыми.

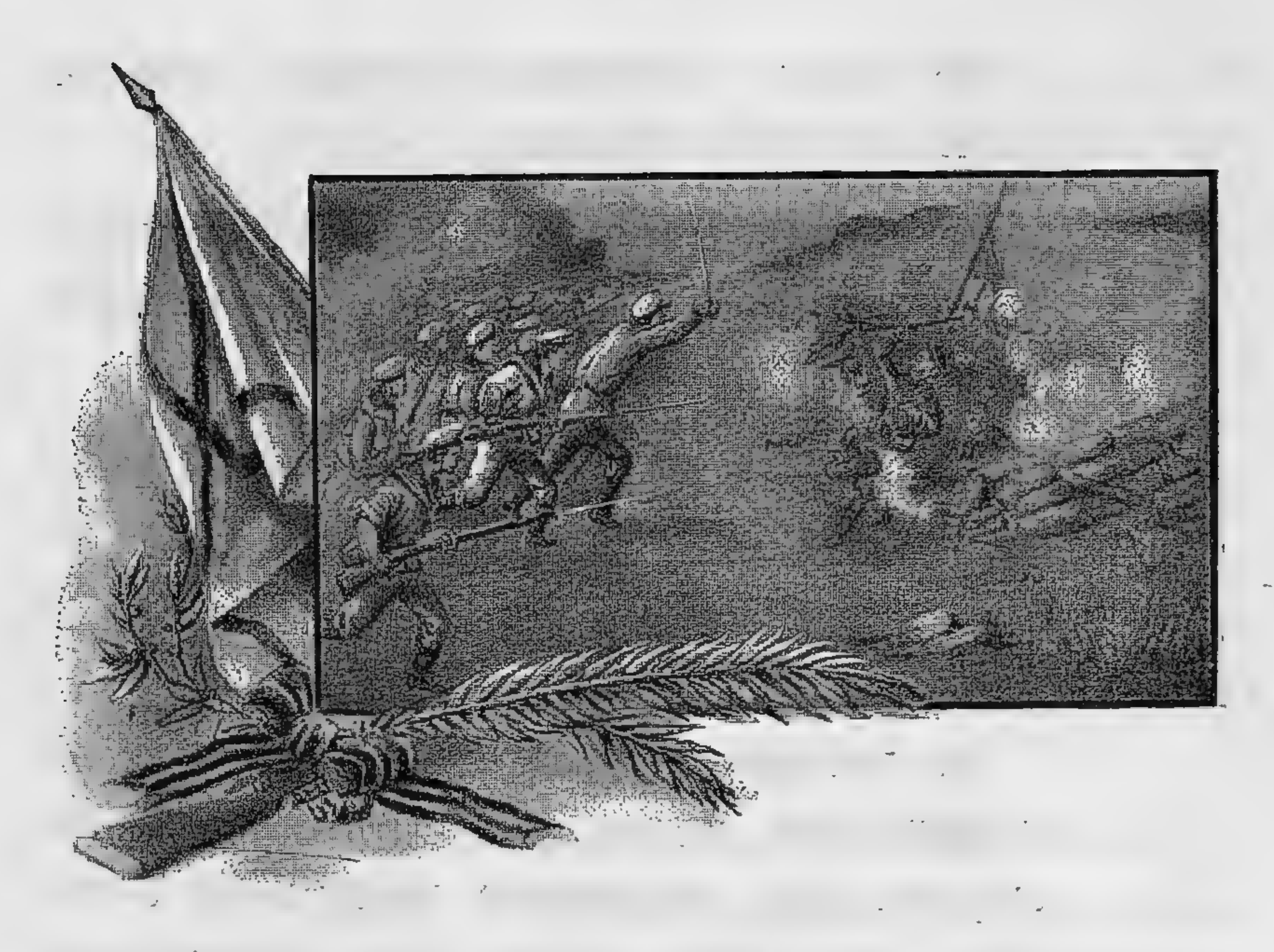
Сейчасъ иду съ ротой занимать ночной караулъ береговой охраны.

«13-го. Съ утра стрѣльба приняла видъ грозной канонады.

Наступленіе идетъ по всему фронту.

Держу людей наготовѣ; они подраться непрочь, хоть и есть среди нихъ новички...».

Штурмы восточнаго фронта.

«22-го. Сижу со своимъ резервомъ на дачѣ совершенно разбитый.

Разскажу, что было.

Когда, 13-го, мы садились завтракать, я замѣтилъ, что у меня—предчувствіе: когда будемъ кончать завтракъ насъ вызовутъ въ ружье.

Мои слова оправдались.

Насъ вызвали.

Всѣ роты резерва собрались у казармы Квантунскаго экипажа; часть отправили къ форту III и «Курганной» батареѣ, другая, мы въ томъ числѣ, осталась.

Шелъ штурмъ форта III, укрѣпленій № 3 и № 2, батареи лит. Б, форта II; словомъ, почти всего фланга.

Не стану описывать слишкомъ знакомой картины штурма издали.

Часа черезъ два оставшіяся роты перевели въ казармы 10-го полка, въ резервъ ближайшимъ позиціямъ.

При штурмѣ былъ убитъ капитанъ 2 ранга Н. И. Бахметевъ, старшій офицеръ «Севастополя», человѣкъ беззавѣтной храбрости и полный энергіи.

Онъ предложилъ сигнальными флагами днемъ и фонарями ночью указывать въ моментъ штурма, куда направлено наступленіе японцевъ, что очень важно для подтягиванія резервовъ, такъ какъ телефоны могутъ не дѣйствовать, да и ошибокъ съ такой простой сигнализаціей меньше.

Десантъ съ «Полтавы» былъ въ этотъ день при штурмѣ бат. лит. Б, причемъ на долю 2-ой полуроты выпало вышибить японцевъ изъ окопа, что ими было блестяще выполнено: командиръ полуроты съ саблей въ рукѣ гнался за убѣгавшими японцами; командиръ роты съ такимъ же успѣхомъ прогналъ японцевъ съ «Куропаткинскаго люнета», причемъ былъ раненъ въ ногу.

Къ вечеру перестрѣлка, почти совершенно утихшая, возгорѣлась снова; насъ экстренно потребовали въ казармы 9-го полка.

На «Курганной» шелъ штурмъ, на что указывали красный и бѣлый сигнальные огни, по системѣ Бахметева.

Японцы, зная, что мы будемъ подтягивать резервы къ «Курганной», открыли сильнѣйшій непрерывный огонь по дорогѣ, ведущей въ казармы 9-го полка, ближайшія къ «Курганной».

Я велъ кромѣ своего резерва еще «дополнительный», подъ командой одного прапорщика флота.

Долженъ сознаться—идти было жутко.

Темно. Бомбы съ визгомъ пролетаютъ сквозь крыши домовъ—сыпятся искры, вокругъ—громъ, адъ и смерть...

Я велъ людей пятками—кучками по 5 человѣкъ черезъ каждые 40 шаговъ, и удалось привести ихъ невредимыми, въ одинъ же изъ пятковъ дополнительнаго резерва въѣхала бомба—одному оторвало ногу и двухъ ранила.

Вечеромъ ранило одного изъ моихъ шальной пулей.

Все время японцы обсыпали всѣ подступы къ Курганной, даже казармы 9-го полка; къ счастью для насъ, не особенно удачно.

Ночь провелъ, конечно, безъ сна. Вокругъ была суета, звенѣлъ телефонъ—требовали резервъ, стѣны и стекла дрожали отъ стрѣльбы, пули щелкали въ крышу и окна.

Наконецъ, почти всѣхъ разослали; остались въ казармахъ только мой резервъ и всѣ дополнительные.

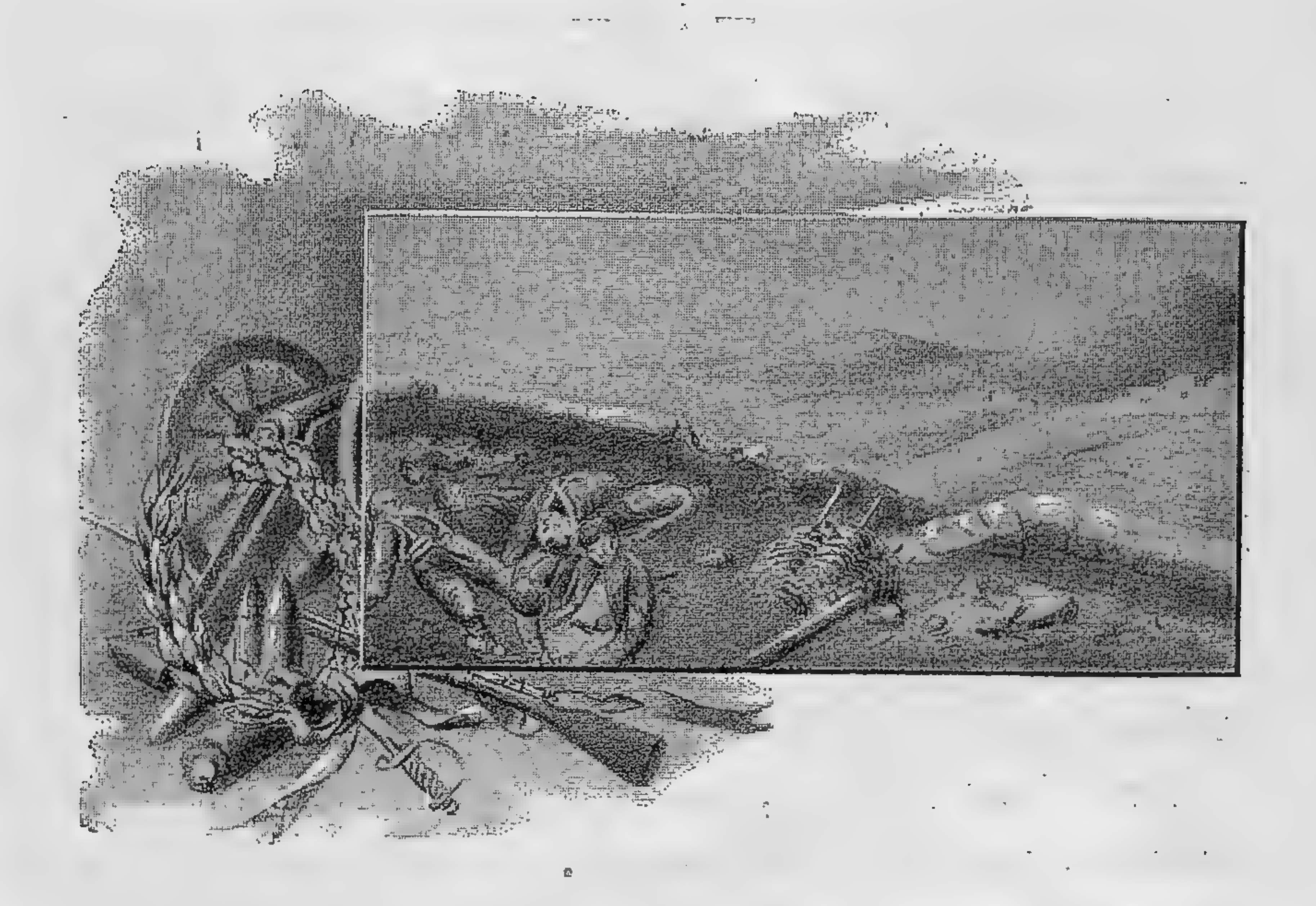
Только подъ утро удалось слегка вздремнуть на стулѣ.

14-го съ утра въ ожиданіи вызова пошелъ со своимъ прапорщикомъ собирать пули; мы быстро наполнили карманы. Нечаянно выйдя изъ ограды, зашли въ арсеналъ; по дорогѣ одна пуля шлепнулась такъ близко пролетѣвъ между правой рукой и туловищемъ, что ударъ отозвался въ старой ранѣ острой болью.

Днемъ начальникъ дополнительнаго резерва старшій офицеръ «Ретвизана» пригласилъ прогуляться на «Курганную»...

Кончаю. Вызвали въ ружье...».

Штурмы Высокой горы.

«29-го. Только сегодня могу записать впечатлѣнія истекшихъ дней.

Продолжаю.

И такъ, мы съ начальникомъ дополнительнаго резерва 14-го днемъ отправились на «Курганную», а такъ какъ закрытой дороги не знали ни онъ, ни я, то пошли напрямикъ, за что рисковали быть жестоко наказанными, такъ какъ путь намъ обсыпали во всю; кажется, раньше я не видѣлъ, чтобы мѣстность до такой степени, какъ тамъ, была обсыпана осколками.

На батареѣ мы застали всѣхъ офицеровъ въ блиндажѣ, передававшими другъ другу впечатлѣнія ночи; намъ разсказали, что японцы были у самыхъ пушекъ, что ихъ легло громадное количество.

Насъ заинтересовало посмотрѣть на поле битвы и мы подошли къ амбразурѣ одной изъ пушекъ.

Картина, которую я увидѣлъ, была, по крайней мѣрѣ, непривлекательна; сколько глазъ хваталъ, были видны трупы, изуродованные, ободранные, полураздѣтые, совершенно синіе.

Созерцаніе этой ужасной картины смерти было прервано японской шрапнелью, которая, лопнувъ, ранила раздѣлившему со мною любопытство стрѣлку руку.

И такъ штурмъ всего восточнаго фронта былъ отбитъ.

Мнѣ было досадно, что я не участвовалъ въ дѣлѣ; казалось, что оно уже кончено.

Однако, подъ вечеръ на Курганной снова возгорѣлась стрѣльба, но не надолго. Скоро все приняло обычный видъ и только бомбы разныхъ величинъ рвались въ безпорядкѣ въ разныхъ мѣстахъ позади фронта.

Въ ночь на 15-ое я былъ посланъ занять пороховой редутъ впереди «Перепелиной»; мѣсто мирное, насъ тамъ угостили на славу. Выставили дежурный взводъ да посты и выспались до утра.

Наше пробужденіе привѣтствовалъ грохотъ выстрѣловъ на лѣвомъ флангѣ.

Прислано за мною.

Приказали идти въ штабъ 5-го полка.

У меня было 40 человѣкъ, при нихъ машинный кондукторъ Макаровъ.

Мы весело тронулись въ путь.

Разстояніе было очень велико; мы выступили послѣ обѣда, а въ штабѣ 5-го полка были когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Къ страницѣ 198.

Послѣ отраженія штурма.

Мѣста для меня были малознакомыя.

Впереди виднѣлась освѣщенная прожекторомъ «Высокая» гора; на ней непрерывно что то рвалось, шла сильная ружейная трескотня — готовились къ штурму.

Моихъ людей поставили въ резервъ.

Я вошелъ въ штабъ.

Тутъ были генералъ Кондратенко, полковникъ Ирманъ и начальникъ десанта.

Но первый, кто мнѣ попался, былъ Дейчманъ. Онъ говорилъ съ Ирманомъ, который поручалъ ему командованіе стрѣлковой ротой и немедленно вести ее на «Высокую» для выбитія японцевъ, которые въ этотъ моментъ уже штурмовали гору и заняли вершину.

Дейчманъ весело отвѣтилъ:

— «Слушаюсь, г-нъ полковникъ!..» и, сказавъ нѣсколько бодрящихъ словъ людямъ, двинулся въ путь.

Настроеніе было тревожно.

Непрерывно съ горы передавали по телефону, что никакъ не могутъ выбить японцевъ, что трудно даже опредѣлить что они заняли и куда направить рѣшающій ударъ.

Рѣшили подбавить резерва; послали роту съ «Побѣды», уже сильно обстрѣлянную еще на Курганной, подъ командой мичмана Бершадскаго съ мичманомъ Флейшеромъ.

Этотъ послѣдній имѣлъ грустный, покорный и усталый видъ; мнѣ было почему то невыразимо жалко его — точно предчувствіе чего то неотвратимаго.

Мимо штаба тянулась непрерывная вереница раненыхъ.

Вѣсти были неутѣшительны: нѣсколько разъ люди бросались въ атаку, но, добѣжавъ уже до гребня инстиктивно падали, не будучи увѣрены, что встрѣтятъ лицомъ къ лицу противника, а не пустое мѣсто.

Между тѣмъ наступила ночь.

Командиръ «Амуро-Палладской» роты ходилъ по «Высокой» съ Дейчманомъ и сговаривался, какъ атаковать засѣвшихъ въ нашемъ редутѣ японцевъ.

Когда переговорили, Дейчманъ взялъ мичмана за руки и сказалъ:

— «Такъ, значитъ, все рѣшено... и...»—онъ не кончилъ — пуля, попавшая въ лобъ, убила его наповалъ.

Въ штабѣ тотчасъ по телефону узнали объ этомъ и всѣ искренне пожалѣли, что не стало храбраго Дейчмана.

Послѣдовавшая за этимъ атака была удачна — японцы были выбиты; гора осталась за нами и лишь часть траншеи, подъ лѣвой сопкой, къ которой подходила японская сапа, осталась въ рукахъ непріятеля.

Въ этомъ горячемъ дѣлѣ былъ убитъ мичманъ Флейшеръ и смертельно раненъ Бершадскій.

Такимъ образомъ, часовъ до 4-хъ утра 16-го никто не спалъ въ штабѣ; вокругъ Кондратенко группировались всѣ вѣсти; мы подлѣ него переживали всѣ подробности штурма.

Наконецъ, когда стало извѣстно, что японцы выбиты, всѣ кое какъ прикурнули.

Погрузившись въ сонъ, я былъ перенесенъ воображеніемъ въ домашнюю обстановку, чередовались — очаровательныя картины съ нелѣпыми; наконецъ, ко мнѣ подошла женщина и, грустно и ласково проговоривъ что то, показала листъ бумаги, на которомъ было четко написано:

— «Сегодня ты будешъ убитъ — ».

Едва успѣлъ я прочесть это, какъ проснулся и услыхалъ голосъ Ирмана:

— «Скорѣй господа, вставайте!.. на «Высокую»... японцы тѣснятъ!..», говорилъ онъ, входя въ комнату.

Мы вскочили.

Я былъ нѣсколько озадаченъ.

Свѣтало.

Передъ глазами еще была записка, видѣнная во снѣ, и я велъ уже роту на «Высокую», гдѣ шла непрерывная ружейная трескотня и сильнѣйшая бомбардировка 11-дюймовыми бомбами.

Когда я былъ подъ самой горой, мнѣ показалось, что живымъ уйти съ нея невозможно; но эта мысль меня не поразила.

Поднялись на гору.

Тамъ явился командиру 5-го полка, полковнику Третьякову.

Штурмъ былъ уже отбитъ снова.

Увидѣнное мною на горѣ трудно поддается описанію. На «Высокой» не было прикрытій, поражалась она съ фронта, праваго фланга и тыла—условія невозможныя.

Люди таяли.

Это была борьба человѣческаго мяса съ 11-дюймовыми бомбами; отъ ихъ разрыва люди и бревна взлетали на воздухъ и съ пятисаженной высоты падали, разбивались и скатывались по склону.

И лишь, какимъ то чудомъ, уцѣлѣлъ комендантскій блиндажикъ съ телефономъ; всѣ остальные были завалены и разбросаны.

Очень скоро отъ насъ потребовали взводъ для занятія траншеи съ лѣвой стороны правѣе части, занятой японцами; съ другимъ взводомъ я занялъ верхній окопъ подъ лѣвой сопкой.

Мы не долго ждали.

Начался штурмъ.

Густая толпа японцевъ дико ринулась на лѣвую сопку, вышла изъ сапы и попалась подъ адскій огонь. Бомбочки тучами полетѣли въ наступающихъ. Поднялся невообразимый гамъ.

Уже японскій флагъ былъ выставленъ подъ лѣвой сопкой, когда они больше не выдержали и обратились въ бѣгство.

Я залюбовался при этомъ на штабсъ-капитана Бѣловзорова; онъ выскочилъ на гребень горы размахивая саблей, за нимъ бросились стрѣлки — и, въ этотъ моментъ, пуля или осколокъ ударилъ ему въ голову; молодецъ со стономъ упалъ на руки солдатъ и былъ унесенъ ими.

Пришло извѣстіе, что цѣлый взводъ стрѣлковъ заваленъ блиндажемъ обрушившимся подъ 11-дюймовой бомбой.

Это случилось въ траншеѣ. Тамъ было ужасно. Люди гибли живьемъ засыпаемые землей и задавленные блиндажами.

Крытаго сообщенія давно не было.

Нельзя себѣ представить ничего болѣе безотраднаго и ужаснаго, какъ это сидѣніе въ траншеѣ.

Люди, изъ ряда которыхъ ежесекундно вырывались новые жизни, ждали конца, отупѣвшіе, обезумѣвшіе.

Мои молодцы сидѣли бодро рядомъ съ японцами; первымъ былъ убитъ матросъ Дьячукъ.

Все это было на-дняхъ и уже какъ то перепуталось.

Помню что было вечеромъ 16-го.

Мнѣ было предложено произвести развѣдку.

И когда наступила темнота я впереди 30 человѣкъ «Амуро-Палладской» роты перелѣзъ черезъ гребень и мы потащились ползкомъ, по одному, внизъ.

Когда я доползъ до траншеи, мнѣ встрѣтилась въ землѣ какая-то черная дыра, изъ которой доносился стонъ.

Заинтересованный, я влѣзъ въ отверстіе — это была какая то нора, гдѣ я едва умѣстился, а подо мною, будто изъ земли, безсвязно бормоталъ что то человѣческій голосъ.

Я чиркнулъ спичку и — волосы на головѣ зашевелились отъ ужаса.

Изъ земли торчала одна голова и погонъ, казалось — это былъ заживо погребенный.

Коснѣющимъ языкомъ онъ говорилъ, какъ въ бреду:

— «...идите сюда... здѣсь безопасно... здѣсь много людей... здѣсь хорошо... голубчики вы мои...»

Его надо было отрыть, быть можетъ, онъ умиралъ.

Во мнѣ боролись два чувства: надо было, не теряя времени, вести 30 человѣкъ въ траншею—они не знали дороги и безъ меня могли бы напрямикъ попасть къ японцамъ — къ чорту на рога.

Но — тридцать или одинъ? Выбора быть не могло. И я выскочилъ изъ ямы и мы поползли дальше.

Мои люди, утомившіеся за день (изъ 20 въ строю оставалось 11) были смѣнены; при «Амуро-Палладскихъ» былъ кондукторъ; они пошли подкрѣпиться ужиномъ принесеннымъ съ корабля. Я сейчасъ же вернулся наверхъ и выпросилъ охотниковъ.

Четверо молодцовъ съ лопатами бѣгомъ побѣжали за мною къ ямѣ — это была часть засыпанной отъ взрывовъ траншеи — и принялись откапывать несчастнаго.

Черезъ каждыя двѣ—три минуты неизмѣнно прилеталъ съ шумомъ паровоза одиннадцатидюймовый снарядъ и уничтожалъ часть людей и ихъ работъ.

Ружейная стрѣльба была нервная.

Я спустился съ горы, чтобы вызвать охотниковъ—мои люди успѣли отужинать; взялъ двухъ изъ нихъ: матроса Чугункина и гальванера Воробьева. А моего любимца, ординарца и дядьку, Поликанина, нигдѣ не могъ найти; послѣ узналъ я, что онъ тоже искалъ меня и лазилъ по склону «Высокой» пока его не подстрѣлили — рана оказалась смертельной, онъ умеръ черезъ три дня.

Бѣдный, милый Поликанинъ...

Между тѣмъ — было за полночь.

Луна однимъ рогомъ выплывала изъ за горъ. Но склонъ обращенный къ японцамъ оставался неосвѣщеннымъ.

Мы, втроемъ, поползли по назначенію.

Когда разрывался одиннадцатидюймовый, мы кидались впередъ, пользуясь тѣмъ, что грохотъ разрыва заглушалъ шумъ производимый нами.

Въ траншеѣ наши старались расчищать ее, но на нихъ жалко было смотрѣть.

Никакія силы не могли тутъ ничего сдѣлать. Мнѣ оставалось только говорить бѣднягамъ — «Богъ въ помощь!».

Пошли влѣво.

Намѣреваясь перелѣзть черезъ обвалившійся блиндажъ, я вылѣзъ изъ траншеи и проползъ нѣсколько шаговъ, когда услышалъ шипѣніе 11-дюймоваго; мнѣ показалось, что эта бомба летитъ именно въ меня, стало невообразимо жутко. Я легъ не двигаясь — ни живъ, ни мертвъ.

Наконецъ, гдѣ то рядомъ — адскій вой, разрывъ, что то меня щелкнуло по ногѣ, подкинуло на воздухъ и я упалъ въ какую то яму прямо на колъ, который нелѣпо торчалъ изъ нея.

Пола пальто была уничтожена, все тѣло ныло отъ ударовъ; — мнѣ оставалось удивиться, что я, въ общемъ, невредимъ.

Полземъ дальше.

Вотъ траншея занятая «Севастопольцами», ихъ командиръ, мичманъ Петровъ, сидѣлъ у входа. Я разсказалъ о цѣли путешествія и мы съ нимъ внимательно осмотрѣли мѣстность. Затѣмъ надлежало изслѣдовать японскую траншею. Она отдѣлялась отъ нашей открытой ямой; по нашу сторону стоялъ часовой съ бомбочкой и ружьемъ направленнымъ поверхъ обвалившагося блиндажа, составляющаго родъ траверза между противниками.

До этого траверза было не болѣе двухъ саженъ и онъ не доходилъ до земли, оставляя $^1/_2$ аршина для лазейки.

Представлялось возможнымъ проникнуть внутрь.

Я полѣзъ. Вѣроятно, не менѣе получаса прошло, пока я проползъ двѣ, три сажени—настолько старался не шумѣть.

Наконецъ, когда весь пролѣзъ, кругомъ стало все черно и тѣсно; впереди меня виднѣлся треугольный просвѣтъ; когда голова въ немъ заклинилась, я убѣдился, что это были три бревна обвалившейся траншеи.

А за бревнами притаились японцы; я приникъ ухомъ, держа свой браунингъ у отверстія. Однако, среди гула безчисленныхъ взрывовъ не слышалъ ни одного человѣческаго голоса.

Повернувшись, я тихо ползъ обратно.

Затѣмъ мы прошли насквозь всю траншею въ теченіе трехъ часовъ.

Пространство до правой вершины было занято стрѣлковой ротой, а еще правѣе ихъ—или никого не было,

или были японцы, почему былъ устроенъ траверзъ изъ мѣшковъ.

Вся эта часть была въ ужасномъ видѣ.

Земля, бревна, трупы, какъ нашихъ, такъ и японцевъ были въ такомъ количествѣ и безпорядкѣ, что и думать было нечего возстановить непрерывное сообщенiе, а это обстоятельство превращало траншею въ братскую могилу.

Мы, втроемъ, пролѣзли кругомъ всю траншею, встрѣтя только много мертвыхъ японцевъ и ни одного живого.

Между тѣмъ, въ комендантскомъ блиндажѣ молодежь поочереди давала совѣты, какъ вышибить японцевъ изъ занятой траншеи...

Я усталъ и, спустившись съ горы къ водокачкѣ, прикурнулъ въ темномъ углу и заснулъ.

Но недолго спалъ—ночь была на исходѣ.

17-го на разсвѣтѣ что-то случилось.

Трескотня вдругъ сдѣлалась адская. Шрапнель стала рваться бѣшенно.

Всѣ забѣгали, закричали—«резервы! резервы!»...

Мы уже лѣзли наверхъ, плохо соображая со сна.

Горнистъ игралъ наступленiе.

Начался ужасный день.

Я не могу теперь вспомнить что за чѣмъ слѣдовало. На лѣвой сопкѣ змѣились какiя то бѣлыя ленты, указывавшiя японцамъ, куда стрѣлять. Одиночные люди выбѣгали впередъ, временами цѣлая часть бросалась въ атаку; казалось, японцы устроили какой то непонят-

ный бѣшенный танецъ—чувствовалось только ихъ желаніе лѣзть вверхъ.

Наконецъ, будто съ разбѣга, кинулись они густой колонной въ атаку по всему фронту горы.

Этого ужаснаго натиска, сопровождаемаго разрывами ручныхъ пироксилиновыхъ бомбочекъ и 11 дюймовыхъ бросаемыхъ по тыловой сторонѣ «Высокой», этого бѣшеннаго натиска наши не выдержали, дрогнули и подались назадъ; еще секунда—и вся масса людей, съ испуганными лицами, уже готова была обратиться въ бѣгство.

Тутъ пришла наша очередь дѣйствовать.

Мы—наша и «Побѣдская» рота—двинулись наверхъ, приняли въ свои ряды бѣгущихъ внизъ, тотчасъ же заставивъ ихъ повернуть и уже густой, сильной массой съ криками «ура» бѣгомъ кинулись на редутъ. Я не помню, какъ мы очутились въ редутѣ, какъ были уже у бруствера и—японцы бѣжали.

Потомъ собрались снова и съ криками—«Бан-зай!!..» бросились снова въ атаку; впереди бѣжалъ офицеръ съ развѣвающимся флагомъ въ рукѣ. Тутъ мой гальванеръ Воробьевъ, не долго думая, хватилъ офицера прикладомъ и флагъ отобралъ; видя это, японцы не выдержали и бросились въ отчаянное бѣгство.

И бѣжали густой толпой, безъ оглядки, неся страшныя потери. Одинъ изъ послѣднихъ догадался выхватить флагъ поставленный подъ лѣвой сопкой и оставшіеся въ живыхъ стрѣлой влетѣли въ свои окопы.

Стрѣльба сразу стихла; изъ японскихъ окоповъ выглядывали головы. Вся гора была усѣяна убитыми и ранеными.

Душу раздирающіе стоны носились надъ склономъ «Высокой».

Штурмъ былъ отбитъ.

Опять началась такая же ужасная, какъ и раньше, бомбардировка, опять приходили люди пополнять убыль и послѣ сами убывали. Въ этотъ день японскій флагъ три раза развѣвался на «Высокой»—и три раза скатывались японцы съ горы съ великими потерями.

Межъ тѣмъ и наши потери были очень значительны. Комендантъ горы былъ тяжело раненъ, нѣсколько офицеровъ убито; одинъ лежалъ распластавшись на дорожкѣ подлѣ того мѣста, гдѣ мы всѣ обыкновенно сидѣли съ Третьяковымъ.

Нѣтъ, нѣтъ—кто нибудь. рядомъ, вдругъ схватится за грудь или животъ, застонетъ и упадетъ.

Убитыхъ уже совсѣмъ не убирали.

На душѣ становилось тоскливо ужасно; а кругомъ такъ и валятся, перевернется человѣкъ черезъ голову и такъ и останется лежать въ странной, неестественной позѣ.

Взглянулъ я направо отъ себя—вижу, сидитъ какой то фельдфебель, блѣдный какъ полотно.

Я сѣлъ съ нимъ рядомъ, онъ едва замѣтно дышалъ. Я взялъ его за руку—какъ плеть.

Ищу пульсъ—еле слышенъ.

Оказывается—грудь прострѣлена насквозь—видна въ буршлатѣ дырка, но крови—ни капли.

Отраженіе Штурма.

Онъ умиралъ. Я взялъ его за руку и такъ держалъ, пока онъ не умеръ.

Тогда побрелъ назадъ и увидѣлъ подпоручика Рафаловича—ему оставалось жить четыре дня...

Пошелъ на правый склонъ смотрѣть какъ обстрѣливаются японцы атакующіе Плоскую гору; оказалось—превосходно я увидѣлъ массу японскихъ труповъ на лѣвомъ ея склонѣ. Зато и нашимъ стрѣлкамъ доставалось отъ шрапнельнаго огня.

Оттуда я пошелъ подъ гору въ лощины и то, что увидѣлъ, привело меня въ ярость. Въ укромныхъ уголкахъ попрятались отсталые, бѣжавшіе съ горы. Кондукторъ съ «Амура» и сухопутный фельдфебель съ прострѣленной въ трехъ мѣстахъ рукою помогли мнѣ собрать этихъ людей и скоро на гору потянулась вереница слабыхъ душою.

Легко раненые тоже не остались безъ дѣла, мы усадили ихъ плести фитили, носить бомбочки, собирать брошенные патроны, ружья, сумки.

Я вернулся на гору; крутая она, камни скатываются подъ ногами, все время невольно падаешь на руки.

Вѣсти были тревожныя.

Отовсюду сообщали, что большія массы японцевъ подтягиваются къ горѣ и перебѣгаютъ въ мертвое пространство подъ сѣверо-западнымъ склономъ.

Бомбардировка приняла невѣроятные размѣры. Было ясно, что скоро начнется отчаяннѣйшій штурмъ.

Людей оставалось мало, а въ резервѣ не было никого.

*

Между прочимъ, мичманъ Воронцовъ-Вельяминовъ предложилъ закусить; всѣ были голодны и пошли было—Воронцовъ, другой мичманъ и я—къ телефонному блиндажу, гдѣ былъ припасенъ ужинъ. По дорогѣ среди насъ разорвалась 11-дюймовая бомба и раскидала насъ во всѣ стороны; когда мы вылѣзли изъ облака пыли и дыма—мичманъ, блѣдный и растерянный, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и грохнулся на земь почти безъ чувствъ—это была сильнѣйшая контузія въ спину.

А у меня такъ звенѣла голова, что ужинать не пришлось. Я даже плохо помню остатокъ этого дня.

Когда стемнѣло—начался штурмъ.

Кто то прибѣжалъ запыхавшись:

— «Японцы лѣзутъ!.. видимо-невидимо...»

Наступила ужасная ночь.

На лѣвой сопкѣ загорѣлся блиндажъ.

Кто то крикнулъ:

— «Мина!..»

И въ темнотѣ, казалось, что сотни людей, какъ въ потревоженномъ муравейникѣ, носятся какъ безумные...

И въ этомъ адѣ кто то сообщилъ, что японцы заняли правый редутъ.

— «Занять его немедленно!», приказалъ полковникъ Третьяковъ «Побѣдской» ротѣ.

Мы пошли наверхъ къ редуту—я съ ними.

Повторилась та-же сцена, что и днемъ.

Съ криками «ура» мы заняли редутъ и съ остервененіемъ стали кидать бомбочки.

Началось Мамаево побоище.

Другъ друга не узнавали. Японцы отчаянно кричали: «... ра-ра-ра-а! банза-ай!»

Мы вторили имъ криками «ура!»

По всѣмъ направленіямъ рвались бомбочки, взвивались свѣтящіяся ракеты, ярко освѣщая безпорядочную, нестройно галдѣвшую толпу; противники смѣшались.

И досталось японцамъ — они кубаремъ скатывались въ свои окопы. Мы остались на своихъ мѣстахъ.

Не помню почему—я пошелъ осмотрѣть траншею съ правой стороны. Войдя въ нее, увидѣлъ блиндажъ и въ немъ — свѣтъ.

Вошелъ во внутрь; это была уютная норка, освѣщенная свѣчей. На нарѣ лежалъ полушубокъ; какой то офицеръ — стрѣлокъ, весь пропитанный пороховымъ дымомъ, въ пыли, изцарапанный, видимо, отдыхалъ.

Я былъ сильно ошеломленъ предшествовавшей бойней; мнѣ стало вдругъ невыразимо страшно.

Захотѣлось спрятаться, заткнуть уши, чтобы не слышать криковъ японцевъ; эти гортанные звуки казались мнѣ крикомъ самихъ діаволовъ.

Я сѣлъ на нару и оцѣпенѣлъ.

И никакія силы, казалось, не могли бы убѣдить меня выйти изъ блиндажа; развѣ 11-дюймовая бомба, которая каждую секунду могла съ легкостью раздавить насъ съ блиндажемъ, какъ мошекъ.

Стрѣлокъ молчалъ, я — тоже.

Скоро въ блиндажъ вошли еще три офицера и разсказали, что наступленія пока нѣтъ. Когда же

одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что «очень красиво горитъ на лѣвой сопкѣ блиндажъ...», весь мой страхъ, какъ рукой сняло. Я вышелъ на воздухъ.

Дѣйствительно — картина была грандіозна.

Воздухъ былъ наполненъ сильнымъ, отвратительнымъ запахомъ разрывавшихся бомбочекъ.

Ракеты, какъ бѣшенныя, взвивались высоко и, лопаясь, разсыпались ослѣпительно яркими красивыми звѣздами.

Японцы не были въ состояніи штурмовать насъ теперь.

Они продолжали орать, точно подбадривая этимъ себя; горнистъ или трубачъ ихъ игралъ наступленіе, но люди не шли.

Видно и врагамъ нашимъ стало жутко. Быть можетъ, имъ страшно было взглянуть на грозную гору.

Въ ожиданіи штурма я отправился въ траншею; тутъ принесли съ убитаго японскаго унтеръ-офицера вещевую сумку — въ ней были галеты, а такъ какъ мы были голодны, а галеты сдобны и вкусны, то я съ аппетитомъ съѣлъ одну. Унтеръ-офицеръ этотъ, безъ ружья, съ пироксилиновой шашкой въ рукахъ вошелъ въ траншею и былъ, разумѣется, приколотъ.

Насытившись галетой, я вернулся къ комендантскому блиндажу, гдѣ засталъ цѣлую группу офицеровъ съ полковникомъ Ирманомъ во главѣ. Онъ пришелъ снизу, чтобы лично обойти «линію огня», какъ онъ выразился, разговаривая по телефону съ генераломъ Кондратенко.

Тѣмъ временемъ ночь истекала, и передъ разсвѣтомъ 18-го начался уже настоящій штурмъ.

Полѣзли упорно, но «Высокая» не сдавала. Я слышалъ, какъ наши люди возбужденно кричали — «... бѣгутъ, канальи! Ура!.. бомбочекъ, бомбочекъ больше!.. Такъ ихъ!..» — видѣлъ, какъ въ штурмующихъ кидали камнями, какъ летѣли въ японцевъ обратно ихъ невзорвавшіяся бомбочки.

Смрадный дымъ растилался по горѣ, а смерть косила безпощадно...

И орава японцевъ скатывалась черезъ головы подъ крутой скатъ праваго редута, запутываясь въ сѣтяхъ загражденія, освѣщенная первыми лучами восходящаго солнца.

Мы, торжествуя, усѣлись на обычномъ мѣстѣ у дорожки.

Наступили третьи сутки нашего сидѣнія на «Высокой».

Казалось, японцы получили достаточно.

Моя рота таки пострадала — изъ 40 человѣкъ убито четыре и ранено 23; матросъ 1 ст. Чугункинъ остался за фельдфебеля; кондукторъ Макаровъ былъ смертельно раненъ шрапнельной пулей въ голову; это случилось, когда мы сидѣли у дорожки. Вскорѣ къ намъ сверху присоедилось человѣкъ 10—15 стрѣлковъ; они не выдержали сидѣнія въ траншеѣ, потерявъ массу товарищей.

По приказанію коменданта горы я принялся водворять ихъ на мѣсто, что вскорѣ удалось сдѣлать

съ трудомъ. Они нехотя вернулись въ траншею. Я пошелъ съ ними.

И, въ самомъ дѣлѣ, тамъ было неприглядно: руки, ноги, ружья, головы — торчали изъ земли; мѣстами траншея была совсѣмъ открыта и 11 дюймовыя бомбы, одна за другою, мѣрно вваливались туда.

Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ оглушенъ адскимъ взрывомъ и весь засыпанъ и избитъ землею и камнями. Какъ меня не раздавила вся эта масса, изъ подъ которой я съ трудомъ выкарабкался, не понимаю; людямъ, сидѣвшимъ здѣсь, завидовать было нельзя.

Я еле дотащился до нашей дорожки.

Тѣмъ временемъ становилось потише, являлась возможность дать гарнизону «Высокой» передохнуть и подкрѣпиться пищей.

Днемъ началась и продолжалась до вечера полная смѣна гарнизона.

За мною шла моя рота — 22 человѣка, при которыхъ — 9 раненыхъ, оставшихся въ строю.

Добрели до штаба 5-го полка. Тамъ выстроились вмѣстѣ съ «Побѣдскими».

Къ намъ вышелъ генералъ Кондратенко, благодарилъ, жалъ руки.

— «... Генералъ Стессель приказалъ передать Вамъ, что вы дрались, какъ самые храбрые изъ стрѣлковъ, — онъ благодаритъ васъ...», говорилъ онъ.

Я отвелъ людей въ Артиллерійскія казармы, а самъ пошелъ въ штабъ.

Всѣ офицеры съ «Высокой», оставшіеся въ живыхъ, собрались здѣсь.

Пришелъ генералъ Стессель и благодарилъ отдѣльно каждаго изъ насъ. Онъ говорилъ о громадномъ значеніи «Высокой».

Сѣли ужинать.

Было шумно. Чувствовалось облегченіе послѣ всего испытаннаго.

Послѣ ужина всѣ мы, до нельзя усталые, разлеглись какъ попало. Я съ подпоручикомъ Рафаловичемъ и однимъ морскимъ врачемъ — легли рядомъ на полъ на одномъ полушубкѣ, накрывшись шинелями. Какая то большая, черная собака легла у насъ въ ногахъ, согрѣвая ихъ своимъ тѣломъ.

Мы уснули очень скоро и проснулись утромъ 19-го положительно удивленные, что никто насъ за ночь не тревожилъ.

Дѣла шли не дурно.

На горѣ работалъ чуть не баталіонъ съ кирками и лопатами.

Казалось, штурмъ былъ отбитъ окончательно—онъ продолжался шесть дней.

Я чувствовалъ себя физически плохо.

Послѣ обѣда нашелъ чью то пустую койку и разлегся. Голова болѣла. Трясла лихорадка.

Вдругъ услышалъ вблизи характерный разрывъ 11-дюймовой бомбы—что за чортъ!... другая, третья...

Прибѣжалъ ординарецъ:

— «Генералъ Кондратенко приказалъ немедленно увести резервныя роты изъ Артиллерійской казармы въ Новый городъ — въ «Чайную» долину

Я вскочилъ. Бѣгу къ казармамъ.

А тамъ посреди двора разорвалась 11-дюймовая и осколки, хрипло шурша, звенѣли по крышамъ.

«Полтавскій» дессантъ еще на горѣ лишился своего командира—ихъ было 50 человѣкъ—я увелъ ихъ вмѣстѣ со своими 20-ю въ «Чайную» долину

Тѣмъ временемъ пришло новое приказаніе вести резервъ въ казармы 9-го полка, а дессантъ оставить при квартирмейстерѣ до присылки новаго командира.

И только вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, мы добрели по назначенію.

Проведя роту въ казармы, вошелъ въ офицерскую комнату, гдѣ засталъ двухъ лейтенантовъ; они накормили меня и я уснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

20-го утромъ мнѣ было приказано отвести людей на дачу, чтобы отдохнуть и привести себя въ порядокъ.

Я слегъ въ постель. Фельдшеръ далъ какихъ то порошковъ; и, когда проснулся утромъ 21-го, узналъ, что драка на «Высокой» продолжается, что полковникъ Третьяковъ раненъ, что убиты мичманы Соймоновъ и Алексѣевъ.

Соймоновъ командовалъ сводной ротой—съ каждаго корабля взяли по 4—5 человѣкъ способныхъ воевать; смертельно ранены лейтенанты Сиденснеръ и Лавровъ. Убито еще нѣсколько сухопутныхъ офицеровъ.

Вечеромъ на «Севастопольской» дачѣ отслужили панихиду по капитану 2 ранга Бахметевѣ. Былъ командиръ «Севастополя» кап. 2 р. Эссенъ.

Всѣ интересовались «Высокой»; даже госпитальные служители, портовыя команды вызваны въ ружье; мичманъ командовавшій послѣдними раненъ въ грудь навылетъ.

Вышелъ приказъ Стесселя:

«Сейчасъ вернулся отъ полковника Ирмана.

«Высокая» вся наша!.

Ура! вамъ, герои! Помолимся Богу.

Вы сдѣлали невозможное, которое оказалось возможнымъ только для такихъ героевъ, какъ вы!.

Начиная съ 7-го числа сего мѣсяца по 19-ое, то есть въ продолженіе 12 сутокъ отъ лит. А на лит. Б, «Куропаткинскій» люнетъ, фортъ II, «Китайскую» стѣнку, фортъ III, временное укрѣпленіе № 3, Курганную батарею, «Пулуншанъ», «Высокую» и позиціи на «Голубиной» бухтѣ, то есть отъ моря и до моря, противникъ посылалъ и посылалъ свои войска на штурмъ.

Шли они и дни и ночи, шли не жалѣя себя, ложились они подъ вашими ударами массами, но вы не дали имъ пяди земли.

Что было у насъ до 7-го, то осталось и послѣ 18-го.

Осмѣливаюсь отъ имени Государя Императора, какъ Его генералъ-адъютантъ объявить вамъ благодарность Его Императорскаго Величества.

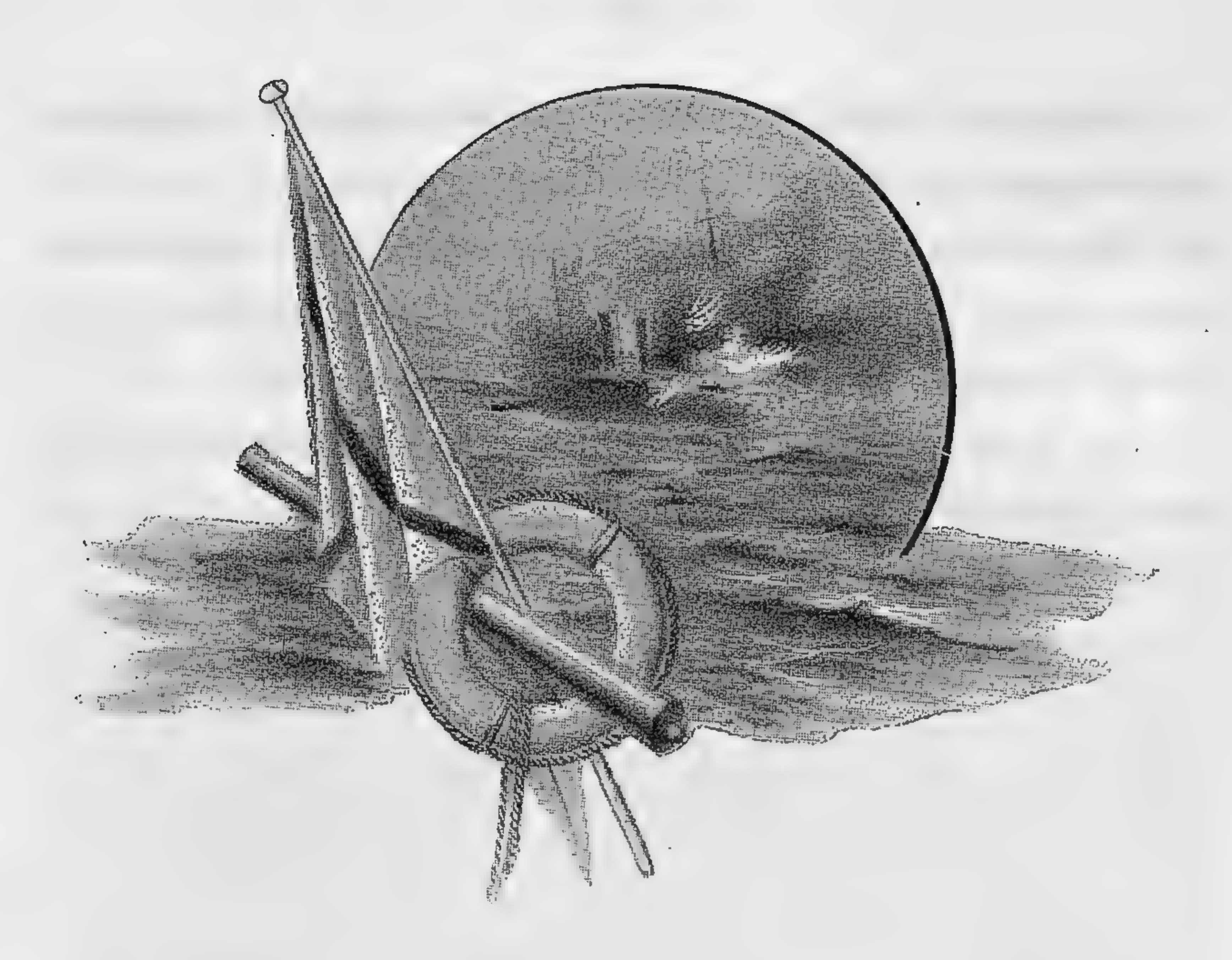
Вы порадовали Батюшку Царя; да здраствуетъ Нашъ Отецъ! Ура!».

Подписалъ: Начальникъ Квантунскаго Укрѣпленнаго раіона, генералъ-адъютантъ *Стессель*.

Когда кончилась панихида, я скорѣе улегся и думалъ:—«неужели опять потребуютъ на «Высокую»?

Проснулся 22-го съ тяжелой головой съ предчувствіемъ тяжкаго горя.

Гибель „Полтавы“ и конецъ „Высокой“.

Были слышны глухiе непрерывные раскаты.

Гдѣ то заварилась каша.

Съ трепетомъ вышелъ я за дверь, поднялся на горку и увидѣлъ вдали «Высокую».

Вся она, многострадальная, была въ дыму. На ея вершинахъ непрерывно лопалась шрапнель и взрывались бомбы.

Опять штурмъ.

Часа въ 2 прибѣжалъ ординарецъ съ запиской отъ начальника резерва:

— «..Вышлите людей въ штабъ 5-го полка — сами можете остаться...»

Я одѣлся, собралъ свое немногочисленное войско и мы выступили въ походъ.

По рейду шла отчаянная бомбардировка, преимущественно по «Полтавѣ» и «Ретвизану».

Масса снарядовъ ложилась на дорогѣ, что идетъ мимо этихъ судовъ и по ней предстояло пройти.

Я шелъ, какъ въ чаду, едва волоча ноги.

За мною слѣдовали на громадномъ разстояніи другъ отъ друга пять кучекъ людей по четыре въ каждой.

Штурмъ горы „Высокой.

Когда мы проходили мимо «Полтавы» нѣсколько человѣкъ, мнѣ неизвѣстныхъ, были разорваны лопнувшей среди нихъ 11-дюймовой; какой то прохожій сложилъ безформенные трупы въ вагонетку и везъ ее куда то по биковилькѣ *).

---

*) Узкоколейная желѣзная дорога.

Дома по дорогѣ представляли собою свѣжія развалины, вагоны желѣзной дороги частью стояли изрѣшетенные съ провалившимися крышами, частью обратились въ кучи желѣза и дерева...

На «Полтавѣ» былъ пожаръ. Изъ всѣхъ отверстій въ кормѣ шелъ дымъ.

Очевидно, кормовой 12-дюймовый погребъ былъ въ опасности; я зналъ, что приспособленія для затопленія погреба не дѣйствуютъ, будучи повреждены снарядами и эта мысль меня ужаснула.

Въ Новомъ городѣ кучки моихъ людей стянулись— всѣ были цѣлы.

Пошли дальше.

Я поминутно оглядывался назадъ.

Вдругъ надъ «Полтавой» выкинуло громадные желтые клубы дыма и раздался оглушительный взрывъ.

«Полтава» исчезла за этимъ дымомъ.

Мы невольно остановились потрясенные до глубины души; шли на «Высокую», то есть на вѣрную смерть, и по дорогѣ видѣли какъ наша родная «Полтава» взрывается и гибнетъ...

Подъ этимъ ужаснымъ впечатлѣніемъ мы дошли до «Звѣздочки» (ресторана превращеннаго въ госпиталь), гдѣ я встрѣтилъ своихъ старыхъ друзей съ «Монголіи» — сестеръ милосердія и студентовъ, которымъ я обрадовался, какъ роднымъ.

Въ штабѣ пятаго полка настроеніе было тревожное.

Дѣла на «Высокой» пошли плохо.

Японцы съ 4 часовъ дня уже заняли почти всю вершину горы.

Истомленные, изнервничавшіеся наши люди болѣе не въ состояніи были идти впередъ.

Пядь за пядью, медленно, но вѣрно подвигались японцы.

Наши — гибли безъ конца. И отдѣльныя попытки не могли увѣнчаться успѣхомъ.

Моряки, какъ всегда, были двинуты въ атаку; при мнѣ увелъ роту лейтенантъ И. Н. Быковъ, командиръ миноносца «Статный». Я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Онъ былъ убитъ, когда велъ людей въ атаку.

Мы — не взяли ничего.

Еще нѣсколько попытокъ, окончившихся плачевно, и — наши подались.

Подпоручикъ Рафаловичъ былъ убитъ.

«Высокая» оставалась почти вся за японцами.

Наконецъ, пришлось снять телефонъ; не болѣе сотни людей держалось еще наверху.

Положеніе было критическое.

Еще послѣдняя попытка!

Полковникъ Ирманъ лично повелъ въ атаку, но роты, пробѣжавъ подъ адскимъ огнемъ, залегли и не шли дальше.

Межъ тѣмъ японцы съ вершины били по лощинѣ, куда отступали наши, пулеметами и мы несли страшныя потери.

Ирманъ, комендантъ и другіе руководители дѣла перешли съ телефономъ уже къ перевязочному пункту.

Всѣ, кто посылались ординарцами съ приказаніями и донесеніями, возвращались ранеными или не воз-

вращались вовсе—и всегда сообщали о какомъ нибудь убитомъ офицерѣ.

Генералъ Кондратенко для поддержанія духа послалъ генерала-маіора Церпицкаго.

Когда этотъ послѣдній въ экипажѣ поѣхалъ къ «Высокой», въ комнату, гдѣ мы находились, вошло 3 заурядъ-прапорщика—молодцы на подборъ.

Я подумалъ, что, вѣроятно, на нихъ возложатъ самое опасное.

Было рѣшено двинуть на гору совершенно свѣжую роту «Баянскаго» дессанта, подъ командой одного лихого лейтенанта.

Пріятно было смотрѣть на этихъ людей; они шли на смерть бодро, съ улыбкой.

И пока они дошли до горы вражескія пули вырвали изъ строя нѣсколько рядовъ.

Полѣзли въ гору.

Вотъ они уже у цѣли; кажется—перенести только ногу и редутъ правой сопки за нами.

Но пуля ранитъ лейтенанта въ руку, онъ падаетъ, его подхватываютъ....произошло замѣшательство.

Дѣло было окончательно проиграно.

Одинъ изъ заурядъ-прапорщиковъ отнесъ полковнику Ирману приказаніе генерала Кондратенко атаковать уже въ самый послѣдній разъ съ посылаемыми для того двумя ротами моряковъ и двумя же стрѣлковъ и, въ случаѣ невозможности, отступить.

Когда заурядъ-прапорщикъ ушелъ, генералъ Никитинъ сказалъ Кондратенкѣ:

— «Ваше Превосходительство, верните Вы его, еще не все потеряно — пусть не думают объ отступленіи!..»

Прапорщика вернули.

Кондратенко измѣнилъ послѣднюю фразу и написалъ:

— «... въ случаѣ же неудачи, придите для совѣщанія...»

Но могла ли быть удача?!

Изъ «Ретвизанскихъ», «Побѣдскихъ» и моихъ была сформирована рота подъ командой одного лейтенанта, другая — составилась изъ «Палладскихъ», но этому войску не пришлось атаковать.

Ирманъ въ сопровожденіи офицеровъ едва могъ подняться съ опасностью для своей жизни до половины горы; было очевидно, что ни одинъ человѣкъ не взойдетъ дальше.

Уже три пулемета стояли на вершинѣ «Высокой» и поливали насъ непрерывнымъ потокомъ пуль.

Генералъ Церпицкій былъ смертельно раненъ; привезшая его сестра милосердія, отважившаяся посѣтить перевязочный пунктъ, еле унесла ноги. Лейтенантъ Подгурскій верхомъ на «Камимурѣ», японской лошадкѣ, скакалъ за донесеніями; въ его лошадь попало 4 пули, пятая задѣла его слегка въ спину, скакавшій за нимъ ординарецъ былъ убитъ; Подгурскому оставалось пересѣсть на оставшуюся въ живыхъ лошадь и скакать дальше.

Если бы японцы вздумали перейти въ наступленіе сразу, не останавливаясь на горѣ, намъ пришлось бы плохо.

Но, видимо, не легко далась имъ «Высокая»...

И такъ, гора была взята.

Началось отступленіе.

Предназначавшіеся для послѣдней атаки люди были употреблены для уноса раненыхъ и, по возможности, убитыхъ. Такъ какъ было совсѣмъ темно и количество раненыхъ и убитыхъ было громадно, то неизвѣстно—насколько успѣшно шла эта работа.

Одновременно съ «Высокой» были очищены: «Фальшивая», «Плоская», «Дивизіонная» и наша часть «Пулуншана».

Повидимому, отступленіе было выполнено подъ покровомъ ночи прекрасно, стрѣльба была болѣе чѣмъ умѣренная.

Штабъ 5-го полка очистилъ занимаемое имъ помѣщеніе; знамя унесли.

Грустныя мысли навѣвало отступленіе...

23-го въ ночь мы перешли въ казармы 9-го полка. Когда шли мимо «Полтавы», то увидѣли, что вся она до верхней палубы—подъ водой; въ рубкахъ слабый свѣтъ,—собираютъ, что удалось спасти.

Съ утра по рейду открылась сильнѣйшая бомбардировка изъ 11-дюймовыхъ мортиръ при корректировкѣ, очевидно, съ «Высокой»—и «Ретвизанъ» былъ утопленъ снарядами.

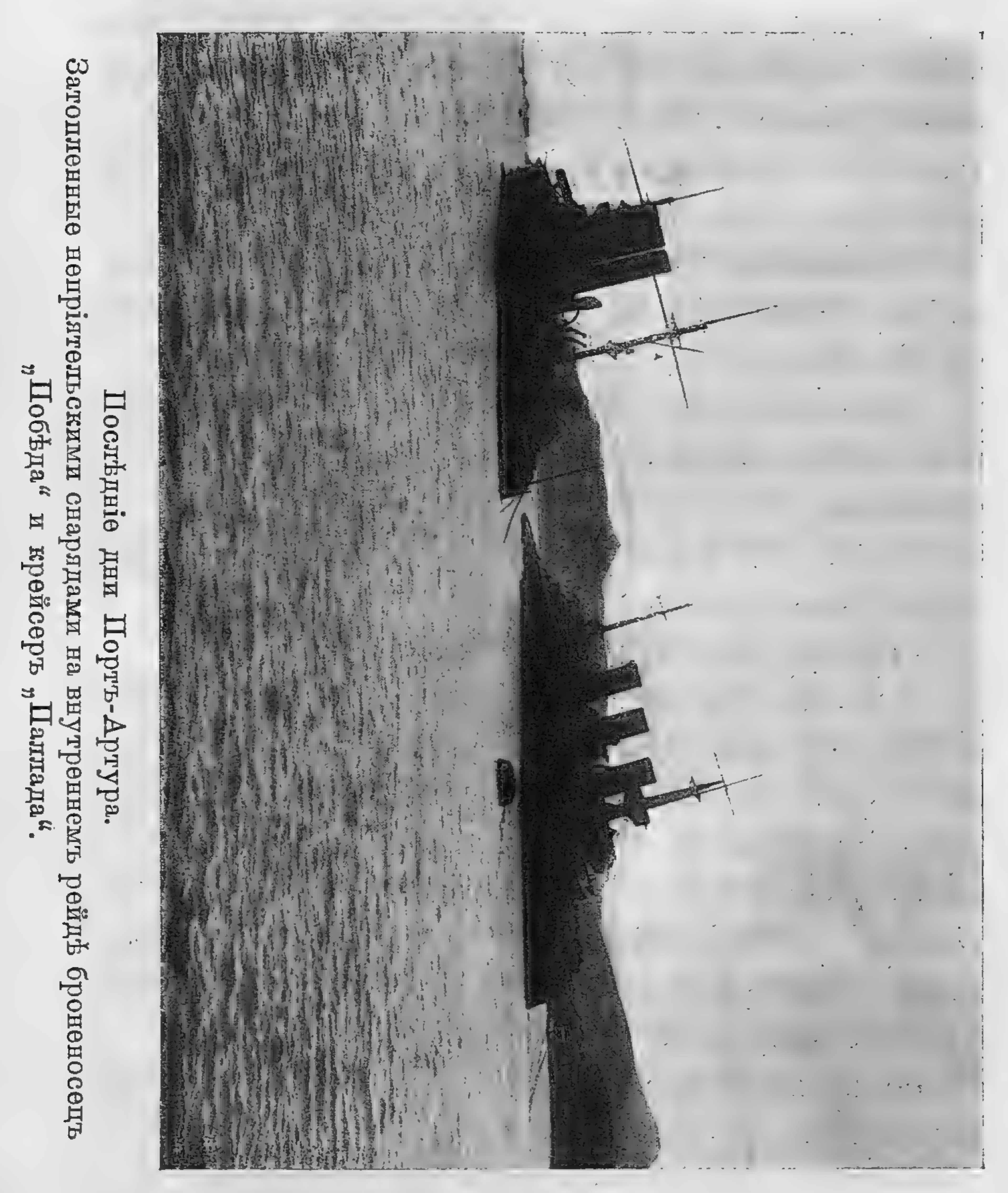
Со всѣхъ судовъ свозятъ людей и что можно изъ имущества.

Когда взрывалась «Полтава» на «Ретвизанѣ» былъ раненъ адмиралъ Виренъ, на самой «Полтавѣ» погибло 12 человѣкъ.

*

И такъ, эскадра гибла.

Къ вечеру 24-го была утоплена 23-мя 11-дюймовыми бомбами «Побѣда», за нею «Паллада»...

Послѣдніе дни Портъ-Артура.
Затопленные непріятельскими снарядами на внутреннемъ рейдѣ броненосецъ „Побѣда" и крейсеръ „Паллада".

Стессель просилъ японцевъ черезъ парламентера о перемиріи для уборки раненыхъ; они отвѣтили

согласіемъ, но съ условіемъ — перенести его на слѣдующій день. Тогда, въ свою очередь, Стессель отказался, такъ какъ раненые успѣли умереть...

25-го «Севастополь» ушелъ на Внѣшній рейдъ и сталъ въ бухтѣ «Бѣлый волкъ».

На другой день были утоплены 11-дюймовыми «Баянъ» и «Пересвѣтъ».

Я заходилъ тогда въ морской госпиталь; онъ переполненъ, перевязочныхъ средствъ не хватаетъ...

Въ теченіе ночи на 27-ое я перешелъ со своими людьми въ штабъ генерала Горбатовскаго, гдѣ встрѣтилъ много друзей. Расположились въ блиндажахъ.

И уже утромъ меня отправили съ тѣми же 20-ю на фортъ I.

Правый флангъ готовился къ штурму.

Переночевавъ на форту, я утромъ 28-го, по приказанію начальника I боевого участка, привелъ свою «роту» на редутъ «Тахе» и передалъ ее командиру дессантной роты; нашъ прапорщикъ привелъ туда же свой дополнительный резервъ и изъ этихъ трехъ частей образовалась одна рота въ 136 человѣкъ.

Мы, трое, встрѣтились съ истинною радостью.

И если мы должны были помѣститься не важно, то были хоть вмѣстѣ.

Для команды въ окопѣ оказались подобія собачьихъ конуръ. У насъ — холодная и неуютная землянка.

Когда мы входили въ нее какая то черная собака рожала щенятъ и, когда ихъ набралось шесть штукъ, поднялся визгъ и гвалтъ.

Внутренній видъ форта.

Сегодня, то есть 29-го когда я пишу эти строки, на разсвѣтѣ пришелъ изъ Бомбея англійскій пароходъ. По словамъ капитана, онъ два мѣсяца былъ въ морѣ и ничего не можетъ сообщить. Привезъ 50 тысячъ пудовъ муки — это кстати!

30-го. Ночь провелъ на батареѣ № 22. Видѣлъ три минныхъ атаки на «Севастополь».

Первая—была отъ берега, что замѣтили часовые, стоявшіе на англійскомъ пароходѣ, и открыли огонь залпами изъ ружей, — это были минные катера.

Одна мина взорвалась въ сѣтяхъ и дала въ броненосцѣ трещину, другіе запутались въ сѣтяхъ не взорвавшись.

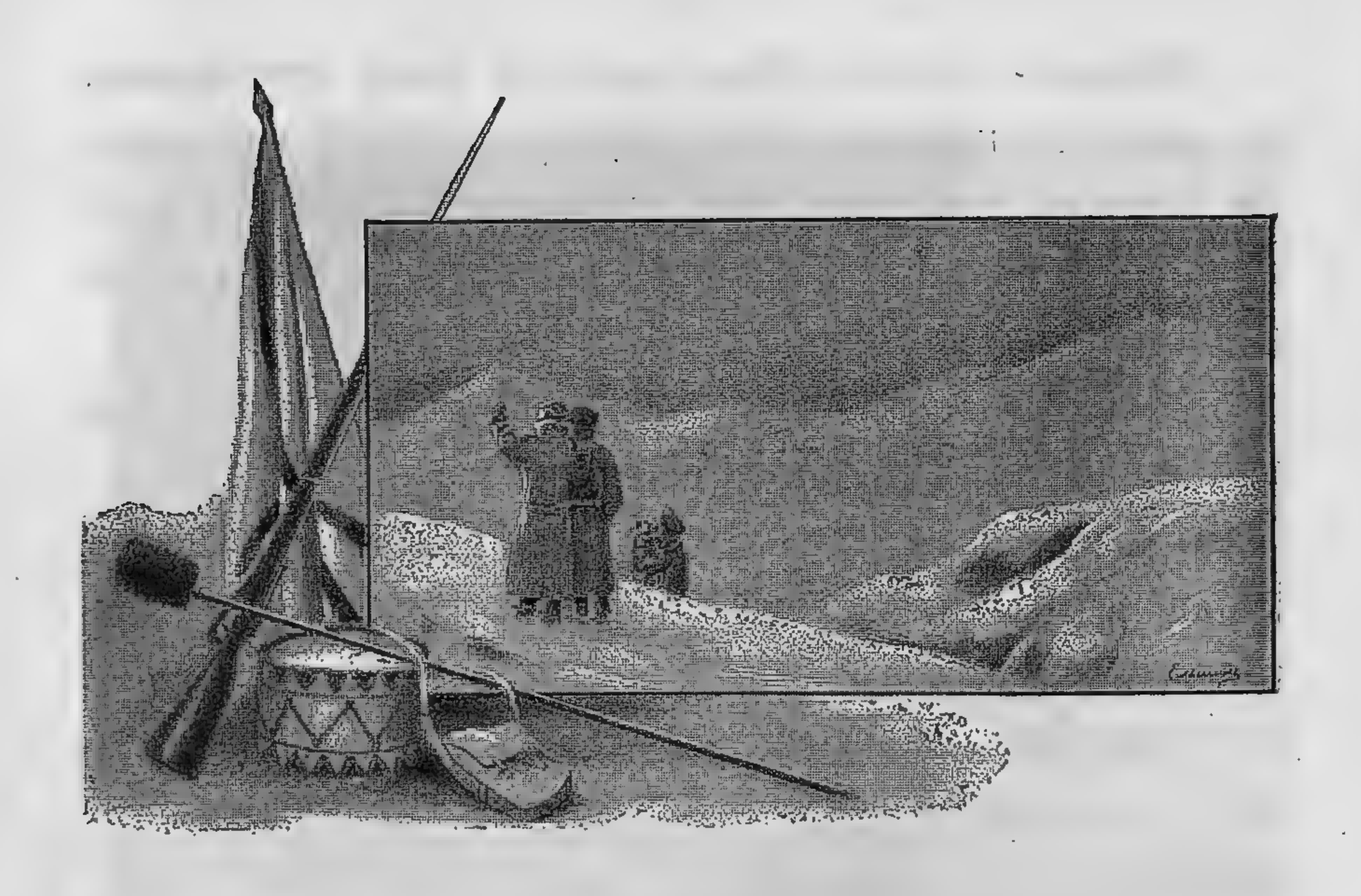
Одинъ японскій миноносецъ утопленъ 12-дюймовыми снарядами, другой уведенъ на буксирѣ сильно поврежденный.

Утромъ мы принялись за устройство землянки, поставили камелекъ. Теперь наверху тепло — снизу еще дуетъ.

Къ вечеру достали откуда-то самоваръ и лампу. На стѣнѣ виситъ карта всего свѣта, не знаю, чья.

Вчера японцы просили перемирія для уборки труповъ. Наши отвѣтили: «лишь при условіи прекращенія огня по всей линіи», на что они не согласны».

На редутѣ „Тахэ“.

Декабрь.

«1-го. Все подъ снѣгомъ.

Мы любовались сегодня природой; ходили на Сигнальную горку; здѣсь — до японцевъ днемъ шаговъ 400, ночью до 50, и при этомъ молчаливое соглашеніе стрѣлять возможно рѣже.

Мѣста — очень живописныя, хотя нѣсколько суровыя.

Наши госпитали, какъ и весь Новый городъ и Минный городокъ, разстрѣливаются японцами съ «Высокой», гдѣ уже поставлено ими четыре 75-и и двѣ 120-и миллиметровыя пушки; стрѣляютъ, конечно, и 11-и дюймовыя мортиры.

Сегодня попали въ 10-й госпиталь, находящійся въ Минномъ городкѣ, а по 6-му госпиталю въ Новомъ городѣ колотили 11-и дюймовыми, пока не провалили

Фортъ.

крышу; больные и раненые, уцѣлѣвшіе отъ этого погрома, бѣжали въ паникѣ, ранена сестра милосердія Максимовичъ въ руку съ поврежденіемъ кости; бывшіе въ госпиталѣ плѣнные японцы сжимали кулаки и ругали своихъ. Нѣсколько человѣкъ убито».

2-го. Ночью была минная атака на «Севастополь»; утопленъ одинъ японскій миноносецъ миной съ миннаго катера подъ командой кондуктора.

На «Севастополѣ» отъ взорвавшейся въ сѣтяхъ мины—вторая трещина.

Когда миноносецъ тонулъ, онъ выпустилъ въ «Севастополь» еще мину. Одинъ миноносецъ былъ утопленъ миноносцемъ «Сторожевымъ».

Я былъ сегодня въ гавани на набережной; смотрѣлъ на затопленную эскадру—корабли умерли, не дышатъ дымомъ трубы, все на нихъ разворочено, разбито.

Сердце сжалось острой болью»...

«3-го. Вчера вечеромъ случилось громадное, непоправимое несчастіе, которое можно только сравнить съ гибелью адмирала Макарова,—погибъ генералъ Кондратенко—душа обороны Портъ-Артура.

Что будетъ безъ Кондратенко, этого рѣдкаго самоотверженнаго человѣка?! Страшно подумать!

Въ офицерскомъ казематѣ форта II собрался совѣтъ для рѣшенія—что съ нимъ дѣлать, такъ какъ минная галлерея японцевъ близилась къ концу и фортъ со дня на день долженъ былъ взлетѣть на воздухъ.

11-и дюймовая бомба влетѣла въ этотъ самый казематъ и взрывомъ убило наповалъ—генерала Кондра-

тенко, инженера подполковника Рашевскаго—нашего Тотлебена *), инженера-капитана Зедгенидзе, штабсъ-капитана Кавицкаго, штабсъ-капитана Триковскаго, зауряд-прапорщика Смолянинова, поручика Синьковича и подполковника Науменко; ранены комендантъ форта и 6 офицеровъ.

Японцы на морѣ переняли джонку шедшую къ намъ съ почтой и, завладѣвъ всѣмъ официальнымъ, частную корреспонденцію передали черезъ посты намъ; при этомъ они просили о возвращеніи какой то необыкновенной, драгоцѣнной сабли, принадлежащей какому то принцу убитому при штурмѣ».

«5-го. Сегодня крѣпость получила тяжкую рану. Кончилась безчеловѣчная борьба подъ землею—во второмъ часу пополудни, на нашихъ глазахъ, фортъ II взорванъ японской подземной миной.

Послѣдніе дни форта были поистинѣ ужасны.

Въ патернѣ **), соединявшей фортъ съ капониромъ ***) враги раздѣлялись лишь траверзомъ ****) изъ мѣшковъ, съ землею; съ нашей стороны стоялъ часовой, просунувъ дуло винтовки между мѣшками, и вотъ японцы пустились на адское средство: они незамѣтно просунули среди мѣшковъ шлангъ и накачи-

---

*) Тотлебенъ—знаменитый инженеръ генералъ, отличившійся своими работами по укрѣпленію Севастополя и въ Русско-Турецкую войну 1877—78 г.г.

**) Подземный ходъ.

***) Вспомогательное укрѣпленіе для обстрѣливанія рва форта.

****) Поперечное прикрытіе.

вали въ него въ нашу сторону такіе удушливые газы, что черезъ каждыя двѣ минуты приходилось смѣнять часового, котораго приводили съ поста въ полуобморочномъ состояніи.

Тамъ жили какъ на вулканѣ, такъ какъ по стукамъ подъ землею можно было точно судить, что подкопъ законченъ и вотъ — наступилъ финалъ.

Мы видѣли со своего редута, какъ надъ фортомъ II поднялась большая желтая туча и — земля дрогнула отъ ужаснаго взрыва.

А вѣдь вся суть крѣпости — въ фортахъ...

Теперь ночь — вечеромъ мы слышали разсказы о фортѣ II.

Когда часть бруствера обвалилась отъ взрыва въ ровъ, японцы открыли дикую бомбардировку, которая и посейчасъ не стихаетъ.

И начался штурмъ.

Наши, оттиснутые отъ бруствера, окопались на верху форта и встрѣтили непріятеля въ штыки.

Но держаться въ такихъ условіяхъ было немыслимо; поэтому, подъ страшнымъ огнемъ, было заложено 10 фугасовъ и наши, унося безчисленныхъ раненыхъ, очистили по приказанію генерала Стесселя фортъ.

Фортъ II былъ тотчасъ занятъ японцами, а въ 1 часъ ночи наши фугасы были взорваны и фортъ окончательно взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ засѣвшимъ въ немъ непріятелемъ и трупами, которыми онъ былъ весь заваленъ...»

«6-го. Вчера наша 42-хъ линейная шрапнель разорвалась въ группѣ японскихъ всадниковъ на «Высо-

кой» — было похоже на генерала со штабомъ, отъ другого удачнаго выстрѣла на той же «Высокой» случился сильный взрывъ...»

«8-го. Прошлой ночью я повѣрялъ наши посты.

Ночь была лунная, великолѣпная.

Красиво у насъ.

Тропинкой прошелъ на «Сигнальную» горку — тамъ наши передовые окопы заняты охотниками.

Съ однимъ зауряд-прапорщикомъ мы вышли за окопы и горной тропинкой. прячась въ черную тѣнь скалы, пробрались къ секрету въ разрушенной китайской кумирнѣ.

Въ сотнѣ шаговъ отъ насъ, на песчаномъ берегу бухты Тахэ, подъ выкинутой на берегъ джонкой засѣлъ секретъ японцевъ; видно, какъ они копошатся въ тѣни.

Раздѣлявшее насъ пространство было ярко освѣщено луною.

За джонкой — бѣлый каменный домъ; тамъ раньше былъ нашъ постъ; я вспомнилъ, что заходилъ туда когда мы на катерѣ вернулись въ Тахэ послѣ неудачной минной атаки японскаго миноносца.

Точно, мѣрно, каждыя 2 минуты—въ этотъ домъ влеталъ 47-ми миллиметровый снарядъ съ дежурной пушки батареи № 22 и рвался, рѣзко и непріятно нарушая тишину.

А въ домѣ японцы работали—стучатъ, колотятъ что-то.

Охотники въ кумирнѣ притаились подъ ногами какого-то идола, стараго, развалившагося, ружья лежали на колѣняхъ готовыя каждое мгновеніе выстрѣлить.

Вдали неясно очерчены горы; нѣтъ, нѣтъ—гдѣ нибудь вспыхнетъ выстрѣлъ. Тихо.

Зато—слѣва, тамъ, гдѣ «Орлиное гнѣздо» и форты, глухо доносилась частая ружейная перестрѣлка и гулъ орудій.

Оттуда я пошелъ вдоль оборонительной линіи повѣрять секреты, засѣвшіе въ ямахъ подъ разрушенными каменными оградами какой нибудь китайской фанзы *) или за одинокимъ сучковатымъ деревомъ.

Впереди, по изрѣзанному оврагами подножію горы «Сяогушань» заложены фугасы; секреты предостерегли меня, указывая на мѣста ихъ расположенія.

Удивительно пріятное впечатлѣніе производятъ эти охотники. У нихъ—ни суеты, ни страха смерти; они зорко и неослабно берегутъ свой постъ, не теряя бодраго настроенія. Отдыхаешь душою съ ними.

Днемъ я ходилъ навѣщать моихъ раненыхъ съ «Высокой» въ госпиталь при «Звѣздочкѣ».

Самый госпиталь помѣстился въ какомъ то двухэтажномъ каменномъ домѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ японцы взяли «Высокую», тамъ, въ Новомъ городѣ, житья нѣтъ.

Стрѣляютъ изъ винтовокъ на выборъ, надъ домами рвутся шрапнели, одиннадцатидюймовыя рвутся на улицахъ—вчера досталось «Звѣздочкѣ».

Жалко раненыхъ—при каждомъ взрывѣ они съеживаются на койкахъ, такіе беззащитные.

---

*) Фанза—изба.

И раны протекаютъ тяжело; перевязочныхъ средствъ не хватаетъ, вату замѣняетъ пакля, марлю—пестрый ситецъ. Видѣлъ я тамъ на столѣ безногаго—бѣлый весь: не выживетъ.

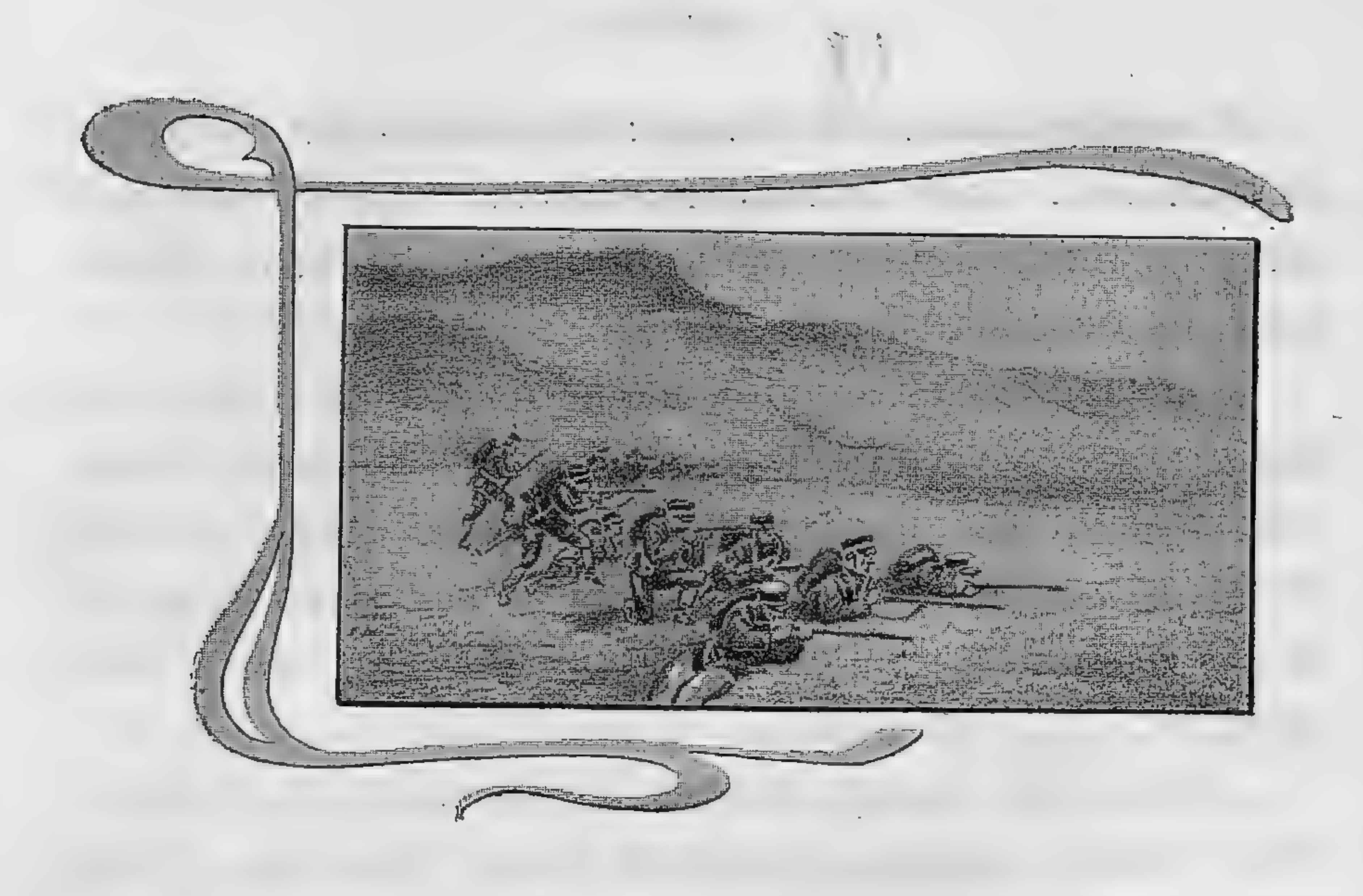
И цынга одолѣваетъ; у насъ теперь не 136 человѣкъ, а всего около 70. Ѣда ужъ очень плоха стала: сладковатая конина; самое печальное, что зелени нѣтъ; да жаль—пива мало—далеко не всѣмъ цинготнымъ хватаетъ, а оно очень полезно въ этомъ случаѣ».

«9-го.—По городу ходятъ нелѣпые слухи: «Балтійская эскадра разбита японцами у о-ва Формозы. Линевичъ со всей арміей взятъ въ плѣнъ. Отрядъ, шедшій на выручку Артура, запертъ на горѣ «Сампсонъ» и самъ проситъ помощи изъ Артура. Рождественскій загналъ въ какой то портъ три японскихъ крейсера, предложилъ имъ драться и заявилъ, что въ случаѣ ихъ несогласія, возьметъ изъ нейтральныхъ портовъ «Цесаревичъ», «Аскольдъ» и миноносцы. Не сомнѣваемся, что источникъ этихъ слуховъ—японцы, которые хотятъ портить наше настроеніе».

«10-го.—Сегодня, на лѣвомъ флангѣ поднялась тревога; оказалось, что японцы высадились въ «Голубиной» бухтѣ и атаковали наши передовыя позиціи, результатомъ чего было взятіе ими Промежуточной горы.

Такъ постепенно суживаются наши границы....»

Передъ послѣднимъ штурмомъ.

«12-го.—Утромъ мы получили приказаніе занять редутъ у форта I.

Когда собрались и пошли: батарея № 22 открыла огонь, прикрывая нашъ походъ.

Это была пестрая толпа; изъ подъ бушлатовъ торчатъ тулупы, на ружьяхъ узелки, на головахъ папахи—не узнать матросовъ.

Заняли редутъ и тутъ же дали ему названіе «Полтавскій»; къ вечеру расположились въ блиндажѣ, который для команды очень обширенъ и удобенъ.

Нашъ блиндажъ оказался уставленнымъ какими то банками, перевязочными матеріалами, носилками; пахло медикаментами, было холодно и неуютно.

Однако, къ ночи кое какъ устроились.

Жаль только—блиндажъ съ большимъ креномъ и очень тѣсенъ.

Сегодня умеръ отъ тяжелой раны въ голову бѣдняга Петровъ, тотъ самый, который былъ со мною на «Высокой».

«13-го. — Утромъ пріѣзжалъ къ намъ Стессель, кинулъ взглядъ на «Дагушань» и, найдя, что «все—по старому», посѣтовалъ на отсутствіе извѣстій и уѣхалъ.

Японцы съ «Дагушаня» стрѣляютъ залпами изъ ружей по «Драконовой спинѣ», конечно, зря, такъ какъ разстояніе больше прицѣльнаго. За «Сяогушанемъ» отчетливо видно двѣ пушки подъ блиндажами...».

«14-го.—Рано утромъ на мѣстѣ японскаго секрета у джонки передъ «Сигнальной» горкой было найдено письмо, въ которомъ авторъ уговариваетъ насъ не воевать больше, а сдаваться, такъ какъ въ Артурѣ очень плохо, а у нихъ въ Японіи будетъ отлично; въ подтвержденіе своихъ словъ онъ прилагаетъ нѣсколько открытыхъ писемъ, на которыхъ сняты фотографіи съ нашихъ офицеровъ и солдатъ находящихся въ плѣну у японцевъ—выглядитъ очень живописно. Кончается письмо слѣдующей фразой: «...вы увидите послѣ войны своихъ женъ и дѣтеревъ и сохраните свою жизнь, если сдадитесь...».

Отъ насъ чудные виды. Съ высоты «Драконовой спины» мы любуемся на нелѣпую бомбардировку города одиннадцатидюймовыми бомбами; и безъ того уже въ старомъ городѣ давно никто не живетъ—онъ, точно послѣ землетрясенія...».

«15-го.—*4 часа пополудни.* Съ утра по всему фронту начался орудійный бой. «Золотая», «Суворовская», «Крестовая», «Дядя Саша»—всѣ палятъ во всю.

Наступленіе идетъ на фортъ III; огонь японцевъ сосредоточенъ на немъ; обсыпаются довольно сильно и «Зубчатая» батарея, «Кладбищенская» и фортъ IV, очень сильно «Курганная» батарея.

И такъ, начинается пятый штурмъ...

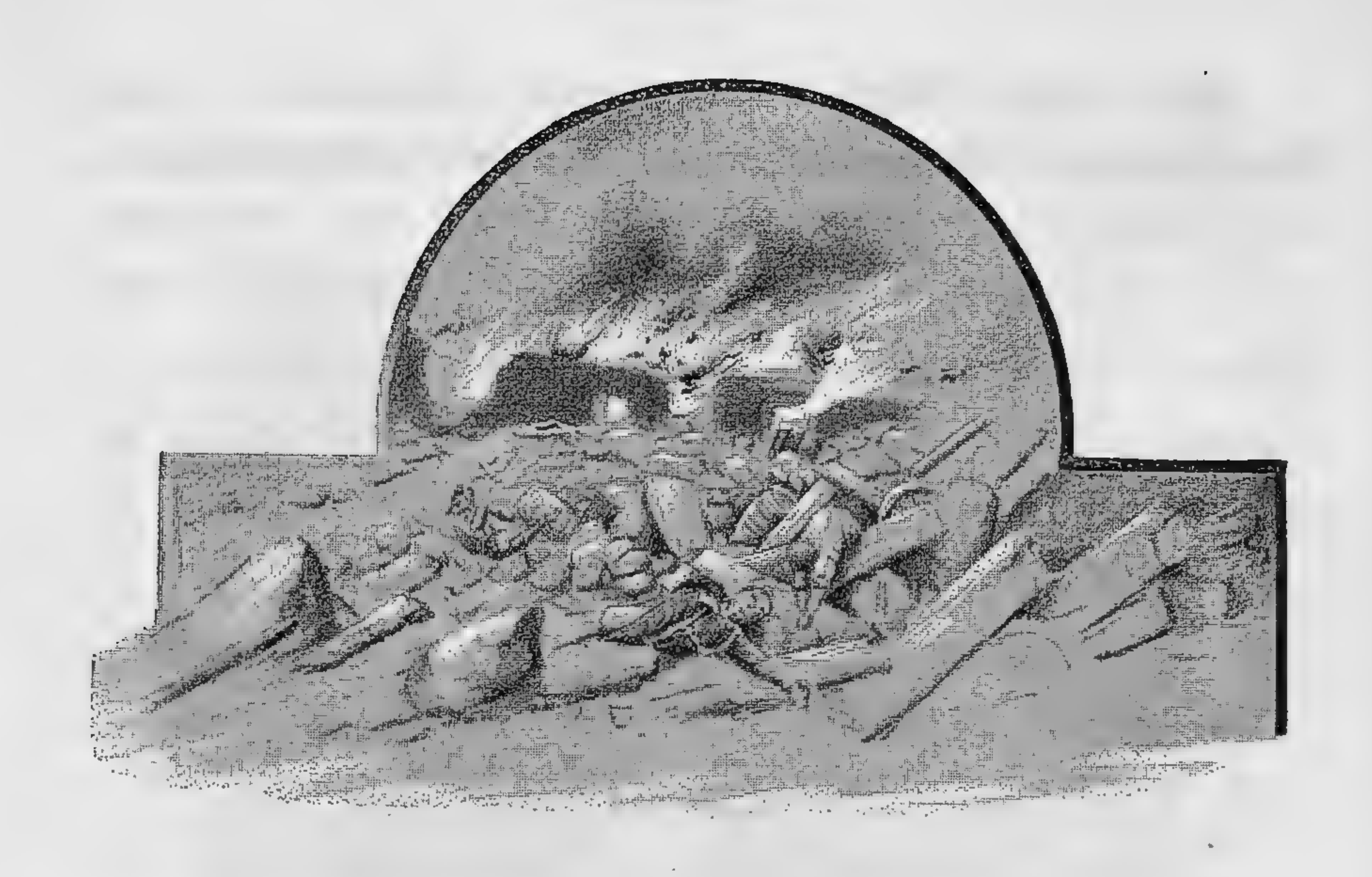
Мы только что выходили втроемъ на перевалъ «Драконовой спины» и увидѣли на «Владимірской» горкѣ два красныхъ флага (Бахметевскій сигналъ: штурмъ форта III); полюбовались на стрѣльбу—преуморительно вылѣзаютъ изъ-за горокъ, какъ съ нашей, такъ и съ японской стороны бѣлые клубы дыма; это—мортиры.

Шрапнель густо рвется по всей линіи...

4 часа 45 мин.—Потребовали въ ружье; приказано стать у питательнаго погреба подъ батареей Лит. А.

Сейчасъ выступаемъ...».

Послѣдній штурмъ.

Мы расположились у перевязочнаго пункта, близъ питательнаго погреба, въ глубинѣ лощины между атакованными позиціями и батареями на горахъ «Опасной», «Большой» и «Скалистой».

Часть этой лощины между Большимъ и Малымъ «Орлиными гнѣздами» и батареей Лит. Б съ одной стороны и «Скалистой» горы съ другой получила названіе «Долины смерти», такъ какъ всѣ перелеты черезъ позиціи первой линіи летѣли въ эту долину и немногимъ удавалось миновать ее благополучно.

Бой былъ въ полномъ разгарѣ и имѣлъ для насъ роковыя послѣдствія: фортъ III былъ взорванъ и взятъ японцами; у насъ оставалось одно только укрѣпленіе № 3, а японская минная галлерея подъ нимъ повидимому была уже готова.

Крѣпость напрягала свои послѣднія силы.

*

Мы видѣли 16-го съ огромной «Большой» горы, какъ японцы занимали фортъ III; онъ обстрѣливался

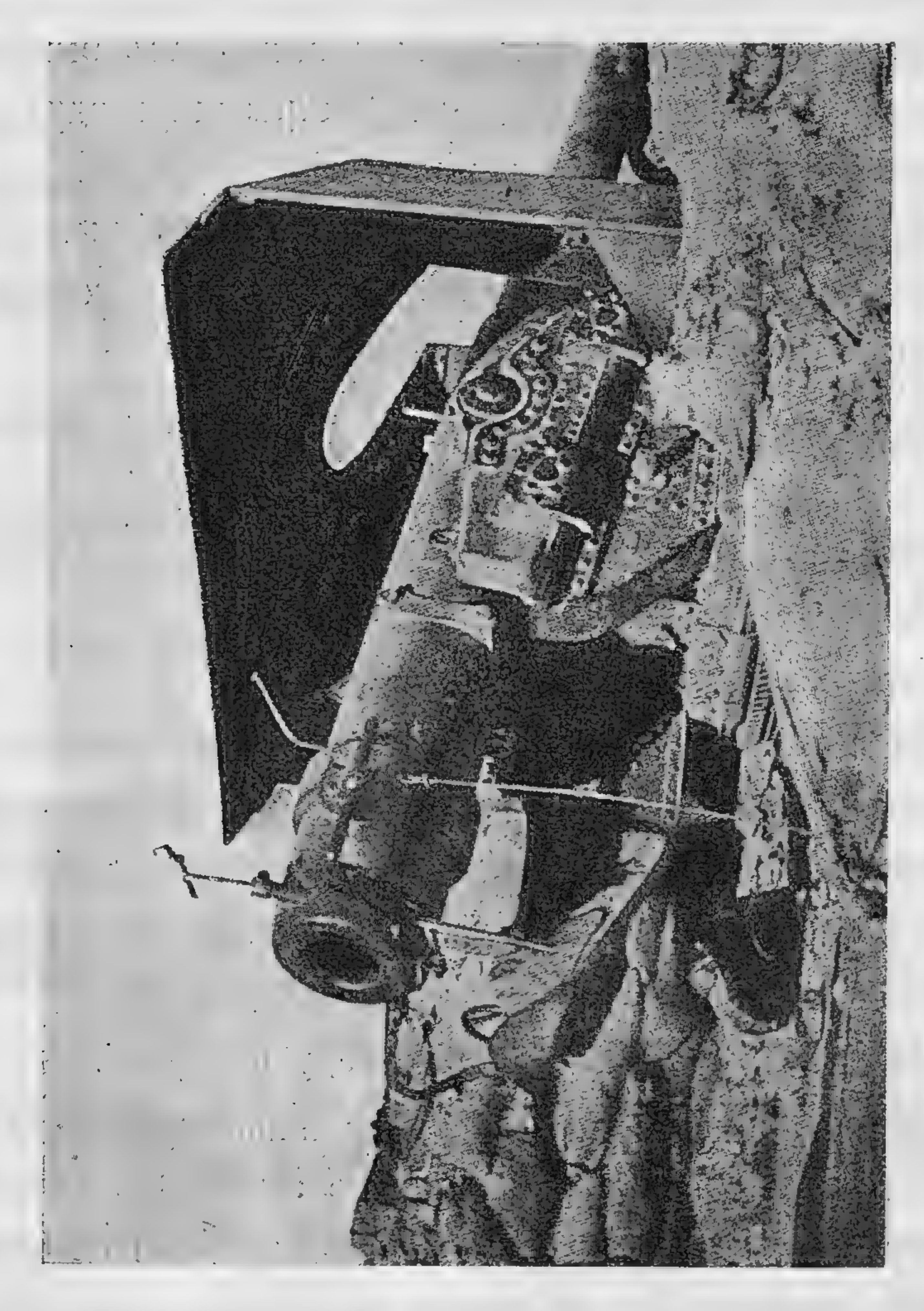

Батарея.

нашими батареями, но японцы по одному перебѣгали и окапывались.

Чувствовалось, что у враговъ нашихъ — великій подъемъ духа, что занятые ими форты потеряны для насъ навсегда.

Всю ночь на 17-ое наша дессантная рота провела на «Курапаткинскомъ люнетѣ»; много крови было про-

Подбитое 6″-ое судовое орудіе на Орлиномъ Гнѣздѣ.

лито за обладаніе этимъ люнетомъ, не разъ японцамъ удавалось занять его, но ихъ всегда вытѣсняли

за брустверъ. Такимъ образомъ, неудивительно, что въ 16-ти шагахъ находились ихъ окопы.

Мы работали на люнетѣ кирками и лопатами, возстанавливая разрушенное за день.

Ночь была черная.

Перестрѣлка не смолкала.

Пули здѣсь не жужжали шмелями, какъ бываетъ, когда они прилетаютъ издалека, а рѣзали воздухъ съ отвратительнымъ взвизгиваніемъ.

Горное эхо разносило каждый звукъ выстрѣла; воздухъ былъ полонъ этими звуками, отъ которыхъ становилось жутко и тоскливо.

Послѣ полуночи на люнетъ принесли очередную мину.

Это былъ желѣзный шаръ заряженный 3-мя пудами пироксилина.

Стрѣльба такой миной очень проста.

На брустверъ положили деревянный желобъ въ сажень длиною и направили его въ сторону японскаго блиндажа въ ихъ же окопѣ, затѣмъ нѣсколько дюжихъ рукъ уложили мину на желобъ и, когда былъ зажженъ фитиль, отпустили ее.

Мы всѣ прижались къ брустверу и ждемъ.

Слышно было, какъ загремѣла наша мина, скатываясь внизъ по брустверу; прошло нѣсколько секундъ и почва подъ ногами дрогнула отъ страшнаго взрыва.

Въ отвѣтъ на это сотни пуль завизжали надъ люнетомъ, насъ обсыпало пескомъ и мелкими каменьями поднятыми пронзавшими гребень бруствера пулями.

Когда японцы дали намъ возможность выглянуть, то мы увидѣли, что ихъ блиндажъ былъ совершенно разрушенъ; не поздоровилось вѣрно и тѣмъ, кто въ немъ укрылся.

Съ лѣвой стороны люнета, вдоль подножій «Орлиныхъ гнѣздъ», темной чертой обозначалась «Китайская стѣнка»: оттуда все время кидали зажженные фалшфеера и они, падая въ пространствѣ, раздѣлявшемъ противниковъ, освѣщали на нѣсколько минутъ мѣстность; непрерывно изъ ружейныхъ амбразуръ вспыхивали выстрѣлы.

Передъ разсвѣтомъ наша небольшая рота — теперь 59 человѣкъ — заняла рядъ землянокъ, прилѣпившихся вдоль военной дороги къ тыловой сторонѣ «Залитерной» батареи.

Наступило 18-ое.

Съ восходомъ солнца штурмъ возобновился съ новою силой.

Утромъ мы были свидѣтелями страшнаго взрыва укрѣпленія № 3, на которомъ погибло 140 человѣкъ; послѣ этого укрѣпленіе было окружено японцами и его развалины были взяты. Изъ тѣхъ немногихъ, что остались въ живыхъ, только троимъ какимъ то чудомъ удалось спастись отъ плѣна — они вырвались оттуда подъ покровомъ слѣдующей ночи.

Тотчасъ японцы перенесли наступленіе на «Китайскую стѣну»; но наши войска, даже въ виду паденія своихъ главныхъ фортовъ, не дрогнули.

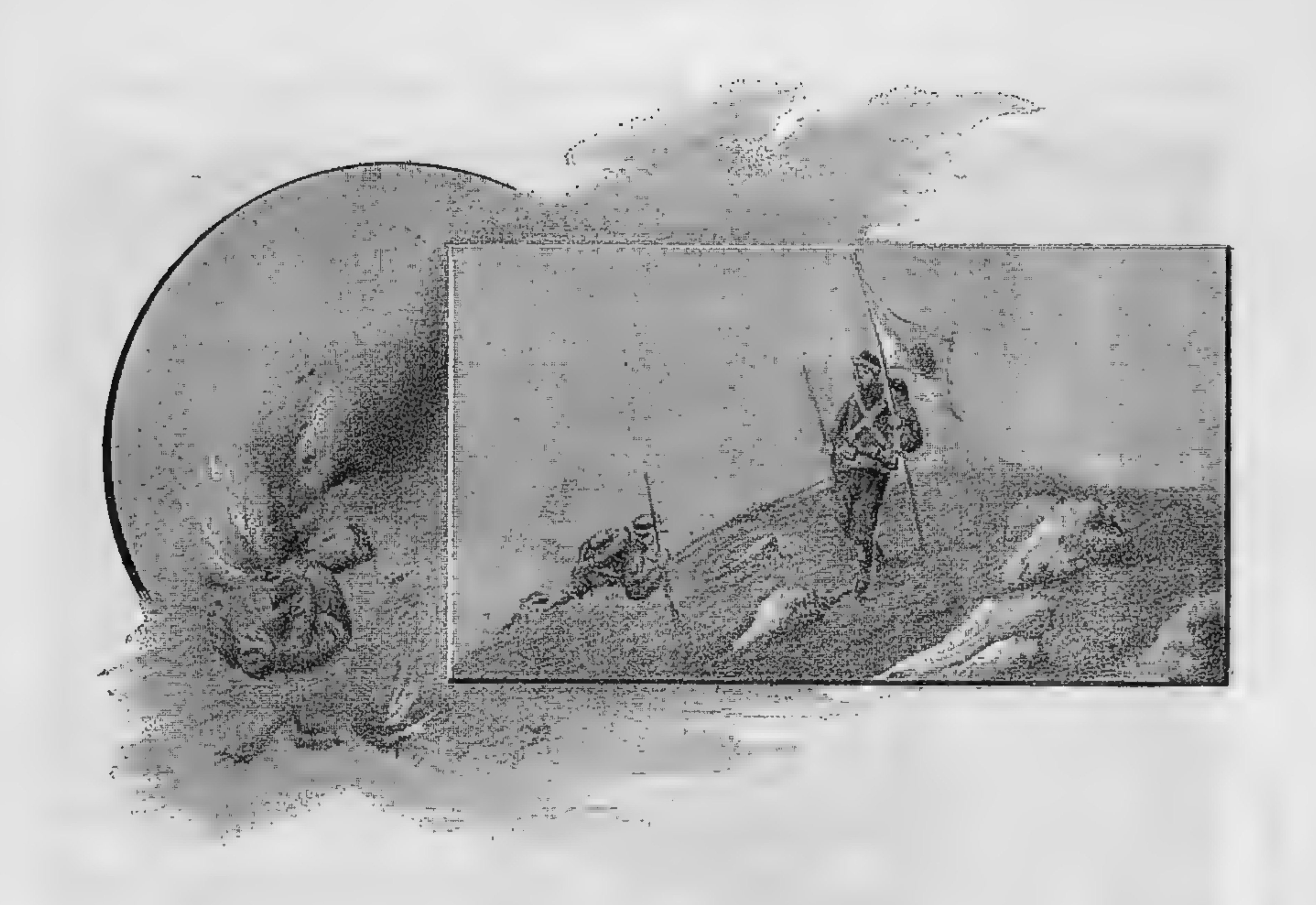
Мы смотрѣли на весь ходъ сраженія съ занятой нами дороги, наконецъ не утерпѣли и я въ обществѣ нашего прапорщика полѣзъ на «Орлиное гнѣздо».

Однако, окопъ на восточномъ склонѣ горы, по которому мы лѣзли, такъ сильно обвалился, что мы были замѣчены изъ форта II и по насъ открыли огонь пачками.

Пули стали шлепаться вокругъ насъ; прапорщикъ еще подзадаривалъ японцевъ, вылѣзая изъ окопа и показывая кулаки. А они въ остервененіи, что не удавалось попасть въ цѣль, обсыпали насъ градомъ пуль.

Съ вершины «Орлинаго» — мы побывали и тамъ — наши кидали ручныя бомбы; одновременно на «Скалистый кряжъ» шелъ отчаянный штурмъ. Но къ вечеру всѣ атаки японцевъ были отбиты.

Взятіе „Орлинаго гнѣзда“.

Рано утромъ 19 декабря произошла послѣдняя атака.

Этотъ день особенно запечатлѣлся у меня въ памяти.

Мы сидѣли со своей ротой передъ землянками вдоль военной дороги и передъ нами разыгрывалась послѣдняя сцена Артурской драмы.

Такъ какъ съ утра, по приказанію генерала Стесселя, наши войска очистили «Китайскую стѣнку», то «Орлиное гнѣздо» стало для японцевъ послѣднимъ препятствіемъ и ключомъ крѣпости.

И они бросились на штурмъ.

Изъ представлявшихся въ тѣ дни въ штабы рапортовъ было видно, что на протяженіи 27-ми верстъ оборонительной линіи, находилось около 8000 чело-

Баттарея „Орлиное Гнѣздо“.

вѣкъ; семидесяти тысячной осадной арміи генерала Ноги предстояло помѣряться съ ними силами въ послѣдній разъ.

Не легко было взять «Орлиное»; неприступное, на самой вершинѣ круто обрывающейся къ непріятелю скалы, оно гордо высилось передъ крѣпостью.

На самой вышкѣ между двумя давно разбитыми 6-ти дюймовыми морскими пушками мы видѣли двухъ или трехъ стрѣлковъ и между ними богатырскаго сложенія поручика; — онъ самъ вмѣстѣ со своми стрѣлками кидалъ въ наступающихъ бомбочки; надъ ихъ головами стояла сплошная туча отъ дымковъ разрывавшихся шрапнелей.

И ни одинъ изъ непріятелей не осмѣлился показать голову надъ брустверомъ.

Четыре человѣка отстояли свой постъ отъ натиска густыхъ штурмующихъ колоннъ.

Безпощадный артиллерійскій бой кипѣлъ по сей линіи.

«Долина смерти» курилась отъ взрывовъ снарядовъ.

Въ такихъ условіяхъ, по приказанію генерала Стесселя, началось очищеніе разрушенныхъ позицій передовой линіи.

«Орлиное гнѣздо» лишилось своихъ храбрыхъ защитниковъ.

И когда въ 4 часа пополудни японцы атаковали снова эту гору, — некому было ихъ встрѣтить на вершинѣ.

Зато морская батарея на «Скалистой» горѣ и всѣ окружающія «Орлиное» пушки сосредоточили на немъ адскій огонь какъ только первый японецъ съ развѣвающимся національнымъ флагомъ появился изъ за бруствера.

И мы видѣли, какъ одинъ за другимъ взлетали на воздухъ тѣ смѣльчаки, которымъ удавалось водрузить свое знамя на «Орлиномъ»; много ихъ легло—картина была потрясающей красоты.

Въ особенности ярко помню одного японскаго унтеръ-офицера. Онъ нацѣпилъ огромный бѣлый съ краснымъ дискомъ посреди флагъ на длинный шестъ, вскочилъ на самую вершину и сталъ такъ во весь ростъ; а флагъ развѣвался вѣтромъ такъ что шестъ гнулся. Его товарищи бросились за нимъ и, вдругъ, разомъ нѣсколько нашихъ снарядовъ разорвались среди нихъ.

Храбрецъ вмѣстѣ со своимъ флагомъ былъ высоко подброшенъ на воздухъ и его безжизненное тѣло шлепнулось, скатилось нѣсколько разъ перевернувшись подъ откосъ и распласталось на землѣ.

«Орлиное гнѣздо» было взято...

До вечера его обстрѣливали.

А затѣмъ продолжалось отступленіе.

Мимо насъ по военной дорогѣ шли понуря головы жалкіе остатки гарнизоновъ «Малаго Орлинаго», «Куропаткинскаго люнета», «Китайской стѣнки», батареи лит. Б. и «Залитерной».

А оставленныя позиціи одна за другой взлетали на воздухъ. Оборонительная стѣнка облитая смолой, запылала: на «Маломъ Орлиномъ» со звономъ разлетѣлись въ куски взорванныя пушки...

Послѣдняя ночь Артура.

Наступила темнота.

Воздухъ дрожалъ отъ взрывовъ.

Подъ дорогой пылало деревянное строеніе служившее когда то кухней для батареи; туда бросали ящики съ патронами и они взрывались, наполняя «Долину Смерти» оглушительнымъ трескомъ.

Наша рота должна была пропустить мимо себя всѣхъ. И когда весь отрядъ очищенныхъ позицій прошелъ мимо и исчезъ въ направленіи «Большой» горы, мы въ послѣдній разъ взглянули на «Куропаткинскій люнетъ», на увлажненныя русскою кровью горы и медленно побрели вслѣдъ остальнымъ.

Между тѣмъ, сломивъ центръ и, какъ мы послѣ узнали, лѣвый флангъ крѣпости, японцы бросились штурмовать позиціи праваго фланга: укрѣпленіе № 2, батарею лит. А и «Сигнальную горку»; тамъ дѣйство-

вала дессантная рота съ «Пересвѣта». Не только всѣ эти штурмы были отбиты нашими войсками, но японцы потеряли массу людей на нашихъ фугасахъ, удачно взорванныхъ подъ штурмующей колонной передъ батареей лит. А.

Въ концѣ концовъ отступившій отрядъ, въ которомъ мы находились, расположился подъ «Скалистой» горой— она стала нашей передовой линіей.

По дорогѣ съ «Опасной» горы мы увидѣли рейдъ— и то, что тамъ творилось—леденило душу... Темными пятнами обозначались наши затонувшія суда и вотъ, одно за другимъ, они взрывались — необъятная масса огня, дыма и громовые раскаты взрывовъ...

Намъ не надо было говорить, что мы переживали послѣднюю ночь осажденной крѣпости!

Между «Скалистой» горой и «Большою» есть узкое ущелье—естественная брешь въ новой оборонительной линіи.

Это ущелье было поручено охранять нашей ротѣ. Остальныя части отряда выставили часовыхъ и расположились гдѣ попало; усталые, измученные забылись тяжелымъ сномъ.

Помню, какъ вчера, безнадежную тоску отчаянія, охватившую въ ту ночь все мое существо.

Въ черномъ узкомъ ущельи было относительно тихо; посмотришь наверхъ — небо горитъ отъ зарева пожаровъ въ городѣ, отъ безчисленныхъ взрывовъ земля гудитъ подъ ногами.

За камнями и въ складкахъ скалъ засѣли наши посты кучками и съ грустью вполголоса бесѣдовали. Я побрелъ между ними впередъ.

Какое то безотчетное желаніе влекло меня по направленію къ «Орлиному».

Миновавъ передовые секреты, я очутился въ «Долинѣ смерти» и присѣлъ на камень.

Высоко надъ головою высились очертанія «Орлинаго гнѣзда»; тамъ горѣлъ взорванный блиндажъ и горящія бревна скатывались внизъ.

Домикъ съ патронами продолжалъ пылать, оглашая долину трескотней.

И по гребнямъ оставленныхъ нами горъ перебирались въ нашу сторону японцы; я ясно видѣлъ черныя фигуры на фонѣ пламени и слышалъ ихъ радостные крики.

Вдругъ—чей то веселый, беззаботный хохотъ перекатился многочисленнымъ эхо по «Долинѣ смерти».

И отъ этого хохота неизгладимая тяжесть легла на душу.

Побѣдитель смѣялся; онъ торжествовалъ.

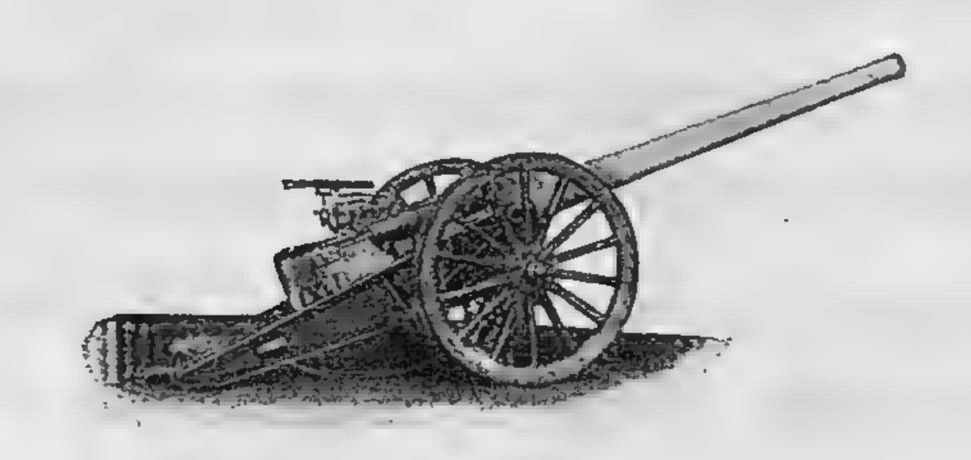
Осажденная крѣпость пала...

Что было дальше?.

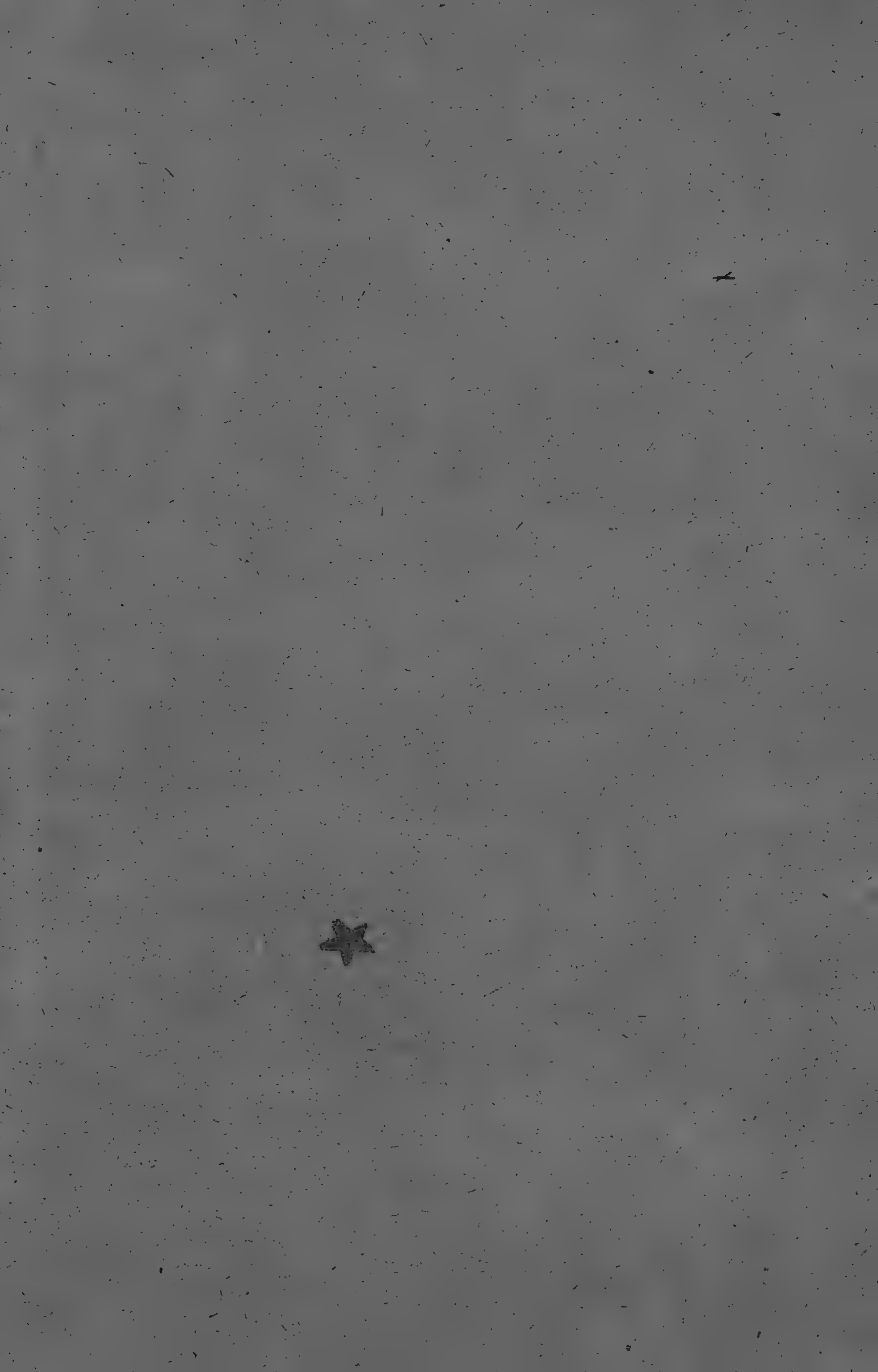
Вспоминается какъ кошмаръ...

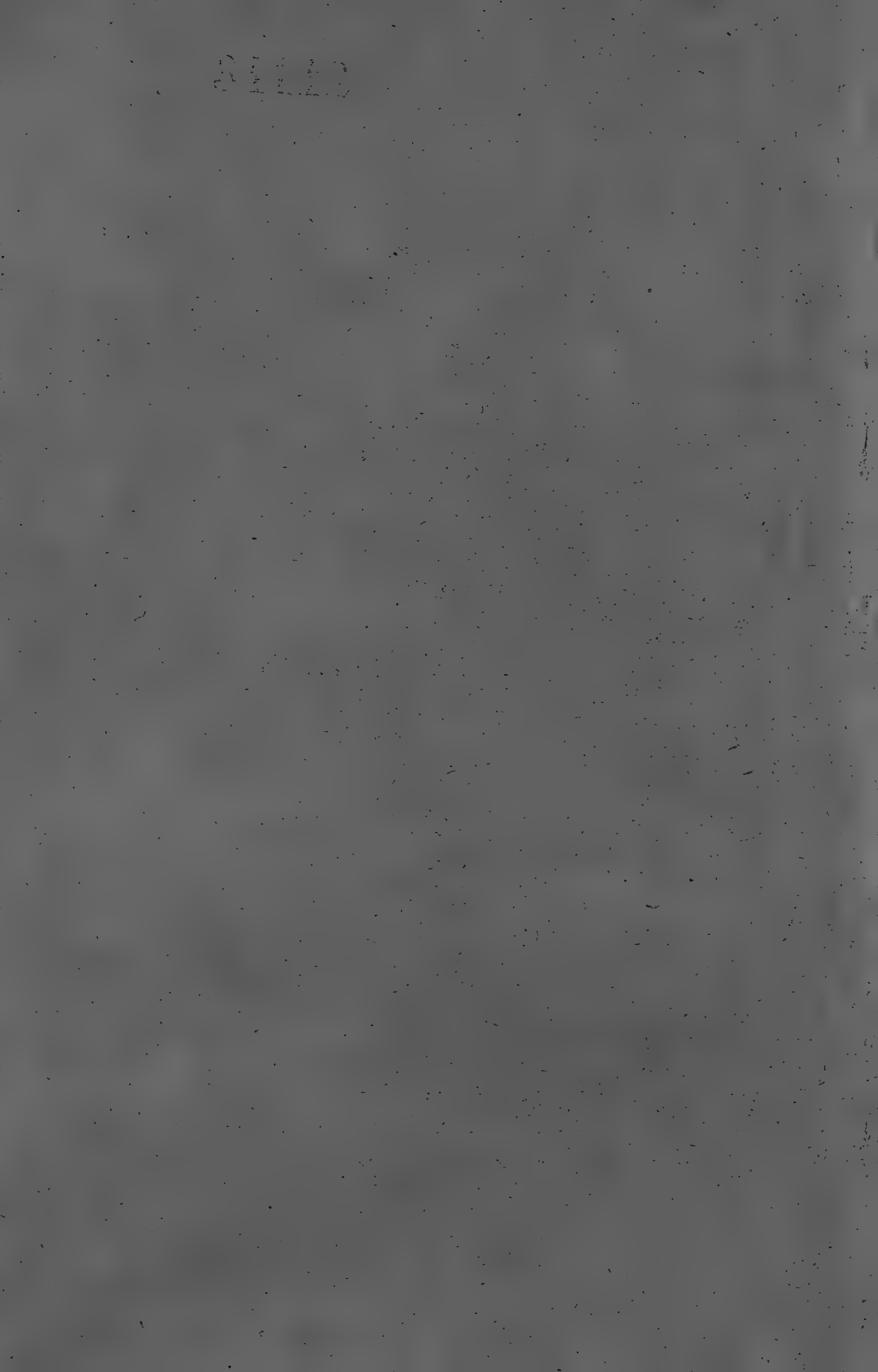
Прощаніе съ Артуромъ, шестидневный переходъ въ Дальній... Японія, счастливая, цвѣтущая, райскій уголокъ Тихаго океана... и — долгій, тяжкій плѣнъ...

Черезъ годъ мы возвращались домой, унося въ сердцѣ неизгладимую тоску по погибшей крѣпости, по беззавѣтному мужеству павшихъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2011121512